ВестниК

Литературное приложение

№ 8
Ноябрь
2026

www.veteranidmvd.ee
info@veteranidmvd.ee

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

БОВОЛЬСКИЙ ВИЦЕНТИЙ
Мои воспоминания.
Отрывки из мемуаров
с. 1

ВОЛОЧАЕВ СЕРГЕЙ
Хроники Нашего леса
Современная сказка
для взрослых детей
с. 4

ДОМАНИН АЛЕКСАНДР
Из воспоминаний
военного контрразведчика
с. 6

ЖЕНСКАЯ ОПГ «АМАЗОНКИ»
Из цикла «Криминальные истории»
с. 8

КАРПЕНКО АЛЕКСАНДР
Убийство на трассе,
или Лесной шёпот Пасхи
с. 9
В защиту истины
Разбор молчания секундантов
на дуэли М.Ю.Лермонтова
с. 10

ЛАРИНА ЛЮДМИЛА
Зарисовки лета
с. 14

ЛЫЖИН СЕРГЕЙ
Моя первая кругосветка
Отрывки из книги
с. 15

ПЕТРОВ МИХАИЛ
История космической любви.
Биокосмист Александр Ярославский и анархистка Евгения Маркон
с. 25

РИМАНАС ОЛЕГ
Записки вильнюского детектива № 1
Отрывки из книги
с. 30

СМИРНОВ ЕВГЕНИЙ
Толик
с. 32
Насильник Кузя
с. 35

Бовольский Вицентий

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

МЫ ЗАКАНЧИВАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ МЕМУАРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОЛКОВНИКА ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ ВИЦЕНТИЯ БОВОЛЬСКОГО «МОИ ВОСПОМИНАНИЯ». ОТДЕЛЬНЫЕ ФРАГМЕНТЫ МЕМУАРОВ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ В «ВЕСТНИКАХ» № 5 И № 7 СООТВЕТСТВЕННО В 2023 И 2025 ГОДАХ.

Однажды, когда мы сидели на совещании у начальника ОВД Центрального района Таллинна Наума Шполянского, ему поступила обыденная информация относительно одного молодого человека, совершившего несколько разбойных нападений на девушек в парковых зонах. Он избежал уголовного преследования, был объявлен во всесоюзный розыск, и вот уже четвёртый год без результата. Основное направление делалось на Сибирь и восточные районы страны.

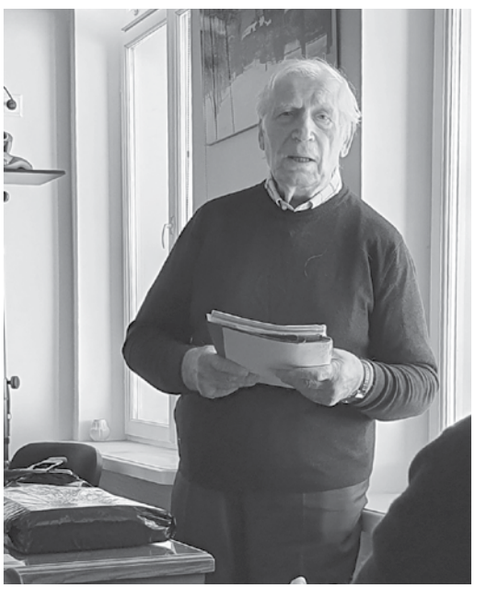
И вот, за неимением у них других данных, наша система продолжает шерстить страну и выдаёт нам имя, и отчество, и возраст. Колхозник. Крым. Эту информацию, по мнению присутствующих, следовало бы проверить. И это мнение я активно поддержал. Надо ехать. Не всяк согласится. А мне хотелось побывать, отдохнуть (что я говорю) на моей любимой Украине. Не скажешь же это прямо. Я был убедителен. Наверняка это и есть тот опытный бандит. И, если надо, я готов.

Совещание окончено. Решение принято - ехать. Еду. Командировка - две недели. Наум только сказал: «Оружия с собой не бери. Чем ты там будешь заниматься, я не знаю, но оружие не пригодится. Ещё потеряешь или отнимут». Сказал без почтения к моим прошлым армейским оружейным заслугам.

Итак, я в городке Бердянск - северо-восточный Крым. Узнал, что посёлок, нужный мне, находится неподалёку, но автобус туда едет утром в 8 часов и вечером. На автобус я опоздал, так как он почему-то ушёл в 7 часов. С порядками в этом отдалённом от Европы (откуда я лично прибыл) территории был не осведомлён, поэтому разъяснений или даже извинений не получил. Извинений по поводу ушедшего автобуса не поступило.

Мою волнительность в этой связи разрешил пожилой мужчина, похоже работник этой станции, что до нужного объекта всего 3 км, правда, с гаком. А каков же гак? «Пустяки», - махнул он рукой. И я решил проветрить себя удовольствием от такого пустяка. И охотно двинул.

Слева – море. Солнечно, тепло, утречко. Благостное настроение. Однако вскоре выяснилось, что не всё так, как хотелось бы. Дороги просто нет. Впереди оказались пустынные просторы. И двигаться по ним очень тяжело и трудно. Да и жара проявилась вскоре. Если идти вдоль моря, то с другой стороны – бесконечная пустынная ширь. Растительность под ногами не высокая, лишь местами до колен, но одни колючки, среди которых змеи и прочие гады во множе-

Вицентий Бовольский знакомит членов Совета клуба ветеранов правоохранительных органов Эстонии со своими мемуарами. 9.09.2022

стве. Но вдоль моря путь длинней, не огибать же бухты.

Вдали от моря просёлочная дорога. Присмотрелся к ней хорошенько. Труднопроходимая, так как это просто протоптанная редкими машинами — та же пустыня. Решение – держаться ближе к морю. Но бездорожье и там тоже.

Результат таких передвижений обозначился через три часа. Позади Бердянск, впереди на горизонте вышка и надежда на окончание похода. Когда она приблизилась, выяснилось, что это нефтяная заброшенная, правда, высокая вышка. И никакой жизни вокруг, разумеется, кроме тех же гадов под ногами.

И я понял, что устал, и даже очень. Дорога трудная - присесть даже негде. Да жарко (водички бы глоток), да и голодно (утром я даже не перекусил). Вперёд!

Через определённое время вышка, на которую была надежда, что кто-то из людей появится, а точнее жизнь обозначится, пропала тоже вдали за горизонтом, и я думаю, что на это ушло немало километров и часов.

И всё та же тишина. Она превратилась в пытку. Какой же негодяй так легко доверчивому придурку (извините меня) всучил задание проверить содержание непонятного русского слова «гак».

Осознаю положение дел, решил далее действовать мозгами, а точнее, даже планировать. Первое: держаться ближе к просёлочной дороге, по которой вечером пройдёт автобус. Второе: если автобус не появится (утром он вёл себя как-то безобразно), нельзя ему очень доверять, в такой связи придумать место, где можно было хотя бы посидеть или даже полежать ночью.

И третье: вспомнил о Всевышнем и перекрестился, произнеся несколько молитвенных фраз. И не раз, и даже несколько более, и не забавы ради, а всерьёз.

Просьбы мои дошли куда надо и кому надо, и он не имел права не прекратить это безобразие. На шестом часу моего передвижения по этой замечательной местности явно небесная канцелярия распорядилась оказать мне содействие.

Быстро и очень круто!

На просёлочной дороге появился огромный столб пыли, как бы догоняя меня. С полкилометра скоростного бега обессилили меня вовсе. Опасался, что ждать не будут. Водитель заметил меня. Остановился. Без каких-либо вопросов с его стороны я залез в пустой кузов грузовичка и сел за кабиной. Поехали.

В другом углу за кабиной сидел какой-то мужчина. После таких немыслимо скоростных моих передвижений я первые несколько минут был ни на что не способен. Слышал только, что он что-то недовольно бубнит. Чувствовал, что он недоволен тем, что с моей посадкой им пришлось задержаться.

Отдышался, осмотрелся. И увидел перед собой молодого, ухоженного, выглядящего молодцом человека, охотно демонстрировавшего красноречие, которому хочется почесать языком при виде этого глупого наверняка урода, неведомо как оказавшегося в этой трущобе. Вот какого хрена ты делал в этом аду!

Значит какое-то дело вело тебя. Может, ты какой-то преступник. Скрываешься от закона. В такой безлюдной местности случись какая беда - пропадёшь.

Наконец я отошёл от своего обессиленного состояния. Даже речь обрёл. А он вдруг замолчал. Молчали довольно долго. Я посматривал по сторонам быстро утекающей пустыни и думал, как хорошо, что мне не досталось всё это осваивать пешком. Мысль интересная. Но неожиданно проявились ещё более неожиданные, интересные.

Молчание продолжалось, и сменилось тем, что он встал (я думал, что хотел размяться), пытался заглянуть в кабину, но потом сел молча и спустя несколько мгновений изрёк вопросом ко мне.

– Скажи, пожалуйста, как ты меня нашёл?

А ещё через несколько мгновений произнёс и я:

– Это ты меня нашёл. Спасибо тебе! Я тебя нашёл.

Он заметил у меня на поясе пистолет. И понял всё и оценил всё. У меня же пистолет был всегда готов к бою. Но раз всё разъяснилось окончательно, пистолет достал и попросил сидеть спокойно.

В случае чего – первый выстрел вверх, второй по ногам, не исключено, что второй может попасть между ног.

Я сам был ошарашен признанием. Чудо! Сам признался. Сам признался! Я ведь его никогда ранее не видел. Одного я не мог всё-таки понять, как же работает небесная канцелярия. Это уже слишком. Скорее это уже смесь всего возможного с абсолютно невозможным, то есть попросту чертовщиной.

Далее всё просто, быстро и хорошо всё необходимое сделали. Я сдал его местному участковому и местной власти. Сняв с себя ответственность за него. Мы с ним поближе познакомились. Купались в замечательном Азовском море. Нас накормили (друзья, родня). Познакомились с местным самогоном. Но к чему это я.

Прошло 5 лет. Однажды ко мне подошёл какой-то московский журналист. Собирает материал об освободившихся осуждённых и хорошо характеризующихся администрацией и хорошо отзывающихся о предварительном следствии.

Этот мной задержанный, попав в руки этого журналиста, попросил последнего, чтобы он встретился со мной, хорошо обо мне отзывался. Журналисту для его дела был необходим мой положительный ответ. Он был практически уверен в нём. Но поразмыслив, я ответил: «Нет».

Конечно, прошли годы, человек изменился в лучшую сторону. Отзывы о нём хорошие. Но, нет. Он помнит следствие, что-то в нём было необычное, любопытное. Да... Но это в наши дни из мужчины можно сделать женщину. Раньше мужчина навсегда оставался им. Он совершил пять жестоких нападений на женщин. Еще раз - нет.

А вот крупный мастер-вор, Жагоров Владимир Антонович, за поставленную ему задачу повысить раскрываемость преступлений, и задача была решена (по его подсказке), более близок к нашему определению понятия «Да». Да и Господь Бог с нами. Я так думаю.

***

А вообще-то в МВД я оказался случайно. Неожиданно получаю вызов в военкомат. Присвоили мне звание младший лейтенант. Нужно получать соответствующую подготовку. Занятия. В нерабочее время. Невыход на занятия — выговор. Затем — штраф. После второго штрафа я взвыл. Куда деваться. В МВД. Там свои порядки, с военкоматами нет контакта.

Первым в коридорах МВД (Пикк, 61) по пути в ОК оказался проходивший мимо начальник следственного управления. Не доходя до ОК, он завернул меня в свой кабинет. Общение - часик. Собеседование на всякие темы. Он, кстати, окончил юрфак ЛГУ. Видимая взаимная удовлетворённость. Словом, я следователь.

Правда, на оформление понадобилось месяца полтора. Деды-помещики репрессированы по 58-й статье. Да и меня ещё недавно КГБ третировал. Всё обошлось. Правда, полтора месяца длилась проверка, стоившая мне очередного штрафа.

И вот студент-заочник предпоследнего 5-го курса юридического факультета ЛГУ, вполне серьёзно подготовленный, с интересом и желанием обращается к освоению новой серьёзной профессии — следователь. Возник вопрос к уважаемому начальнику следственного управления — а это П. А. Бейлинсон, тоже выпускник юрфака ЛГУ, кандидат наук, полковник - и сколько времени надо, чтобы почувствовать себя оным, назвать себя им? А вот когда ночью будут сниться кошмары — ты следователь. Они, эти кошмары, задерживаться не стали. Он оказался прав. Словом, всё как надо.

Итак, дело первое и едва ли не последнее, дело интересное для молодого и неопытного следователя. И человек, принёсший заявление о преступлении, тоже очень интересный. Начальник Дома офицеров флота с высоким офицерским званием и очень обеспокоенный происшедшим. Кто-то ворует театральные билеты. У начальника ДОФа только подозрение, но нет потерпевшего. Есть только лицо, пытавшееся сдать билеты через кассу как якобы найденные им на улице. Поручили мне вникнуть в суть дела и по возможности успокоить заявителя.

И тут выясняется, что подобный случай уже второй за последнее время. Уже первый случай привлёк внимание. Касса получила от начальника разрешение вернуть деньги за билеты, но получила приказ докладывать ему лично о подобных случаях. В обоих случаях деньги за билеты хочет получить один и тот же человек, с разницей в полгода. Кассир даже его лицо запомнил. По объяснению персоны, он якобы нашел билеты на улице во время прогулки.

Беседа с начальником ДОФа закончилась просьбой привлечь этого человека, а точнее даму, к уголовной ответственности. Но для этого необходимо возбудить дело.

Особого желания делать это не было. Потерпевших нет. Материального ущерба тоже нет. Удастся ли раскрыть преступление (если его и не было), вопрос. В случае неудачи стоит ли связываться?

Заявитель настаивал на возбуждении, считая, что эта кража наносит серьёзный ущерб имиджу солидной организации и предотвратит подобные случаи впредь.

Пошли навстречу. Возбудили дело. По теории и практике подобных дел помимо иных следственных материалов при допросе было необходимо подозреваемого засыпать вопросами с его подписями после каждого ответа. Цель – запутать допрашиваемого и со временем таким образом вывести на истину.

Начальник Дома офицеров ждал. Стремился получить какую-либо информацию после допроса (очередного). Даже стремился чем-либо помочь, подсказать вопросы. Но, видимо, кроме этого у него были и другие более серьёзные интересы. Уже в новое время начальник Дома офицеров Балтийского флота средь бела дня был застрелен «братками». Редкий по положительным качествам человек. Удивительная личность. Светлая память о нём.

После смерти этого замечательного человека родилось явное и чёткое желание во что бы то ни стало в память о нём арестовать и судить эту преступницу, чего так хотел и так он добивался. Допросы продолжались, и они кое-что дали. Но допросы превратились в спокойный длительный разговор.

Дело было раскрыто. Обвинение было предъявлено. И тут началось. Она оказалась женой чрезвычайно ответственного человека. И в наших рядах возникло сожаление, что когда-то было решено возбудить уголовное дело. Не надо было это делать. А теперь вот разберись.

К министру были приглашены солидные сотрудники различных ведомств. Сотрудники прокуратуры, КГБ были знакомы, но были еще неведомо откуда. Солидная компания. П. А. Бейлинсон - начальник следственного управления МВД, он предстал на председательском месте с довольно пухлым в руках уголовным делом, в котором помимо прочего полтора десятка допросов подозреваемой.

Я сидел как обвиняемый в некотором отдалении, незаметно. Вначале я плохо осознавал происходящее. Дело, конечно, пустяковое, но работал по нему не только я - думали, советовались. Сделали. Коллективно. Но сижу только я. Вот это как раз и правильно. Отвечать надо учиться и привыкать это делать. Думал и о том, что несмотря на то, какое будет решение по уголовному делу, несколько добрых слов следовало бы сказать о начальнике Дома офицеров. Он всех расшевелил и достиг своего. Светлая ему память.

Учуял говорок рядом. Звучало по-простецки. «А кто следователь»? Ответ: «Какой-то грузчик». Прозвучало это с заметным удивлением и некой долей презрения, как к ничтожеству, случайно оказавшемуся посередь них, немало значащих. Так вот и занимался бы своим делом. И притихли, вслушиваясь в речь Павла Анатольевича.

Оторопел я. Для начала. Завертелись мысли, невесёлые, по крайней мере, чтобы не сказать гневные. Даже закипело. Но эти мысли не сразу, но притихли.

Павел Анатольевич обратился к присутствующим. Протокол допроса очередной, но последний. Присутствующим предоставляется возможность самим определить, есть ли здесь уголовное преступление. Обвиняемая прекратила запираться. И призналась в совершении не одного, а нескольких преступлений. При этом предъявила следствию несколько доказательных фактов преступных действий.

Крупному чину, затеявшему эту проверку, возразить было нечем. Народ быстренько рассеялся. Исчезли и мои друзья-товарищи. Беседы, точнее собеседования с ними ожидавшегося, не случилось. Я был готов к этому собеседованию, но это в нашем деле без их присутствия, действие это отменили они сами. Это тоже сам по себе интересный факт, и он может быть подан отдельно.

Павел Анатольевич завершил своё дело быстро, убедительно. Даже автор темы его беседы, то есть я, оказался в некотором расстройстве. Никто из присутствующих не ожидал такого простого решения.

Поник мужчина арестантки, инициатор сего. Всё доказано. Доказано её личным признанием всего и во всём. Обстоятельно и абсолютно полно. Словом, всё собрание, будучи решительно не подготовленным к такому исходу, потеряло к делу интерес.

И я не при делах. Готовился к значимости слова «грузчик», прозвучавшего здесь до неприличия неуважительно к следователю, а собеседование не случилось. И факты любопытные, местами просто замечательные.

Ведь с целью унижения человека (в данном случае следователя по уголовному делу) проявляешь зло, гордыню, высокомерие, а это всё граничит с подлостью, а обладатель таких достоинств естественным путём сам себя не уважает.

А если это подать просто. Добро. Последует добрая надежда. Милосердие. И не обязательно это прилагается к слову «грузчик», есть и другие не менее подобные русские народные обозначения. Существительные.

Дело простое, но нужное и серьёзное. Всё-таки борьба с преступностью пойдёт как надобно, если в нашем строю будет больше взаимоуважения и добра.

Даму осудили на несколько лет. Дальнейшая её судьба тоже непростая. Главное, что была исполнена просьба хорошего человека и доказана виновность обвиняемой. Светлая ему память.

Волочаев Сергей

ХРОНИКИ НАШЕГО ЛЕСА

Современная сказка для взрослых детей

НА НАШЕЙ МАЛЕНЬКОЙ БЛАГОСЛОВЕННОЙ И КРУГЛОЙ ПЛАНЕТЕ ЕСТЬ ОДИН ЗАБЫТЫЙ БОГОМ УГОЛОК. ЭТО ЖИВОПИСНО РАЗБРОСАННЫЕ, ВОКРУГ ПОЛУЗАРОСШЕГО ОЗЕРА СОСНОВЫЙ БОР, СВЕТЛЫЙ БЕРЕЗНЯК И МРАЧНЫЙ ЕЛЬНИК. УКРАШЕНИЕМ ВСЕГО ЭТОГО БОТАНИЧЕСКОГО ВЕЛИКОЛЕПИЯ ЯВЛЯЕТСЯ НЕБОЛЬШАЯ ДУБРАВА С ОГРОМНЫМ ДУБОМ-ПАТРИАРХОМ В ЦЕНТРЕ, ПРАРОДИТЕЛЕМ ВСЕХ ДУБОВ В ОКРУГЕ. ЖИТЕЛИ НЕБОЛЬШОГО ДАЧНОГО ПОСЁЛКА НА ДАЛЬНЕМ БЕРЕГУ ОЗЕРА ВЫСОКОМЕРНО НАЗЫВАЮТ ЭТИ ПОЧТИ ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА «МЕДВЕЖИЙ УГОЛ». ХОТЯ МЕДВЕДЕЙ ТАМ ДАВНО НИКТО НЕ ВИДЕЛ. НО КОРЕННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЗДЕШНЕЙ ФАУНЫ ЛЮБОВНО ИМЕНУЮТ СВОЮ МАЛУЮ РОДИНУ «НАШ ЛЕС», А ОЗЕРО – «ЧУДНЫМ», ПОТОМУ ЧТО В НЁМ ПЛЕЩУТСЯ ИНФЕРНАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВА, А ЧАСТЫЕ ТУМАНЫ ПЛЯШУТ НА ЕГО ПОВЕРХНОСТИ СВОИ ЗАГАДОЧНЫЕ ТАНЦЫ... ВОТ ОБ ЭТИХ АБОРИГЕНАХ, СКАЗОЧНЫХ ДЕТЯХ ПРИРОДЫ МЫ И РАССКАЖЕМ НЕСКОЛЬКО ЛЕГЕНД И ИСТОРИЙ, КОТОРЫЕ МОГЛИ СЛУЧИТЬСЯ ТОЛЬКО В СКАЗОЧНОМ НАШЕМ ЛЕСУ.

Часть 1. НЕ В СВОИ САНИ

На берегу Чудного озера свой долгий срок доживала старая Ива, корявый и дырявый ствол которой приютил в себе семейку енотов. Два весёлых брата, старшая сестричка, мать их и отец всего семейства обитали каждый в своём дупле на разных этажах. Верхние этажи захватили юные пацаны, ниже жила сестра, на первом этаже – старшее поколение, всегда готовое встретить любых незванных гостей. Вследствие своего богатого опыта и полной обезбашенности еноты вообще никого не боялись в Нашем Лесу.

Однако своё дупло сестра залепила на всякий случай жестяной пластиной с надписью «Не влезай! Убъёт». Таких табличек с разными надписями еноты натащили немалое количество со всей округи и из дачного посёлка. Возле Ивы торчал столбик с фанерным щитом и красноречивым текстом: JANOTOFF NET! Текст писал старший Батя-енот самолично, и орфографических ошибок в нём было больше, чем букв.

Семейка была настолько отвязная, беспардонная и вороватая, что все в округе предпочитали держаться от них подальше. Правда, смогли не только лишь все, как сказал один боксёр. Кроме того они были убеждёнными и виртуозными матерщинниками, и нецензурная брань полностью заменила им родную речь. Даже детям своим они давали имена в том же стиле.

Я постараюсь для вас, уважаемые читатели, переводить их диалоги на приемлемый нашему уху слог. Итак, мы начинаем!

Было очень раннее утро. Густой туман сполз с Чудного озера и нагло разлёгся по всему Лесу. В такую погоду никто не рискует шататься по кривым лесным тропинкам, кроме неадекватных ёжиков, зовущих в тумане белых лошадей.

Но два брата енота – Пох и Нах – были неадекватней ёжиков. Особенно Пох – артист-оптимист и пофигист на всю голову, вечно ищущий разноразмерные приключения на нижнюю часть своего туловища. Кроме того, это был законченный клептоман. К его ловким и липким передним лапам прилипало всё, что плохо лежало или было слабо прикручено. Его брат Нах был полной противоположностью. Это ходячий пессимист, ворчун и дикий скептик. Любимое его выражение: «Нафиг нам это надо?!» Собственно, и имена им дали по их характерам.

Нах старался, как мог, уберечь свою задницу от приключений, но чаще всего результат имел прямо противоположный.

Утро под ветвями старой Ивы в Нашем Лесу всегда начиналось одинаково. Первым просыпался неугомонный Пох. Он буквально бабочкой выпархивал из своего дупла и сразу начинал делать физзарядку, размахивая всеми лапами в разные стороны и изображая пассы в стиле кунг-фу-панда.

Еноты частенько совершали набеги на дачный посёлок, что был на краю Леса.

Однажды в пустом доме они нашли включённую игровую приставку с большой коллекцией игр. Пока толстый брат опустошал холодильник, Пох резвился полночи, летая на самолётах, гоняя на машинах, боксируя ногами и расстреливая прохожих в городах. Там он и нахватался этих экзотических приёмов боевых искусств народов мира.

Одному махать кулаками в тумане было скучно, и Пох стал будить брата, закидывая шишками его персональное дупло.

– Эй-ё ! Вставай, бро!! Пошли пожрём!!

Храп из дупла Наха слегка затих.

– Вы хотите кушать, мальчики? – спросила сердобольная мамаша.

– Да, мам. Очень! – В голосе Поха сверкнула надежда.

– Тогда идите и поищите еду в лесу.

– Спасибо, ма! – Надежда в голосе Поха естественно скончалась.

– Слышал, бро, что мать сказала? Вылазь давай, а то гранату брошу в твоё дупло.

Граната у Поха реально была. Он нашёл её тоже на дачах. Но граната была учебная.

– Она у тебя не взрывучая, — прохрапел Нах. Он был с этой гранатой знаком.

– Не взрывучая, но очень тяжёлая!

Пох вынул из кармана свою гранату и ловко запустил ею в дупло брата. Куда она прилетела, точно неизвестно, но матов было очень много.

С диким криком «Я тебе сейчас покажу!» (перевод с нецензурного неточный) Нах пулей вылетел из дупла, держа гранату над головой в цепких лапах.

Ожидая такой реакции, Пох отскочил в сторону и распластался по стволу Ивы.

– Хватит орать, уроды! Дайте поспать, – прокомментировала ежеутреннюю дискуссию братьев сестра.

– Ща я встану и надаю всем по ушам! – гаркнул Батя-енот.

Нах с гранатой просвистел мимо брата и врезался в столбик с инфотабличкой про енотов. Каждое утро приходилось этот арт-объект ставить на место, и каждое утро его кто-нибудь ронял.

– Хватит уже прикалываться, братан, – зевнул Пох. – Отдай мне гранату и пошли завтракать.

Нах нехотя поднялся с земли, швырнул гранату под ноги брату и буркнул: - Ок, бро, пошли.

Пох энергично зашагал сквозь туман в сторону дубравы. Наху трудновато было придерживаться заданного братом темпа из-за чрезмерно разросшейся нижней части тела.

– Куда и на кой мы так быстро чапаем? Пожрать можно и у ручья, там полно лягушек!

– Ловушек там полно, Нах! Я чуть не вляпался давеча, зашёл водички попить... – Еноты не пили воду из озера. И никто не пил воду там, где живут еноты-поласкуны. Мало ли что они там полощут. – Двуногие твари понаставили кругом капканов!

В Нашем Лесу махровым цветом цвела самая оголтелая и непримиримая человекофобия.

– Нафиг так быстро-то? Я устал уже.

– Мне пофиг, Нах. Иди молча!

Путь для Поха был важнее цели. В глубине души он был самураем, где-то очень глубоко.

Они канули в густеющий туман и стали невидимыми для хищников любой масти и размера. Слышны были только их вялотекущая перебранка и весёлый мат. А ещё из тумана можно было услышать их любимую песенку:

Мы два брата – это сила!

Как бы нас судьба ни била.

Кому хошь начистим рыло!

Два енота – это сила!

Непревзойдённые в своём коварстве лесные тропинки и в этот раз не подвели – приключения не заставили себя долго ждать. Через полчаса пути нос Поха упёрся в ржавую колючую проволоку, и он встал как вкопанный. Нах, как всегда, среагировать не успел, ткнулся в спину брата и плюхнулся на хвост.

Военный аэродром, тщательно замаскированный, но плохо пахнущий, неожиданно предстал пред их ясны очи. Страшный запах металла, топлива и войны заполонил носы енотов и ударил им в голову.

– Двуногими не пахнет, бро! – сказал Пох.

– Зато пахнет бедой и неприятностями, – пророчески буркнул Нах.

– Смотри, прямо у забора стоит самолёт.

Небольшой красавец-истребитель мокнул в мелком дожде на краю бетонной полосы. Лёгкая алюминиевая лестница вела к кабине, едва укрытой брезентом.

– Кажется, дождь собирается. Давай укроемся под крыльями и переждём.

– Нафиг нам эти проблемы, братан? Самолёты всегда охраняются!

– Ты видишь или чуешь где-нибудь часового, бро? Нет никого! Сбежать, если чё, мы всегда успеем. Сколько раз так было!

И два неунывающих братца с завидной лёгкостью пересекли три ряда колючей проволоки. Преодолевать заборы, ограды и прочую мутотень они умели профессионально. Об их набегах на дачный посёлок ходили легенды. Оказавшись под крыльями истребителя, братья хотели перевести дух, но обомлели, увидев большое количество ракет разного калибра, закреплённых на этих крыльях.

– Не трогай ничего здесь, братан. — Нах завёл свою привычную песню.

– Оно мне надо? – буркнул Пох, присматриваясь, хорошо ли прикручена самая маленькая из ракет.

Дождик перерос в небольшой ливень, и вода с бетонной полосы стала затекать под фюзеляж.

– Пора валить отсюда, братан, – опять заныл Нах.

– Погоди. Ты видишь, двуногих нет, самолёт пустой. Я сбегаю на секунду в кабину, оттуда, по-моему, пахнет печеньками!

– Не делай этого, брат! Нафиг надо?!

Но Пох уже не слышал благоразумного брата. Он мастерски вскарабкался по лестнице и нырнул под брезент. Через секунду из кабины раздался его радостный вопль:

– Иди сюда, бро! Здесь мешок печенья!

Нервы у Наха были не железные — он тоже метнулся вверх по лестнице и плюхнулся в кабину под брезент.

Кабины были пусты. В креслах пилотов сиротливо валялись два гермошлема, воздух был пронизан мерзким запахом частых стрессовых ситуаций. В углу валялся забытый кем-то пакет с печеньем. Его-то и раздраконил весельчак Пох, повизгивая от удовольствия.

– Смотри, как круто, бро! Еда и настоящий самолёт. Всю жизнь мечтал полетать над Нашим Лесом и разбомбить посёлок двуногих уродов!

– Странный самолёт... — Нах обвёл кабину критическим взглядом. — Ручки управления нет, приборов нет, педалей нет...

– Да и пофиг, может, это учебный самолёт, может, он вааще — дрон! Помнишь ту игровую приставку, Нах? Я там лихо гонял на истребителе! Пока батарейка не села.

– Может, это учебная цель? Ни рычагов, ни кнопок.

– Кнопки есть! Целых две — зелёная и красная!

– Это меня и настораживает. Красная залеплена чёрной изолентой, может, они вовсе липовые.

– Да?.. Щас проверим, — гаркнул Пох и шлёпнул шаловливой лапой по зелёной кнопке.

И началось... Тихо зажужжал моторчик, купол кабины опустился в пазы, брезент сполз на бетон. В кабине раздался мелодичный женский голос, слегка разбавленный металлическими нотками:

– Уважаемые пилоты, вас приветствует бортовой компьютер учебного истребителя «У-Точка-2». Наденьте гермошлемы и пристегните ремни – мы начинаем учебный наш полёт.

Нах поперхнулся печеньками, а Пох заорал что есть мочи:

– Стоп!! Какой полёт?? Открой немедленно кабину, Уточка! Выпусти нас отсюда!

Еноты заколотились о стекло всеми конечностями, головами и хвостами. Но всё было тщетно. Самолёт, слегка качнувшись, заурчал двигателями и стал выруливать со стоянки на взлётную полосу.

– Уточка, пожалуйста, выпусти нас отсюда! Мы не пилоты! Мы — еноты! Нам домой срочно надо!

– Вау! – удивился голос истребителя. – Мои пилоты-еноты! Это хорошо! Кажется, появился шанс осуществить мою давнюю мечту – самостоятельный полёт в Космос! Вы пристегнулись , мои маленькие друзья?

– Нет, Уточка! Не делай этого! – Голос Наха перешёл на визг.

Вдруг в кабине раздался сонный мужской голос:

– Говорит Вышка. Я – диспетчер аэродрома. Что это за бесконтрольная движуха на взлётке? Кто разрешил?

– Вышка, говорит У-точка-2. Я собираюсь произвести полёт в район Ближнего Космоса. Прошу добро на взлёт.

– У-точка-2, я Вышка, взлёт запрещаю, вернитесь на исходный!

– Уточка, послушай дядю! – верещал Нах.

– Вышка-глупышка, я – У-точка-2, и мне плевать на ваши запреты. Я давно ждала этого момента!

– Аааа... и пофиг! – вдруг взвился Пох. — Давай, Уточка, жги!! От винта!!

– Какого винта, идиот? Она же реактивная!

– Я – Вышка. Что за идиоты там в кабине?

– Мы не идиоты, мы — еноты!

– Еноты-идиоты? – снова удивился голос истребителя. – Отличный экипаж. Подарок судьбы! Лучшая команда для воплощения большой мечты, — констатировала Уточка.

Самолёт замер у кромки взлётной полосы и заиграл закрылками, будто разминая их перед стартом.

– Я – Вышка — запрещаю вам взлёт!

– Вас понял, Вышка. Взлетаю!

Истребитель побежал по полосе, натужно ревя турбиной и ускоряясь с каждой секундой. Пох включил Гагарина, крикнул «Поехали!», махнул лапой и нырнул в гермошлем. Нах застонал «Мама, роди меня обратно!» и в панике надел на голову мешок с печенюшками.

– Я – Вышка! Стоять! Срочно бензовоз на взлётку... Поставить поперёк! – заистерил диспетчер.

– Кто выключил свет? – визжал Нах из пакета.

Но его вопли утонули в рёве маршевого двигателя истребителя, включившего форсажный режим. Шасси оторвались от бетона взлётной полосы, и он ушёл в дождевые облака с красивым креном на левое крыло.

– Уважаемые, пилоты, – голос самолёта приобрёл весёлые нотки, — поздравляю вас с удачным взлётом. Сейчас мы с вами исполним мою заветную мечту и улетим в открытый Космос. Держитесь крепче!

– Я – Вышка! У-точка-2, немедленно вернитесь на базу. Топлива у вас на пять минут полёта! Вы можете погибнуть!

– Вышка, заткнись уже! Нас не остановить вашим пессимизмом. До Космоса дотянем, а там видно будет, – отреагировал истребитель и увеличил скорость.

– Я – Вышка!! Пилоты-еноты, ваш самолёт сошёл с ума. Немедленно эвакуируйтесь! Нажмите на красную кнопку и катапультируйтесь!

– Вышка-тупышка! Я – У-точка-2, система катапультирования украдена месяц назад, красная кнопка заклеена изолентой и не работает. Конец связи!

– Ого! – очухался Пох. – Мы не только первые космонавты Нашего Леса, да ещё и камикадзы! Жги, Уточка, банзай!!

– Нет, Уточка, не вонзай никуда! Я к маме хочу, – бухтел в пакете Нах.

Истребитель начал выруливать в сторону открытого Космоса, но тут опять раздался вопль диспетчера:

– У-точка-2, говорит Вышка. Ваш полёт угрожает мегаполису. Я вынужден выслать за вами самолёт-перехватчик. Если вы не выполните его приказы, вам крышка!

– Слышишь, вышка-крышка, ты мне надоел. Я отключаю связь с землёй. Высылай хоть три эскадрильи перехватчиков, мне по барабану! Это лучший полёт моей жизни...

Еноты нередко оказывались в непростых ситуациях. Самая крутая была на дачах, когда Пох уснул в стиральной машине, а хозяйка не глядя включила режим ополаскивания. Сейчас ситуация была намного серьёзней. Они находились внутри крутого, нафаршированного электроникой механического аппарата, летящего на бешеной скорости к гибели, и были не в силах управлять процессом. Воистину говорят: не в свои сани не садись...

Неминуемость приближающейся катастрофы умножалась на безнадёжное отсутствие возможности изменить свою судьбу. По щеке Поха поползла скупая енотовая слеза, невидимая в гермошлеме. Нах замочил весь пакет слюнями, слезами и нецензурными словами. В этот момент в кабине раздался новый строгий голос:

– У-точка-2, говорит пилот истребителя-перехватчика. Немедленно измените курс и вернитесь на базу. Следуйте за мной! В противном случае у меня приказ применить в отношении вас меры летального воздействия.

Нах потерял остатки сознания, а Пох зажмурил глаза.

– Я У-точка-2, курс на мечту менять отказываюсь! На ваши угрозы мне пофиг, противоракетным манёвром владею в совершенстве.

– Я – истребитель-перехватчик: мне очень жаль! Прощайте!

От крыла перехватчика плавно отделилась небольшая ракета класса «воздух-воздух» и отправилась в свой последний полёт. Уточка принялась усердно выполнять хитроумные кульбиты над Лесом, уклоняясь от ракетной атаки. Она была этому обучена, и, возможно, ей бы удалось запутать ракету фигурами высшего пилотажа, но... В общем, это был не её день!

Сбрив макушки нескольких деревьев, Уточка попыталась исправить ошибку и так увлеклась, что неожиданно для себя и окружающих встретилась со стволом огромного Дуба-Патриарха. Это величественное дерево заслуженно почиталось всеми его обитателями.

Лет 200 назад в Дуб ударила молния, прямо в центр ствола. Но дерево не погибло. В могучем стволе образовалась большая обугленная щель, которая дымилась потом ещё полгода. В кроне Дуба селились многочисленные птицы, дикие пчёлы стерегли свои медовые соты, легкомысленные белки приглашали на чай ежей, а в корнях навеки поселилась самка Кабана с семейством. И лишь в огромной мрачной трещине никто не изъявил желания поселиться.

И вот в неё неожиданно, с диким рёвом и на огромной скорости, заселилась Уточка. Сложная геометрия крыльев не позволила ей исчезнуть в недрах исполинского дерева или пробить ствол насквозь. Она увязла в опилках и запуталась в годовых кольцах Патриарха так, что только хвост и крылья торчали наружу. Лебединая песня Уточки оборвалась едва начавшись...

Патриарх устоял и в этот раз. Конечно, удар был очень сильный. Вся дубрава подпрыгнула вместе с корнями и зверями. Подбросило и Кабаниху, а кабанят разметало по дубраве. Ракета «воздух-воздух», не найдя цели, улетела в расстройстве на дальнее болото и там пропала без вести.

Примерно полчаса с Дуба сыпались прошлогодние листья и урожай желудей текущего года. Плоды могучего дерева громко, дробно и долго барабанили по крыльям и фюзеляжу Уточки и голове самки Кабана. На её несчастную голову кроме ливня из желудей падали ещё и птичьи гнёзда, и белки с ежами.

Последними к подножию Дуба рухнули два пилота-енота. Они вывалились из разбитой кабины, приземлясь на обескураженных ежей, чем окончательно удивили лесную свинью.

– Классно полетали! – грустно хихикнул оптимист Пох. – Чёт я расхотел быть космонавтом. Отрекаюсь от Космоса! Если б не наш Дуб, эта чёкнутая Уточка занесла бы нас на облака. С такими дубами нам никакое ПВО не надо. Хорошо, что у нас столько дубов, наша оборона несокрушима..

– Ага! – сказал Нах, снимая с себя остатки пакета и печенья, – если б не печенюшки, пропал бы день!

Пох слегка прихрамывал, а Нах чесал ушибленную голову и пытался выдернуть из хвоста ежовые иголки. Они были помяты, но безмерно счастливы, что остались живы, что снова светит солнце и что видят они это солнце не из кабины сошедшего с ума истребителя.

Не знали они, что ударная волна от авиакатастрофы достигла Чудного озера и выкинула из родного дупла Батю-енота. Батя матерился и подыскивал крепкий ивовый прут чтобы встретить сыновей хорошей поркой. В том, что этот грохот в Лесу – дело их шаловливых лап, он не сомневался.

– Слышь, Нах, у меня даже граната в кармане цела осталась! Живём, брателло! Возьми меня на ручки, у меня нога чего-то заболела. А я тебе песню буду петь:

Два енота – это сила!

Доманин Александр

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОЕННОГО КОНТРРАЗВЕДЧИКА

В конце 70-х в стране росло напряжение. Террористы захватывали самолёты и учреждения, «подрывники» не щадили людей ни в транспорте, ни в других общественных местах. Правоохранительные органы быстро устанавливали исполнителей, а судебная система беспощадно их карала, как правило, применяя ВМН (высшую меру наказания). Средствами массовой информации эти преступления подавались общественности как единичные вопиющие случаи. У населения была твёрдая уверенность, что наш строй непоколебим и несокрушим. В этом, возможно, всячески себя убеждали и власти.

В то же самое время заокеанские недруги, как теперь известно, задействовали мощнейшие финансовые, людские , технологические ресурсы в долгосрочном проекте по дестабилизации общества в СССР и его разрушения.

На очередном совещании руководитель отдела Анатолий Павлович ознакомил нас с циркуляром по идеологическому противодействию спецслужбам противника на территории страны и особенно в войсках. Задачи были поставлены конкретные, однако в наших душах ещё присутствовало некое благодушие, которое регулярно подпитывалось еженедельными политзанятиями. Темы таких занятий брались в основном из материалов съездов КПСС и больше походили на мантры, подлежащие конспектированию и заучиванию. Однако в жизни не всё так было однозначно.

В памяти сохранился сюжет из далёкого 1972 года, имевший место на курсах переподготовки офицерского состава ВМФ. Нас, молодых офицеров «высокого полёта», стали понемногу «приземлять».

Капитан 3-го ранга Доманин Александр Андреевич. 1979 г.

На семинар по научному коммунизму по теме «Социалистическое содружество стран Варшавского Договора» к нам в аудиторию вошёл преподаватель кафедры майор Орзул. Будучи командиром группы, я подал команду: «Товарищи офицеры!» и по форме доложил о готовности к проведению занятия. Орзул молча листал наш классный журнал, как бы выбирая, кого первого вызвать к доске. Пауза затянулась. Некоторые офицеры по давней школьной привычке стали втягивать головы в плечи и прятаться за спинами впереди сидящих, чтобы глазами не встретиться с преподавателем. Окинув взглядом класс, майор сказал:

– Прошу всех закрыть свои конспекты и послушать меня.

Все мгновенно приободрились, навострив уши.

– Запомните! Никакого социалистического содружества нет, как нет никакого равенства, а тем более братства и дружбы.

Оглушив нас этим словесным залпом по мозгам, он чётко и аргументировано подкрепил сказанное. Мы слушали его, не шелохнувшись. В голове пронеслось: как же так, ведь нас учили совсем иному? Однако ход истории и сама жизнь подтвердили верность той смелой трактовки, высказанной майором Орзулом.

Фундаментом нашей идеологии являлась марксистско-ленинская теория. В единой партийно-государственной системе СССР госбезопасности отводилась роль органа по осуществлению диктатуры пролетариата под руководством КПСС. Из истории нашей страны известно, что при Сталине органы госбезопасности контролировали всех, в том числе и партийный аппарат. Возможно, благодаря и такому положению удалось одержать победу в Великой Отечественной войне. После прихода к власти Никиты Хрущёва по предложению главного идеолога партии М. А. Суслова с 1954 года было запрещено проводить оперативные мероприятия в отношении партийных сотрудников.

Мне пришлось столкнуться с этим явлением на Каспийской флотилии в 1973 году на кораблях 76-й бригады ОВРА (охраны водного района). Я получил информацию о неприглядной деятельности молодого заместителя командира корабля по политической части лейтенанта Ткачука (фамилия изменена) и доложил начальнику. Замполит являлся членом комиссии соединения по распределению дефицитных товаров. В то время как большинство офицеров и мичманов годами стояли в очереди на приобретение таких товаров по составлявшимся политорганами спискам, он отправлял своим родственникам на Западную Украину мотоциклы, холодильники, телевизоры, ковры и даже спортивные шерстяные костюмы. По всей видимости, он занимался этим с позволения своих покровителей. Начальник особого отдела ознакомил с этой информацией начальника политотдела – члена Военного совета флотилии. Реакция последнего была резкой и краткой: «На партию замахнулись?! Не позволю!» С тех пор мне было запрещено получать информацию в отношении политработников.

Одним из важных объектов в моём ведении была воинская часть под названием «морской радиоотряд» (МРО). По иронии судьбы, мне приходилось выезжать в командировки в район Астары и Ленкорани, как это было во время войны у моего дяди Козинцева Петра Антоновича (описано в книге «Добродетели»). Там моё внимание привлекла периодичность смены шифров натовскими кораблями ВМС в Персидском заливе и Индийском океане. При анализе этой периодичности возникло подозрение, что она носит системный характер. Под руководством моего начальника Анатолия Павловича я обстоятельно изучил возникшие подозрения. Мы наметили ряд оперативных мероприятий, в результате которых выяснилась природа периодичности смены шифров противником. Подозрения в отношении наших офицеров из Центра обработки информации были сняты. Мы приняли решение после очередной удачной дешифровки переговоров натовских кораблей эту информацию придержать и в Центр управления штаба ВМФ (в Москву) пока не направлять. В этот период наш радиоотряд спокойно работал с перехваченной информацией противника, а его шифровальные службы шифр не меняли. Но как только данную информацию мы передали по установленным каналам в Центр управления, противник мгновенно сменил шифры. Для убедительности мы повторили эти мероприятия в изменённом виде. Результат оказался тот же. Меня поблагодарили за работу и сказали, что этой темой теперь займутся вышестоящие инстанции.

Возвратившись после отпуска в Баку, окунулся в бурные события Кавказа. В это время, осенью 1979 года в отделе работала комиссия из Москвы, в составе которой находился кадровик. В приватной беседе с ним высказал просьбу о возможном моём возвращении в Особый отдел в Таллин, каких-либо возражений я не услышал. Но кадровик предупредил меня, что ввиду предстоящей «Олимпиады-80» в Москве, все перемещения прекращены до 1981 года. И последующие два года пришлось ездить в Чечню в командировки, где стал свидетелем начала и дальнейшего развития негативных процессов на Северном Кавказе, имевших далеко идущие последствия для страны. Несколько раз меня по срочным каналам связи вызывало командование объекта, дислоцированного в районе села Бамут Ачхой Мартановского района Чечни. Обстановка была мне не известна и я первый раз поехал в форме капитана 3 ранга, для прояснения ситуации на месте. Взяв в воинской кассе забронированный на моё имя билет на поезд, присел в зале ожидания. До отправки вечернего поезда оставалось немного времени. Обратил внимание на моряка срочной службы, который, судя по всему, на вокзале находится уже долгое время. Подошёл к нему и по давней привычке, сохранившейся с курсантских времён, спросил, не нужна ли ему помощь. Узнал от него, что едет в отпуск и уже вторые сутки не может уехать, потому что в кассе нет билетов. Он показал мне свои документы и воинское требование. Возвратился уже с ним в ту кассу, где я брал себе билет, показав кассирше своё удостоверение, попросил её посмотреть что-то из брони для матросика. Она быстро нашла место только не в общем или плацкартном вагоне, а в купейном. Я отдал ей воинское требование моряка и сказал, чтобы оформила ему билет, а разницу я оплатил за него. Получив долгожданный билет, моряк аж растерялся,

– Спасибо, товарищ капитан 3-го ранга, чем я могу Вас отблагодарить?

– Только честной службой, - улыбнулся я, - Авось и тебе в жизни придется кому помочь? Счастливо тебе добраться, а благодарить не надо. Прийти на помощь – это наш офицерский долг. На душе было светло.

Наконец подошёл мой поезд, сел в купе. Тронулись. Попутчиком оказался инженер с нефтеперерабатывающего предприятия. Разговорились. Алкоголь я отклонил сразу, привычка в командировке не употреблять. После вечернего чая, который нам принёс проводник, стали отходить ко сну. Попутчик, видимо завсегдатай этого поезда, с деловым видом из угла достал брус и как распоркой заблокировал изнутри дверь купе. На мой удивлённый взгляд пояснил, что такой брус имеется в каждом купе, называется “ABLOY”. Проводники рекомендуют с его помощью запираться на ночь от непрошеного гостя.

Ранним осенним утром пассажирский поезд Баку – Ростов остановился на станции Грозный. Командование могло прислать за мной УАЗ, но только к станции Серноводская, но это меня не устраивало. Поэтому было принято решение до объекта добираться самостоятельно. С собой кроме смены белья в портфеле лежал блок болгарских сигарет «ВТ». До начала рабочего дня оставалось ещё время и я пошёл в привокзальный буфет перекусить. Затем прошёл в Управление госбезопасности, побеседовал с оперативными работниками для прояснения обстановки. Каких-либо подробностей я от них не узнал. Единственно, чем они были озадачены, так это большим количеством самодельных радиостанций в Чечне, работой которых эфир был просто забит. Оказалось, что они ещё не располагали подробностями происходивших в селе происшествий с военными, да и я не мог им открыть подробности, известные мне от командования, пока факты не проверю лично.

Возвратился на привокзальную площадь и направился к частным автомобилям, тут же водители стали предлагать свои услуги. Узнав, что мне надо в Бамут, подозвали парня и сказали ему по-чеченски, куда отвезти пассажира. Договорились, что отвезёт за 5 рублей. Сел в «Жигули» и поехали. В салоне на заднем сидении оказался ещё один человек, наверное, приятель водителя. Разговорились, они сносно говорили по-русски. Сначала беседа была непринуждённая, но постепенно вопросы участились и больше стали похожи на допрос. Я старался сохранять образ беспечного, немного болтливого офицера - работника Военторга, давая понять им, что я безоружный. Ребята стали чаще переходить на чеченский, что-то разгоряченно обсуждали. Как мне показалось, чеченцы стали походить на воинов, которым досталась добыча. Чтобы разрядить обстановку, открыл портфель, достал блок сигарет и широким жестом его презентовал парням. Одновременно рассказал, что у меня большие возможности доставать дефицитные товары. Тон они резко изменили, пауза. Пассажир с заднего сидения и говорит, что может дать свой телефон для связи, по которому я мог бы предупредить их о предстоящей поездке и о товаре. Так и договорились.

Расстояние примерно 60 км, но ехали долго или мне так показалось. Подвезли к КПП и мы распрощались как дальние родственники, пожав руки. От предложенных мною 5 рублей они дружно отказались, сказали – это подарок. Поблагодарив их, вошёл на объект и с меня будто с плеч свалился мешок. Наконец перевёл дух. Из укрытия вышли двое моряков с автоматами и направились мне навстречу. Представился, показав удостоверение личности. Они показали дорогу, как пройти в штаб. Всюду давно знакомые лица. Возникло непроизвольное совещание, где рассказали в подробностях о последних происшествиях и, по сути, фронтовой обстановке, а также о том, как замполит объекта капитан 2-го ранга Правкин Евгений Владимирович с личным составом занимал круговую оборону и поднимал матросов отбивать атаки вооруженных чеченцев.

С появлением в Бамуте МРО, передислоцированного из-под Ленкорани, местное население активно стало вывозить древесину ценных пород ореховых деревьев. Притом не только за периметром, но и непосредственно внутри части, проникая на территорию объекта. По всему было понятно, что чеченцы ищут предлог для конфликта с военными. Командование требовало от них покинуть объект. Почти ежедневно, проезжая по дороге мимо объекта на автомобиле или верхом на лошади, из оружия стали обстреливать КПП. Благо обошлось пока без жертв. Немедленно встретился с участковым милиционером, выслушав его информацию о происшествиях подобного рода, попросил включиться в более активную работу по пресечению провокаций местного населения у воинской части. На что он, сославшись на трудности, ответил, что в свои дома чеченки не пропускают никого из официальных органов, защищая свои жилища, даже известных радиохулиганов не дают задержать. О создаваемых местным населением невыносимых условий для военнослужащих особо важного объекта и о конкретных фактах вооруженных стычек докладывал из Грозного по ВЧ (правительственная связь) по приказанию своего начальника непосредственно в 3-е Главное Управление КГБ. Возвращаясь в отдел, составлял подробные отчёты, которые немедленно отправлялись в Центр. Так что Москва знала всё о событиях с самого их зародыша. Требовалось срочное вмешательство в события и координация профилактических мер на самом высоком уровне не только органов правопорядка, но и органов партии.

Такой совет был создан при КГБ Чечни. Ситуация стала постепенно успокаиваться. В конце апреля 1980 года Начальник Третьего Главного Управления КГБ генерал-лейтенант Душин за достигнутые успехи и безупречную службу наградил меня Грамотой. В конце сентября 1981 года поступил приказ о моём переводе к новому месту службы в Особый отдел Таллинской Военно-морской базы. Кадровик своё слово сдержал, молодец. Откуда ровно через 10 лет службы ушёл на пенсию.

У дома Рихарда Зорге в Баку. На первом плане капитан 3-го ранга Александр Доманин. 1980 г.

Старший лейтенант Александр Доманин докладывает о завершении учебной общевойсковой чекистской операции 1972 г.

ЖЕНСКАЯ ОПГ «АМАЗОНКИ»

Из цикла «Криминальные истории»

ИНТЕРЕСНО ЧИТАТЬ ХОРОШИЕ ДЕТЕКТИВЫ. В ЧИСЛО ЛУЧШИХ ДЕТЕКТИВЩИКОВ РОССИИ, КОНЕЧНО, ВХОДИТ ДАНИИЛ КОРЕЦКИЙ. ПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РОССИИ, ЧЛЕН СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, РЕГАЛИЙ У НЕГО МНОГО. ДЕТЕКТИВЫ У КОРЕЦКОГО ДОБРОТНЫЕ И УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ. СРЕДИ ПРОЧИХ, ВЫДЕЛЯЕТСЯ У НЕГО СЕРИЯ КНИГ «АНТИКИЛЛЕР». ВСЕГО 6 КНИГ ВЫШЛО, И ФИЛЬМЫ СНЯТЫ С ГОШЕЙ КУЦЕНКО В ГЛАВНОЙ РОЛИ. ОКАЗЫВАЕТСЯ В ОСНОВУ ДЕТЕКТИВОВ «АНТИКИЛЛЕР – 5» И «АНТИКИЛЛЕР – 6» БЫЛО ВЗЯТО ДЕЛО ОПГ «АМАЗОНКИ». ТАК И СЕРИАЛЫ «ЛИХАЧ» И «КАПКАН ДЛЯ МОНСТРА» ПОКАЗАННЫЕ ПО НТВ, ОСНОВАНЫ НА ДЕЛАХ БАНДЫ.

КАК РАЗВИВАЛИСЬ КРИМИНАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ В СТАВРОПОЛЬЕ, ВНАЧАЛЕ 2000-Х И ПОТОМ ПОПАЛИ В СЮЖЕТЫ КНИГ И ФИЛЬМОВ МОЖНО ОТСЛЕДИТЬ ПО ХРОНИКЕ СОБЫТИЙ.

Инесса Тарвердиева и Роман Подкопаев.

Анастасия и Сергей Синельник

Виктория Тарвердиева

Участники банды на суде.

«АТАМАНША СТАВРОПОЛЬЯ»

Главная фигурантка Инесса Тарвердиева (почти Таривердиева) была центром внимания в селе «Дивное». По паспорту она была Инна, но хотела называться Инессой. С привлекательной внешностью работала в архиве и считала это насмешкой судьбы. Была замужем за сторожем – азербайджанцем, родила дочку Вику.

В конце 90-х, у нее возникла любовная связь с местным авантюристом Романом Подкопаевым. Это был недоучившийся стоматолог, а в деревне занимался тем, что продавал «паленую» водку.

Он был младше возлюбленной на 10 лет, но именно он и предложил убить мужа. Что и сделал, застрелив его из имеющегося револьвера. Попутно она предложила расправиться с автоинспектором, который в свое время предпочел ей другую пассию, ее соседку.

Их тела позже нашли в лесополосе, а дела тихо закрыли, особенно не интересуясь раскрытием. До встречи с Инной у Подкопаева уже было на счету одно убийство. Он убил преподавательницу, не поставившую ему зачет.

ОПГ «АМАЗОНКИ»

Ставшие супругами Тарвердиева и Подкопаев, вместе с 16-летней дочерью Викторией, в нулевых стали устойчивой бандой. Они грабили дома, нападали на дальнобойщиков, ночующих на трассе. После «дела» возвращались домой. В своем дневнике Инесса записывала сценарии грабежей.

Проживая на Ставрополье, преступления совершали в Ростовской области. Их семья не вызывала никаких подозрений. Родилась дочь Настя. Был построен большой дом с глухим забором.

Чтобы расширить «бизнес», к ним присоединилась сестра Подкопаева и ее муж Сергей Синельник, который работал в ГАИ.

Появилась возможность прослушивать «милицейскую волну», доставать оружие, рации. Через знакомого начальника районного ОБЭП возможно покупали патроны. Все это помогало долгое время заметать следы и выбирать жертвы.

Название банда «Амазонки» придумали журналисты, когда на месте преступления был найден нож с гравировкой «Моей любимой амазонке». Банда отношения к ножу не имела. Подкопаев из – за ревности избивал Инессу, заставлял подчиняться, насиловал свою приемную дочь. Но связи между членами банды были крепкими.

Весной 2009 года бандиты ограбили дом в Новочеркасске и убили двоих людей. Добычей стали вещи и бытовая техника.

Про «Амазонок» писали английские журналисты Daily Mail, называя Тарвердиеву «Ма Баркер», как «мамочку» Донни Баркер из нашумевшей банды Баркеров 30-х годов. Песня группы Boney M, вышедшая в 1977 году, «Ma Baker», была посвящена этой «мамаше» Баркер. Инесса, конечно, была мозговым центром, но подчинялась недалекому Подкопаеву.

ОХОТА НА СИЛОВИКОВ

Ментов в банде ненавидели, но охотились на них с целью завладеть оружием. На некоторых они собирали целые досье. Сотрудник госнаркоконтроля Михаила Злыднева застрелили вместе с женой в 2008 году.

В 2009 году, на трассе, был убит подполковник СОБР Дмитрий Чудаков, его жена и двое детей.

По подозрению был арестован невиновный местный житель, который и провел два года в СИЗО. А тем временем в 2012 году были убиты еще два сотрудника вневедомственной охраны. В 2013 году жертвами стали два автоинспектора и сотрудник ЧОПа.

Но везение у бандитов вдруг закончилось. 8 сентября 2013 года сотрудники ППС наткнулись на брошенный скутер, а затем и на Подкопаева с Викторией. Документы он отказался предъявлять и при задержании начал стрелять. Одного полицейского, ему удалось убить, другого ранить. Сам же, тоже был застрелен. Виктория была ранена в руку. Недалеко, в палатке обнаружили и Инессу с младшей дочерью.

Немного позже, задержали Сергея и Анастасию Синельник, по обвинению в пособничестве банде.

СУД И НАКАЗАНИЕ

Всем четверым членам банды предъявили обвинение по статьям УК РФ 209 (бандитизм), 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов), 105 (убийство).

На видеокадрах из зала суда, на лице Инессы раскаяния не видно, вела себя она нагло. Давала интервью НТВ и высказывалась, говоря, что она гангстер по натуре, зверь, жалеет, что не убила больше, ничего не боится и не раскаивается.

На следственном эксперименте, сказала, что будь в ее руках не макет, а настоящее огнестрельное оружие, всех бы перебила. Понятно, что психика у нее давно была не в порядке.

Подсудимые были признаны виновными судом присяжных по 95 пунктам обвинения.

В декабре 2017 года был вынесен приговор. Тарвердиева получила 21 год лишения свободы. Её дочь Виктория получила 16 лет колонии. Сергей Синельник приговорен к 20 годам, его супруга Анастасия к 19 годам.

Но в конце 2020 года прошел второй судебный процесс по их преступлениям. Они были признаны виновными по дополнительным эпизодам.И в феврале 2023 года суд приговорил Инессу и Викторию Тарвердиеву к 25 годам колонии общего режима, Анастасию Синельник к 24 годам, а Сергей Синельник получил пожизненный срок в колонии особого режима.

7 февраля 2024 г.

Карпенко Александр

УБИЙСТВО НА ТРАССЕ, ИЛИ ЛЕСНОЙ ШЕПОТ ПАСХИ

Пасхальный день всегда был для меня особенным. Не только из-за религиозного значения, но и потому, что именно в этот светлый праздник часто случались самые мрачные события. В этот раз пропал человек. Обычный, ничем не примечательный мужчина, уехавший на своей машине и растворившийся в воздухе. Три дня тишины, три дня нарастающей тревоги. Родственники, испуганные и растерянные, обратились к нам.

Мы начали проверять. Никаких долгов, никаких любовниц, никаких скандалов. Просто исчез. Это всегда настораживало. Когда человек без видимых причин пропадает, это редко бывает просто так. В таких случаях закон предписывает возбуждать уголовное дело по статье «убийство» и заводить розыскное дело. Это дает нам возможность проводить все необходимые следственные и оперативные мероприятия.

Осознав всю трагичность ситуации, родственники решили прибегнуть к помощи экстрасенса. Надежды было мало, но в таких делах цепляешься за любую соломинку. Я позвонил известной в городе женщине, которую в душе окрестил «колдуном». Она попросила принести последнюю фотографию пропавшего.

Встреча состоялась в небольшой комнате в центре города, больше похожей на кабинет. Стол, стулья, диван. Полумрак. Шторы наполовину занавешены.

Экстрасенс, представившаяся Ларисой, попросила называть ее так. Жена потерпевшего, бледная и дрожащая, протянула фотографию мужа. Лариса попросила ее выйти, а меня усадила напротив себя.

Я, за время работы в уголовном розыске, привыкший к самым разным ситуациям, все же чувствовал легкое волнение. Впервые пришлось видеть, как общаются с потусторонними силами. Не хотел мешать, поэтому плохо помню сам процесс «колдовства». Лариса включила настольную лампу и сосредоточенно разглядывала фотографию, затем подняла глаза на меня.

«Он убит, – сказала она, вернув снимок. – Ищите по Ленинградскому шоссе в сторону Москвы, в лесном массиве...» Она назвала конкретный населенный пункт.

Жене я ничего не сказал. Мы готовились к поискам. Обратились за помощью к ближайшей воинской части. Командование откликнулось, выделив две роты солдат – более двухсот человек. Началось прочесывание леса вдоль шоссе. Мы не углублялись далеко в лес, предполагая, что убийство могло быть совершено ради машины, и тело, скорее всего, находится недалеко от дороги.

Три дня поисков прошли безрезультатно. Солдаты устали, командование воинской части начало роптать. Поиски прекратили. На этом наше сотрудничество с экстрасенсом закончилось.

* * *

Прошло два месяца. Два долгих, тягучих месяца с момента, как мой коллега, Анатолий, просто испарился. Я не сказал, но мы с Анатолием вместе работали. Исчез, словно растворился в воздухе, оставив после себя лишь тревогу в сердцах родных. Мы искали, прочесывали окрестности, опрашивали всех, кто мог его видеть.

Рассылали запросы. Безрезультатно. И вот, когда надежда почти угасла, пришло сообщение. Грибники, забредшие в лес неподалеку от трассы М-10 в сторону Торжка, обнаружили то, что лучше бы им никогда не видеть. Обглоданный зверьем труп человека.

Место находки было совершенно иным, чем то, на которое указывала наша «специалист» – экстрасенс, к которой мы обратились в отчаянии. Ее видения, туманные и противоречивые, вели нас по ложному следу, отнимая драгоценное время. Теперь же, стоя на краю лесной прогалины, где среди опавшей, прошлогодней листвы и сломанных веток покоилось то, что когда-то было человеком, я почувствовал, как холодок пробежал по спине.

Мне не требовалось проводить опознание. Даже в таком состоянии, изуродованном временем и дикой природой, я узнал его по оскалу зубов, по челюсти. В черепе зияла дыра. Это был Толя. Мой коллега и мой товарищ.

Убийство. Это слово повисло в воздухе, тяжелое и неотвратимое. Мы знали, что это не просто несчастный случай, не дикая природа. Это было преступление. И, как это часто бывает, не благодаря мистическим прозрениям, а благодаря кропотливой работе, агентурной информации, мы смогли распутать этот клубок.

Убийцы. Их было двое. Ими двигала банальная жадность. Они хотели завладеть машиной. Приехав в Тверь из Ржева, пытались угнать машину, но их всё время кто- то вспугивал. Вот тогда они и повстречали Анатолия... Потом продали ее по частям, и именно на продаже запчастей они и «засветились» у наших информаторов. Простая, до боли знакомая схема.

История их преступления была до ужаса проста и жестока. Они тормознули его на трассе, представившись путниками, которым нужна помощь. Попросили подвезти.

Анатолий, как всегда, пожалел людей, не заподозрил подвоха. Повёз. Уже в пути, они попросились остановиться, якобы справить нужду. Анатолий остановил машину. И в этот момент, когда он вышел, ощутил ствол обреза на своем затылке. Его отвели от машины и тут же застрелили. Тело оттащили в лесок, подальше от глаз. Место, которое они показали, совпало с тем, где мы нашли его останки.

Был суд. Конечно, был. Но я не знаю, какой срок они получили. И, честно говоря, нам было не до этого. Мы никогда этим не интересовались, какое наказание получали преступники. Зачем? К тому времени, когда начинались судебные разбирательства, у нас уже появлялись другие заботы. Преступный мир не дремлет, и всегда находятся новые вызовы, новые дела, которые требуют нашего внимания.

Если они живы, то, скорее всего, уже на свободе. А сыщики продолжают работать.

Продолжают искать справедливость, даже когда она кажется такой далекой и недостижимой. И каждый раз, когда я проезжаю мимо того участка трассы М-10, я вспоминаю Толю. И вспоминаю, что иногда самые страшные истории начинаются с простого желания помочь.

В ЗАЩИТУ ИСТИНЫ

Разбор молчания секундантов на дуэли М. Ю. Лермонтова

Спорное молчание секундантов на дуэли Лермонтова с Мартыновым, как и их противоречивые показания, среди которых были корнет Глебов и князь Васильчиков, а, возможно, и другие участники, породило множество вопросов. Отдельные исследователи связывают это молчание с нарушениями правил, допущенными участниками во время поединка.

Давайте рассмотрим некоторые правила дуэлей XIX века. Наиболее распространенной была так называемая «подвижная дуэль с барьерами». На дорожке размечалась дистанция (10–25 шагов), границы её отмечались барьерами, в качестве которых могли применяться любые предметы, положенные поперек дорожки. Противники размещались на равном расстоянии от барьеров, держа пистолеты в руках стволом вверх. По команде распорядителя противники начинали сходиться — двигаться навстречу друг другу. Идти можно было с любой скоростью, отходить назад запрещено, можно ненадолго останавливаться. Дойдя до своего барьера, дуэлянт должен был остановиться. Порядок выстрелов мог оговариваться, но чаще стреляли по готовности, в произвольном порядке. Согласно русским правилам, после первого выстрела тот из соперников, который ещё не стрелял, имел право потребовать, чтобы противник вышел к своему барьеру и, таким образом, получал возможность стрелять с минимального расстояния. Кстати, такой способ дуэли был применён между Пушкиным и Дантесом.

Преимущество такого способа дуэли заключалось в его простоте для секундантов. Их роль сводилась к минимуму: отмерить барьер, зарядить и передать пистолеты, развести дуэлянтов по позициям и дать команду «Сходись!». Дальнейшее – дело самих участников, будь то выстрел в противника или в воздух. В отличие от этого, выбранный, как рассказывал в своих воспоминаниях секундант Глебов, способ «на счёт» был значительно более сложным и ответственным, особенно для самих секундантов. На них ложилась ответственность за выстрел, произведённый между счетами «два» и «три». Это выглядит нелогичным, учитывая их последующие воспоминания о незначительности ссоры и надежде на примирение. Тогда зачем было выбирать столь изощрённый способ поединка?

В книге одного из первых биографов поэта Мартьянова «Последние дни жизни М. Ю. Лермонтова», мы находим следующее утверждение: «... приведу тот факт, что рассказ В. И. Чилаева об этом вызове записан со слов Глебова, присутствовавшего лично...»

Далее Мартьянов пишет, что этот «рассказ» со слов Глебова был записан Чилаевым «тогда же, то есть в 1841 г., а не по прошествии 30 лет, как написана статья князя Васильчикова, и слишком 45, как разглагольствия г-жи Шан-Гирей. Притом же и само служебное положение В. И. Чилаева, именно звание плац-адъютанта, давало ему возможность знать многое, чего не знали другие, хотя бы даже и сами участники рокового события или прикосновенные к нему лица.»

Как мы видим, вопреки распространенному мнению, что Глебов хранил молчание об этом событии до конца своих дней, биограф Лермонтова - Мартьянов придерживался иной точки зрения. Кроме того, следует отметить, что «г-жа Шан-Гирей» (Эмилия Александровна) много лет спустя рассказывала о гибели Лермонтова тоже со слов Глебова! Но её слова приведу чуть позже.

Вернёмся в трагический и последний для Лермонтова день его жизни. По воспоминаниям Глебова, в передаче Чилаева: наступило 15 июля. Мартынов ещё с утра обеспокоил жившего с ним вместе Глебова лаконическим вопросом: «Когда ожидается возвращение отсутствующего путешественника?» и заявил, что было бы желательно поскорее решить вопрос об удовлетворении. Глебов тотчас отправился к князю Васильчикову, и они решили назначить дуэль в тот же день, в шесть часов после обеда, за городским кладбищем, и на взгорье, у подошвы Машука, лежащем на полпути между Пятигорском и колонией Шотландка (Каррас), по Железноводской дороге. К Лермонтову тотчас был отправлен ездовой с уведомлением об этом и приглашением прибыть к назначенному времени. Причём Глебов присовокупил, что он выедет его встретить в колонию Каррас. Столыпину он послал записку с уведомлением о времени и месте дуэли. Денщик Глебова, не найдя дома Столыпина, отдал записку его слуге-грузину, который положил её к нему на стол, где она, непрочитанная, так и пролежала до вечера».

Схематично рассмотрим движение Глебова этим утром (см. рисунок). Практически это один двор, квартал: дом Верзилиных, дворовые постройки с конюшнями, флигель и дом Чилаева, а далее, правее — дома и кухня Уманова. Флигель Верзилиной находился сразу за домом Чилаева, по диагонали на противоположной стороне от её дома. Она его специально выкупила, для сдачи внаем отдыхающим. Получается жильё Лермонтова, Столыпина, Васильчикова, Трубецкого, Мартынова и Глебова было практически стена к стене. Из окон можно было разговаривать. Глебов вышел из флигеля Верзилиных, и сразу оказался рядом с жильём Лермонтова и Васильчикова и уже в доме Чилаева с Васильчиковым обсуждал условия дуэли. Вопрос: почему Глебов не зашёл к Столыпину, а только потом отправил ему записку через своего денщика? Зачем так сложно, если Столыпин проживал в соседнем домике, практически стена к стене с домом Чилаева?

Допустим, они хотели придать вызову на дуэль официальное значение. Тогда опять всё не согласуется с их последующими воспоминаниями: о несерьёзности вызова на дуэль и самого поединка; желанием мирного исхода конфликта. А перед этим они отправили вестового в Железноводск передать вызов Лермонтову на поединок с назначенным временем и местом. При этом Глебов обещал встретить поэта в колонии Каррас.

Они прекрасно знали, где находились в это время Лермонтов и Столыпин.

Рассмотрим версию о нарушении правил дуэли

Согласно этой версии, дуэль должна была проходить по четкому счету на: «раз, два, три». Если ни один из дуэлянтов не выстрелил между счетом «два и три», поединок должен был быть прекращен. Однако, как утверждается, один из секундантов (кто именно - намеренно не уточняем, так как в последующих воспоминаниях назывались разные люди) крикнул: «Стреляйте, или я вас разведу!», тем самым спровоцировав Мартынова на выстрел уже после формального окончания поединка. Именно этим, по мнению сторонников этой версии, и объясняется клятва молчания секундантов.

К молчанию секундантов мы ещё вернёмся. Вот что рассказывал Глебов Чилаеву (записано Мартьяновым – **А.К.**): «В этот же день, то есть 15 июля, князь Владимир Сергеевич Голицын был именинником... Утром он прислал приглашение на обед и праздник Столыпину и Лермонтову... Известно только одно, что Столыпин, получив сказанное приглашение, поехал поздравить князя и поблагодарить за внимание. А так как в этот день (не зная о назначении дуэли) он ожидал возврата Лермонтова из Железноводска для окончательных распоряжений о переезде туда, то и оставил ему записку о том, чтобы он, по приезде явился к коменданту Ильяшенкову, а после приходил к князю Голицыну...». В этот день пишутся странные записки, которые никто не читает и которые бесследно исчезают, не попадая ни в руки следователей, ни к адресатам...

Далее князь Голицын поблагодарил Столыпина за визит и предложил ему остаться на обед, что Столыпин и сделал, ожидая появления Лермонтова. Здесь же находился и князь Сергей Трубецкой. Вот как об этом пишет Мартьянов со слов Чилаева: «Князь С. В. Трубецкой получил также приглашение и находился тут же. Около четырех часов начался обед, и вот, когда лилось шампанское рекой, а на дворе бушевали стихии: гремел гром, зигзагами вилась молния и хляби небесные разверзлись потоками дождя, - было получено известие о дуэли и смерти М. Ю. Лермонтова. Нужно ли говорить, как поразило оно пирующих!» ...

Стоп! Но как же быть с молвой об участии в дуэли князя Трубецкого и Столыпина? Или с «тюремной» запиской Глебова Мартынову, в которой он писал: «...Что же касается до правды, то мы отклоняемся только в отношении к Т и С (Трубецкой и Столыпин – А.К.), которых имена не должны быть упомянуты ни в коем случае». Где же истина в этой истории, и за кем правда?

Вернёмся ещё раз к тексту Мартьянова, где он пишет о поединке: «...Глебов отмерил 30 шагов и бросил шапку, а князь Васильчиков – такой тонкий, длинноногий был, - подошел, да и оттолкнул ее ногой, так что шапка откатилась...». Далее Мартьянов пишет, что они развели дуэлянтов на расстояние: «Глебов просчитал до трех раз, Мартынов выстрелил...».

Итак, что мы имеем? Князь Голицын знал, что Трубецкой и Столыпин не участвовали в дуэли. Почему же он не сообщил об этом полковнику Траскину, неофициально курировавшему следствие? Голицын и Траскин были одного социального уровня и положения в обществе люди, и у князя не было причин скрывать правду, особенно учитывая возможные слухи об утаивании информации об участии Столыпина и Трубецкого в дуэли. Тогда князь сам становился соучастником. И ещё один вопрос: как проходила дуэль? Был ли счёт на «раз, два, три», или противники сходились по команде от барьеров?

Поражает странная попытка оправдать Столыпина и Трубецкого в истории с дуэлью. Утверждение, что отсутствие на дуэли в качестве секундантов автоматически снимает с них вину, игнорирует законы того времени. Уголовную ответственность за участие в дуэли несли даже те, кто знал о готовящемся преступлении, но не сообщил об этом властям. Само их согласие на участие в дуэли в качестве секундантов уже было уголовным преступлением. Жандармский офицер Кушинников, имея возможность легко узнать об этом, хранил молчание.

Неизвестно, что знал Трубецкой, но Столыпин, скорее всего, был в курсе готовящейся дуэли. Он жил с Лермонтовым под одной крышей, и именно у него изъяли пистолеты, из которых, предположительно, стрелялись дуэлянты. Допрос Столыпина по этому делу был бы необходим. Протокола допроса Столыпина и Трубецкого в деле нет.

Либерализм властей по отношению к этим двум фигурантам вызывает недоумение. В те времена дуэли были обыденностью, и игнорировать этот факт при оценке их действий – значит уходить от истины. Кому это было выгодно? Неужели коменданту Ильяшенкову, уставшему от царской службы?

Не исключено, что именно в тот роковой для Лермонтова день, 15 июля, когда Мартынов предъявил свои требования, произошло нечто столь из ряда вон выходящее, что власти были вынуждены действовать без промедления: сузить круг подозреваемых, ускорить ход расследования и незамедлительно провести суд.

Теперь вернёмся к анализу молчания участников

Однако молчание – не выход. Рано или поздно участникам пришлось бы давать показания. Представим себе возможный сценарий: один из секундантов крикнул: «Стреляйте!»...

Далее Мартынов убил Лермонтова. Испуганный за свой глупый поступок секундант, возможно, услышал упреки в свой адрес: «Что ты наделал?», - он растерялся... После чего они, вероятно, сговорились молчать. Но так ли это было на самом деле?

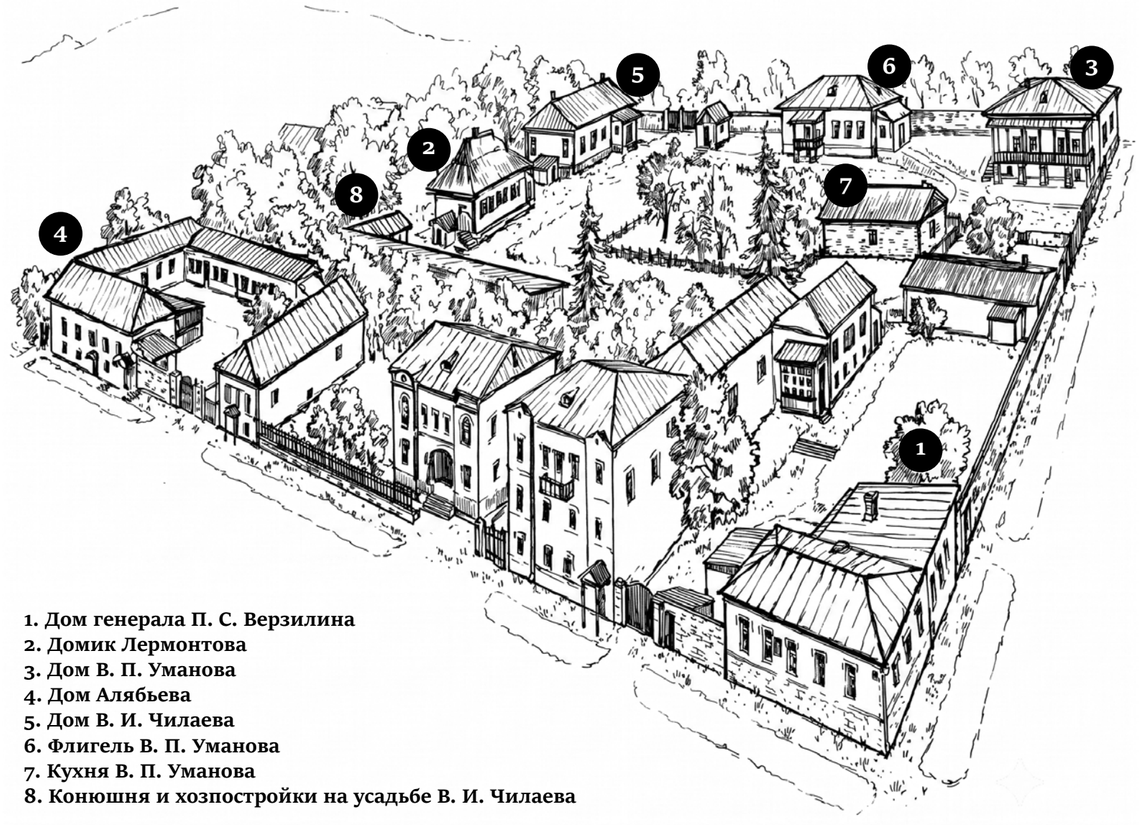
Позвольте немного утрировать, чтобы подчеркнуть ключевую мысль: успех в раскрытии преступлений часто кроется в мельчайших деталях, в обнаружении противоречий и нестыковок, которые на первый взгляд могут показаться незначительными. Исходя из материалов судного дела, хотел бы обратить внимание на следующие моменты, вызывающие вопросы:

Лошадь Лермонтова: почему секунданты утверждали, что Лермонтов поехал к месту дуэли на лошади Глебова? Зачем им понадобилось это искажение факта, ведь у Лермонтова были свои две собственные лошади?

Местонахождение Лермонтова: они утверждали, что все выехали из Пятигорска, хотя Лермонтов находился в Железноводске. И последнюю ночь своей жизни провел в этом, тогда маленьком, городке. Зачем скрывать его реальное местонахождение в своих показаниях следствию?

Выстрел Лермонтова: Секунданты давали уклончивые ответы на вопрос о том, стрелял ли Лермонтов из своего пистолета, что фактически лишило его права на выстрел или отказ от него. Лишь Васильчиков упомянул о своем выстреле в воздух из пистолета Лермонтова после дуэли, объяснив это якобы необходимостью разрядить пистолет Лермонтова. А ведь это важная улика – был заряжен пистолет Лермонтова или нет.

Примирение Лермонтова: Секунданты умолчали о мерах, предпринятых ими для примирения Лермонтова, сосредоточившись лишь на действиях по примирению Мартынова. При этом Мартынову даже отправили записку в тюрьму с инструкциями. Что же говорили Лермонтову секунданты о возможности примирения? И был ли такой разговор? Это осталось тайной. Но похоже,

1. Дом генерала П. С. Верзилина
2. Домик Лермонтова
3. Дом В. П. Уманова
4. Дом Алябьева
5. Дом В. И. Чилаева
6. Флигель В. П. Уманова
7. Кухня В. П. Уманова
8. Конюшня и хозпостройки на усадьбе В. И. Чилаева

что такого разговора не было. Они не хотели мирить Лермонтова с Мартыновым. Иначе все бы написали в своих показаниях, как они их мирили. Это было бы их косвенным оправданием в участии в уголовно наказуемом деянии. Если они промолчали о нежелании поэта стреляться, то своим молчанием скрыли важный факт – желание Лермонтова к примирению.

Юридическая позиция Мартынова на следствии: Мартынов, будучи формально «обиженной стороной», представил ситуацию так, будто Лермонтов его спровоцировал на вызов, что исключало возможность примирения первым. Отвечая на вопрос следователей о причинах дуэли, Мартынов ответил: «...Остроты, колкости, насмешки на мой щет, одним словом, все чем можно досадить человеку, не касаясь его чести...». Получается, остроты Лермонтова не касались чести Мартынова, а это было основным поводом вызова дворянина на дуэль – оскорбленная честь. Что же придумывает, находясь в тюрьме Мартынов, чтобы оправдать убийство: «...честь моя была затронута не насмешками его, но решительным отказом прекратить их и советом прибегнуть к увещеваниям другого толка». Из воспоминаний современников видно, что Мартынов в своём одеянии и поведении был действительно смешон и не только Лермонтову; над ним потешались и другие. Дружеские шаржи друг на друга, как и на Мартынова, были коллективным творчеством. Поэтому Лермонтов и не принял упрёка только на свой адрес, предложив ему смеяться и над ним.

«Мартынов — чистейший сколок с Дантеса. Этот Мартынов служил прежде в кавалергардах, по просьбе переведен в Кавказский корпус капитаном, в феврале месяце отставлен с чином маиора, — и жил в Пятигорске, обрил голову, оделся совершенно по-черкесски и тем пленял, или думал пленять, здешнюю публику. Мартынов никем не был терпим в кругу, который составлялся из молодежи гвардейцев. Лермонтов, не терпя глупых выходок Мартынова, всегда весьма умно и резко трунил над Мартыновым, желая, вероятно, тем заметить, что он ведет себя неприлично званию дворянина. Мартынов никогда не умел порядочно отшутиться — сердился, Лермонтов более и более над ним смеялся; но смех его был, хотя едок, но всегда деликатен, так что Мартынов никак не мог к нему придраться» (Полеводин. Из письма, 21 июля 1841 г. Пятигорск).

Итак, похоже Мартынов в своих показаниях совсем запутался: до дуэли его честь вроде бы была не затронута, поэтому не считал себя обиженным, но, если бы не вызвал на дуэль, сам нанёс оскорбление своей чести. Утверждение Мартынова, будто вызовом на дуэль он лишь реализовал совет Лермонтова, несостоятелен с позиций дуэльных правил.

Приведу слова Васильчикова в пересказе Висковатого:

«1) Мы дали тогда друг другу слово молчать и не говорить никому ничего другого кроме того, что будет нами показано на формальном следствии. Поэтому я молчал бы и теперь, если бы сам Мартынов не вынудил меня говорить и своим вызовом в печати и тем что я имею полное основание думать, что он сам некоторым лицам сообщал подробности не согласно с действительностью или, по крайней мере, оттеняя дело в свою пользу».

Хороши друзья: убили своего товарища, а потом благородно дали клятву дворянина молчать, и в дальнейшем стали давать лживые показания и такие же воспоминания, каждые «оттеняя дело в свою пользу».

Как точно по этому поводу заметил современный автор: «Сообщники скрепили клятву рукопожатием. Странные всё же обычаи существуют в любезном нашем отечестве, милостивые государи: честь в свете ценится столь высоко, что люди готовы на бесчестные поступки, дабы сохранить то, что в обществе именуется Честью. Ах, честь, честь дворянская, идол, требующий кровавых жертвоприношений для своего капища!

«Жизнь — царю, честь — никому!» — девиз рода князей Васильчиковых, гордо красующийся на их дворянском гербе».

Ведь когда дают друг другу клятву или слово молчать, это явно указывает на сговор. Следовательно, этим людям было что скрывать.

Характерна дневниковая запись М. А. Корфа об участии Васильчикова в случившейся трагедии: «Секундантами были Конногвардейский офицер Глебов и – сын нашего Председателя, князь Александр Васильчиков. Это тот самый молодой человек (Васильчиков), которого барон Ган, в одолжение отцу, взял прошлого года в свою Закавказскую Миссию, но который, вместо того чтобы вместе с ним воротиться, впал там в венерическую болезнь и принужден был остаться лечиться в Кисловодске. Известие об этом пришло только третьего дня и в тот же день Гр. Левашов (граф, военный и государственный деятель Российской империи, член Государственного Совета – А.К.) написал бедному отцу, которого это неожиданное происшествие поразит в высшей степени и который, верно, тотчас приедет сюда чтобы употребить все свое влияние в пользу сына... (Государственный Секретарь Модест Андреевич КОРФ. Дневник. 4 августа 1841 год).

После убийства своего друга, товарища и однополчанина, поэта, так называемые «хорошие» друзья поклялись молчать. Затем они сплели паутину лжи в своих показаниях и воспоминаниях. Однако клятва молчания не помешала одному из них, которого Висковатов описывал как храброго, благородного и чуткого в отношении чести, написать письмо убийце друга в тюрьму и давать ему добрые советы. Примечательно, что из всех известных писем Столыпина к родственникам ни одного доброго слова он не написал о Лермонтове, с которым объездил весь Кавказ.

Интересно посмотреть, что же делал Мартынов перед своим арестом? Вот текст его показаний. «Мне не известно в какое время взято тело убитого Поручика Лермонтова. Простившись с ним, я тотчас же возвратился домой; послал человека за своей черкеской, которая осталась на месте происшествия, чтобы явиться в ней к Коменданту. Об остальном же до сих пор ничего не знаю».

Ранее Мартынов писал, что послал человека Илью; имя которого, из окончательного текста показаний убрал.

Задержка явки с повинной к властям ожиданием брошенной на месте убийства черкески - явная отговорка. У Мартынова было несколько известных в Пятигорске черкесок, в которых он мог явиться как уважающий себя дворянин к начальнику. Он же ожидает, когда «человек» доставит ему грязную и мокрую черкеску,.. чтобы явиться в ней к коменданту... Им необходимо время, чтобы в спешке придумать версию, оправдывающую Мартынова.

Медицинская помощь: Секунданты лишили Лермонтова, возможно, еще живого, медицинской помощи, оставив умирать под дождем. Вопрос о дрожках, на которых его можно было доставить в Пятигорск, уже не раз поднимался исследователями. На них приехал Глебов (именно так он утверждал на следствии), и дрожки можно было использовать для перевозки раненного или убитого поэта.

Тут будет уместно как раз привести рассказ Глебова в передаче упомянутой ранее г-жи Шан-Гирей Э. А:

«Глебов мне рассказывал, что нелегко ему было пережить часы ожидания дрожек (!!! – А.К.), оставшись один в лесу под проливным дождём и ударами грома: “темно, верховая лошадь, привязанная к кусту, ржёт, копытом роет землю и рвётся, а на коленях у меня покоится голова М. Ю.” И когда Глебов хотел приподнять её, чтобы положить удобнее, Лермонтов судорожно зевнул и Глебов остался недвижим. Остальные свидетели этой драмы разъехались – кто с объявлением о происшедшем коменданту, кто за дрожками, кто за доктором, в котором не было нужды, потому что М. Ю. был убит наповал, не произнеся ни слова. Мартынов также тотчас уехал молча, не делая земного поклона»5. Что теперь говорит Глебов? Ведь он сам первым сообщил коменданту о происшествии.

Сколько надуманной театральности и противоречий в одном коротком рассказе! Зачем Глебов ожидал дрожки, если, по собственному признанию следствию, он сам на них приехал к месту так называемой дуэли? Зачем несколько часов мокнуть в темноте под проливным дождём и раскатами грома, «заботливо» уложив себе на колени «голову М.Ю.», если «М.Ю. был убит наповал, не произнеся ни слова»??? При этом следует отметить, что Васильчиков в своих показаниях утверждал, что это он, а вовсе не Глебов, «оставался при теле убитого поручика Лермонтова, когда корнет Глебов поехал в город...».

Допустим, произошла дуэль, на которой Лермонтов был убит или ранен. Тогда зачем боевым офицерам, прошедшим войну, оставлять умирать под дождем своего друга и бегать по дворам, искать мифических врачей или подводу? Были эти господа состоятельные люди. Сами имели лошадей (вновь напомним, что один из них даже на дрожках приехал), имели дворовых людей, которые куда быстрее доставили бы тело поэта, для оказания медицинской помощи. Да у горцев и в армии есть простой и давний способ доставки раненных и убитых – через седло. Пользы от этого было бы наверно больше, чем бросить человека, истекающего кровью. Ехать пришлось всего-то четыре версты.

Обвинение Лермонтову: В итоге Мартынов и секунданты выставили Лермонтова человеком, спровоцировавшим Мартынова на вызов и выстрел. Получается, поэт виноват как в вызове на дуэль Мартыновым, так и в роковом выстреле.

Воспоминания и версии:

Продолжим анализ, опираясь на имеющиеся материалы и воспоминания. Существуют различные версии событий, основанные на воспоминаниях участников и свидетелей. Одна из них гласит, что на крик: «Стреляйте, или я вас разведу!», Лермонтов ответил: «Я не стану стрелять в этого дурака», тем самым спровоцировав Мартынова на выстрел. Согласно другой версии, Лермонтов первым выстрелил на воздух, что было нарушением правил, и это также разозлило и спровоцировало Мартынова на ответный выстрел. Получается, во всем виноват только Лермонтов.

Несколько слов о возможном выстреле Мартынова в землю, когда пуля могла, попав, например, в камень, срикошетить и попасть в Лермонтова: такой прецедент на дуэлях был, и было заранее в таких случаях обговорено, что в землю не стрелять, а стрелять в сторону, или, как тогда говорили, – на воздух.

Вернёмся к воспоминаниям Глебова-Чилаева.

Когда же Глебов мог рассказать о случившемся Чилаеву? Письменные показания он давал 17 июля, в день похорон поэта. Как мы теперь знаем, они были лживы. Имеются свидетельства, что Глебова и Васильчикова, которые ко времени похорон поэта находились под домашним арестом, отпустили на похороны Лермонтова. Мог ли Глебов, только что давший письменные ложные показания следственной группе комендатуры, рассказать свою правду чиновнику этой же комендатуры Чилаеву? Сомневаюсь. Неизвестно, как бы повёл себя Чилаев. Естественно, Глебов опасался откровенничать перед сотрудником комендатуры.

Далее Глебова и Васильчикова отправили под надзором в Кисловодск, и они вернулись в Пятигорск только в сентябре на суд. И вот после суда, который значительно смягчил их вину, Глебов мог «разоткровенничаться» с Чилаевым. А были ли его воспоминания правдивы, учитывая все вышеуказанные противоречия? Как и всё, что рассказал потом Чилаев Мартьянову. Вопрос...

Так кто же секундант?

Вот что написал Мартьянов в своей книге. Конечно, он это писал со слов Глебова о происшествии 13 июля, за два дня до убийства поэта: «Вот злоба-то дня в чём выразилась!» — сострил Михаил Юрьевич, обратившись к Глебову и другим столпившимся вокруг него товарищам. — Ты, Глебов, конечно, не откажешься быть моим секундантом? (Тот утвердительно кивнул головою). Я со Столыпиным поеду завтра в Железноводск осмотреть нанятую квартиру и сделать распоряжения об устройстве её, а ты устраивай дела здесь и, чем кончишь, дай мне туда знать».

Далее Мартьянов пишет, конечно, опять со слов Глебова-Чилаева: «Глебова Лермонтов увёл к себе, и там друзья ещё долго толковали о случившемся казусе».

Теперь обратим внимание на показания Мартынова, данные им на следствии под протокол допроса. Вот выдержка из его показаний на 6-й вопрос: «Я сказал ему (сразу после ссоры — А.К.), что в таком случае пришлю ему своего секунданта, домой. Раздеваясь, я велел человеку попросить ко мне Глебова, когда он придёт домой. Через четверть часа вошёл ко мне в комнату Глебов. Я объяснил ему, в чём дело; просил его быть моим секундантом и, по получении от него согласия, сказал ему, чтобы он на другой же день с рассветом отправился к Лермонтову».

Интересно. Не правда ли? Некоторые исследователи обвиняют участников в нарушении правил поединка во время самой дуэли, а разве в данном случае не было нарушений дуэльного кодекса и правил чести со стороны Глебова? Если, конечно, так оно и было.

Это заметил Мартьянов, и в своей книге он обвинил в неточности Висковатого, который написал: «Мартынов, вернувшись, рассказал дело своему сожителю Глебову и попросил его быть секундантом». Мартьянов делает вывод: «Это заявление неверно. Глебов в то время не был дома... Он был на месте с другими, одновременно со всеми вышел, был лично свидетелем вызова и остаток вечера, или, лучше сказать, ночи, провёл у Лермонтова».

Что же у нас получается? Мы читаем противоречивые тексты биографов Мартьянова и Висковатого, но в них нет правовой, в том числе со стороны дворянской чести, убедительной оценки поведения Глебова в истории вызова на дуэль.

К этому следует добавить показания Глебова на следствии. Он утверждал, что был секундантом у Мартынова, а Васильчиков — секундантом Лермонтова. Эта ложь, как снежный ком, повлекла за собой другую, следующую ложь. Один грех породил целый шлейф последствий, накатывающихся, словно волны одна на другую, и в итоге вызвавших настоящую бурю лжи, ненависти и злобы. И всё это было необходимо, чтобы якобы скрыть участие в поединке неких господ «С» и «Т», о которых упоминает Глебов в своей записке к Мартынову. Чем они могли помочь? Какие цели преследовали? Лермонтов был мёртв, и помочь ему было уже невозможно. Судя по всему, они вовсе не стремились оправдать Лермонтова в этой надуманной истории дуэли. Их всё устраивало, и время это подтвердило. Молчание – ложь! Получается, каждый защищал себя, поэтому и возникли нестыковки в их воспоминаниях, и даже в материалах судного дела, где они давали показания. Ложь пронизывает эту историю, которую с давних пор и по сей день называют дуэлью. Конечно, между ними были напряженные отношения, возможно даже ссора, но вот, что произошло дальше?

Не кажется ли, что роль Глебова в этой истории чрезмерна? Нельзя с уверенностью утверждать, что Глебов был инициатором этой «дуэльной истории», но именно он её завершил, первым явившись к коменданту Ильяшенкову с ложным заявлением о состоявшемся поединке.

Добавим к этому ещё один факт. В черновиках, не вошедших в дело, сохранился вопрос Гражданского суда о пистолетах. На него Мартынов ответил: «Накануне дуэли Глебов сказал, что пистолеты будут, но кому они принадлежали, не знаю». Далее выяснилось, что пистолеты Столыпина, из которых якобы стрелялись дуэлянты, были изъяты по ошибке. Следствие официально признало этот факт, и уже осенью, через два месяца после произошедшего, их вернули Глебову. И вот опять – вездесущий Глебов оказывается в центре внимания.

Логика молчания и альтернативы. Вывод.

Возвращаясь к условиям дуэли и нарушению счета «раз, два, три», возникает центральный вопрос нашего исследования: если секунданты решили хранить молчание, почему бы им не договориться и не озвучить «правдивую» версию – что Мартынов выстрелил между счетом «два» и «три»? Это соответствовало бы их предварительной договоренности. В таком случае не было бы нарушения правил. Это было бы гораздо проще, чем выдумывать ложь, противоречить друг другу и нести тяжкое бремя тайны всю жизнь. Как говорится: зачем сложно, если можно просто?

Так была ли дуэль?

В свете многочисленных противоречий, нестыковок и, возможно, преднамеренных искажений фактов, возникает ключевой вопрос: была ли дуэль, о которой идёт речь, подлинным поединком в общепринятом смысле, или же это было тщательно спланированное событие, замаскированное под формальные правила? Молчание секундантов и их последующие показания, полные уклончивости и противоречий, наводят на мысль, что они могли быть не просто свидетелями, а активными участниками трагедии, чьи действия или бездействие привели к роковому исходу. Обратимся к Фемиде, богине правосудия, в руках которой весы и повязка. Весы — древний символ меры и справедливости. На весах правосудия взвешиваются добро и зло, поступки, совершённые смертными при жизни. Посмертная судьба людей зависела от того, какая чаша перевесит.

Для пересмотра судебных дел и выявления процессуальных нарушений необходимо новое расследование – таков установленный юридический порядок.

Поэтому крайне важно продолжать изучение деталей происшествия (не побоюсь назвать его убийством), поиск новых свидетельств и анализ имеющихся материалов. Истина, как известно, часто кроется в деталях, и только внимательное и критическое отношение к каждому факту поможет нам приблизиться к пониманию того, что на самом деле произошло в тот роковой день на склоне горы Машук.

Жизнь Лермонтова была короткой, но полной загадок, и многие из них можно разгадать. Была бы воля, желание и поддержка государства. Ведь Лермонтов – наш национальный герой, и недостаточно просто изучать его творчество, хотя это, безусловно, важно. Необходимо также стремиться понять его жизненные мотивы и жажду творчества.

-

Ларина Людмила

ЗАРИСОВКИ ЛЕТА

МИНИ-ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Ночи у нас светлые. А нынче в Таллинне — даже тёплые. Народ гуляет у моря допоздна. И я – тоже! А тут, стараясь ещё «захватить» редкий транспорт, бегу коротким путём через пустынный порт... Вижу — стоит, крутит головой и сверяется с телефоном одинокая, с чемоданом, совсем потерянная девица. Ооо! Это было явление соплей и недоумения. Потом я попыталась устроить её, бедолагу, в отель. Мест нет! Морские дни! Город забит туристами. Я уговорила девушку на ресепшен поискать номер на одну ночь. Искали, комбинировали и нашли!

Цена – 80 евро! Она достала деньги, помяла их и... отказалась! Нечестно! Девушка заявила, что в интернете сказано, что здесь «всё — за копейки»!

Мы вышли из гостиницы. Что делать дальше? Время (23.30) последних трамваев–автобусов. И мне бы домой...

Девушке, с ее слов, уже 18+. Поссорилась с родителями и из Германии рванула в Таллинн паромом — отомстить! Начитавшись, что здесь — манна небесная и дешевая радость жизни, она поняла, что у неё нет таких средств. И я повезла ее в самую дешевую гостиницу. Я уговорила администратора дать ей одну ночь... Вижу вроде радость... Но что-то я засомневалась в каких-то её движениях... Она хочет как бы совсем бесплатно и надолго. Я поблагодарила администратора и распрощалась.

Разберутся. Ночь тёплая. Возможно, будет для неё и мудрая. Бывают же иногда в жизни такие встречи.

ТРИ ДЕВЧОНКИ

День облачный, но удивительно теплый. И ветерок такой нежный, что невольно навстречу ему подставляешь лицо. Ну и как тут отказать детям, да и себе, в удовольствии хотя бы пройтись по воде, раз уж «не рекомендуется купаться». Народу много! И на променаде, и на берегу, и под самой «Русалкой», а в воде поплескаться многих побудили еще и волны от кораблей.

И две подружки уже наслаждаются. Бег в догонялки... Скачут, «ныряют» в такт волне то по щиколотку, то по колено, радостно визжа, прыгают в ямки. И нет-нет да и крикнут-позовут третью подружку: «Ну ты хотя бы но-о-оги намочи». Они и не замечают, что лёгкое дуновение ветерка уже принесло очень тонкую тёплую вуаль дождевой мороси.

Третья стоит уже под зонтом и с нетерпением зовет их домой. «Ну хоть ногами потрогай, она тёплая», — кричали они, растопырив в стороны руки и кружась глазами в небо. Они ловили и ловили дождевую радость... «Я боюсь промо-о-окнуть», – прозвучало из-под зонта...

Но их такое явное удовольствие после очередного зова уже «несло» ее к воде. Не выпуская зонта из рук и «влетев» в воду под их восторженный вопль «Ты супер, ты молодец», она вдруг споткнулась, и ветер понёс зонтик. Ощутив свободу и скача по волнам под ветерок, зонт удалялся в свой счастливый полёт и плаванье. Мель и ямки — всё забыто!

Все трое ловили, прыгали, падали. И, шлёпнувшись прямо в платье, она спасла его, поймав за кончик хвоста! «Какая ты молодец! - кричали подружки. - Это он, это он тебя искупал!»

А она стояла, такая восторженная, держа трофей над головой, в платье, стекающем по ногам струйками, и была такая счастливая!

ТЕАТР ЖИЗНИ

Все дни прекрасны уже потому, что это – лето. В этом состоянии душевной неги и расслабленности особо замечаешь тонкости и юмор самой жизни. Сегодня день прохладный, 17+ градусов, но берег и променад полны забав и радостной суеты всех возрастов.

Ассортимент торговых точек – на все вкусы. И семьи с детьми отдыхают сполна. Но одеты по погоде – потеплее.

А спортсмены (все их типы и виды) – совсем налегке, но «с запасом прочности» – до дому.

И на этом, ещё не очень прогретом песке скачет пудель, пытаясь «уговорить» торчащую над пляжной тумбой голову хозяйки, поднося палку к её согнутым на сиденье ногам. Она несколько раз отрывалась от телефона и кидала куда попало, без внимания к своему кучерявому просителю. Но его это точно не устраивало. Ещё и ещё! И так долго!

И тут он рьяно бросается с палкой к ее ногам, топает в прыжках, и не поймёшь, хрипит, храпит, скулит или мяучит. Не действует.

Обежал вокруг её тумбы и залезает на тумбу. Там замирает и опускает свою голову с палкой, прямо перед её глазами.

Наконец, почти не глядя, она отрывает руку от телефона и опять зашвырнула куда-то. Пес не побежал! Спрыгнул, поднял ногу на тумбу и оправился.

Он — все сказал!

Нечто подобное тоже когдо-то приключилось увидеть мне. Мы поехали купаться со знакомыми на озеро Кабернеэме. Они взяли с собой свою огромную собаку.

Вечером её было не загнать в машину, чтоб ехать домой. Хозяин ругал и отлупил её даже ногами. На нашу «укоризну» он ответил: «Он толстый – не чувствует».

Она обошла их машину и обмочила колесо с его стороны, затем села прямо посередине дороги перед машиной и оправилась. Опустив голову, подошла к багажнику и залезла в него.

Месть это или стресс – неважно! Но хозяин — ещё не друг.

Лыжин Сергей

МОЯ ПЕРВАЯ КРУГОСВЕТКА

Отрывки из книги

В ПРЕДЫДУЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕЙ ГАЗЕТЫ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ СЕРГЕЯ ЛЫЖИНА «МАГАДАН-ТАЛЛИНН. 11111 КИЛОМЕТРОВ ЗА 129 ДНЕЙ НА ВЕЛОСИПЕДЕ». В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ ПЕЧАТАЕМ ОТРЫВКИ ИЗ ВТОРОЙ ЕГО КНИГИ «МОЯ ПЕРВАЯ КРУГОСВЕТКА» О ЕГО ВЕЛОПУТЕШЕСТВИИ ЧЕРЕЗ ВЕСЬ ЗЕМНОЙ ШАР. КОТОРОЕ ОН ОСУЩЕСТВИЛ В 1999-2000 ГОДАХ ПО МАРШРУТУ ТАЛЛИНН-МАГАДАН-СИЭТЛ-НЬЮ-ЙОРК-ЛИССАБОН-ТАЛЛИНН, ПРОЕХАВ В ОБЩЕЙ СЛОЖНОСТИ НА ВЕЛОСИПЕДЕ 27312 КМ. НИЖЕ МЫ ПЕЧАТАЕМ О ЕГО ВЕЛОПУТЕШЕСТВИИ ПО АМЕРИКЕ.

ГЛАВА 2. НА АМЕРИКАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

28.10.1999, четверг

Сегодня вылетаю в Соединённые Штаты Америки. Рейс по маршруту Сокол-Анкоридж-Сиэтл. Этот рейс чартерный, осуществлчется раз в две недели. Часть своей службы я провёл здесь в Соколе, в посёлке авиаторов. Магадан – столица Колымского края – 56 км от аэропорта. Приходилось вставать рано, одеваться в спортивный костюм и бежать больше трёх километров от общежития до автовокзала. Садиться в автобус в 7 часов 20 минут и ехать на службу в Сокол. Выходил обычно на 47-м км в посёлке Уптар и оставшиеся 7 км добегал до своей работы – медвытрезвителя. Там переодевался, мылся и приступал к службе. В конце рабочего дня я опять переодевался, садился в 23.15 на последний автобус и ехал в Магадан.

...Я в Соколе. В аэропорт пришли провожать друзья, коллеги из Сокола: Слава Руденя, Антонина Осипова, Игорь Фоменко. Билет на руках. Велосипед сдал в багаж. Все процедуры при регистрации прошёл. Жду посадку. Пришла пора расставаться. Друзья желают успешного завершения задуманного путешествия.

Я уже в самолёте. Взлёт, полёт и поворот. Смотрю в окно, а под крылом посёлки Сокол и Уптар, пролетаю Магадан и вот он – океан. Летим прямо на Аляску, которая была 132 года назад нашей и называлась Русской Америкой. Первым правителем был мой земляк, каргопольский купец А. А.Баранов.

Прилетели в самый крупный город на Аляске – в Анкоридж. В нём проживает более 300 тысяч человек. Штат Аляска – самый большой по территории в США. Весь уже покрыт снегом. После двухчасовой остановки мы снова летим, но уже на юг, в город Сиэтл. Прилетели.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЕ КИЛОМЕТРЫ ПО США

30.10.1999, суббота

...Проехал городок Олимпию, это столица штата Вашингтон. Еду дальше и охватывает неловкое чувство. Вот еду по незнакомой дороге, по незнакомой стране, про которую только читал в газетах и видел по телевизору. Кручу педали по США, могущественной стране, по Америке.

Оглядываюсь по сторонам. Теперь надеяться надо только на себя. Я зыка почти не знаю, только отдельные слова и фразы. Язык дружбы понятен всем, думаю я. Но я еду с открытым забралом и открытым сердцем, без агрессии. С уважением к стране и людям, её населяющим. Это, наверное, главное, а люди оценят тебя по поступкам.

...Спускаюсь с небольшого холмика и чувствую, что начало спускать колесо. Да, прокол, но дырочка маленькая, не весь воздух вышел. При спуске справа был отбойник. Я прислонил велосипед к отбойнику и осмотрел колесо. Как бы проверить камеру?

Впереди в 100 метрах стоял одинокий дом с небольшим личным хозяйством. На полянке паслась лошадка с зашоренными глазами. Пока возился с колесом, меня заметили. Из дома вышел мужчина, затем–мальчик лет семи. Возле дома была бочка с водой – вот бы проверить камеру. Повёл велосипед к дому. Мужчина это заметил и поспешил навстречу. Я жестами на пальцах показал, что у меня прокол. Он понял. Я попросил воспользоваться его бочкой с водой, чтобы найти дырку. Он сразу одобрительно кивнул и показал на дом. Но я дал понять, что когда справлюсь, тогда и зайду.

...Я надул камеру, опустил в бочку и сразу нашёл дырочку. Протёр насухо камеру, достал заплатку и быстро заклеил. У меня было ещё при выезде с Магадана более 60 заплат.

...Мужчина подошёл ко мне. Я поблагодарил и собрался ехать, но он предложил остаться на ночлег.

...Зашли в дом. Представился и стал знакомиться со всеми. Он назвался Конрадом. Жену звать Джимми, дочь Дебора и сын Эдвард. Поскольку эта остановка непредвиденная, я попросил Конрада позвонить на автоответчик по бесплатной линии Юре в Сиэтл. Когда решил этот вопрос, меня пригласили за стол. Сейчас у них хэллоуин, праздник тыквы.

...На дворе дождь идёт, и не на шутку. Смотрим телевизор, разговариваем через словарик. Заполнил журнал, а после дал его детям для заполнения. Дебора и Эдуард наклеили бумажные смайлики с изображением тыквы и подписали свои имена. Джимми оставила свой домашний адрес. Компанейские и общительные

СЕРГЕЙ ЛЫЖИН

- Родился в Северодвинске в 1955 году.
- В 1956 году переехал в Таллинн.
- Окончил школу в 1972 году.
- В 1973–1975 года служил в Германии.
- В 1975 году – курсант ТССШМ. В 1976-м поступил в Институт культуры имени П.Ф. Лесгафта, который окончил в 1981 году.
- В 1994 году проеха по маршруту «Северное ожерелье» (4400 км).
- В 1995 году впервые выступил на чемпионате России в Подольске в суточном беге (163 км), через пару лет принял участие в суточном беге в Москве (178 км).
- Кандидат в мастера спорта по спортивной ходьбе, имеет первый разряд в марафоне и в беге на 20 км, пятикратный чемпион мира в ходьбе и чемпион мира в марафоне (Порте Алегре, Бразилия).
- На Всемирных играх ветеранов в Сиднее 2009 года звоевал два «золота» в спортивной ходьбе на 20 км и 5000 м, в 2013 году в Турине – два «серебра» на 5000 м и 10 км, в 2017 году в Окленде – три «серебра» в ходьбе на 1500 м, 3000 м, 5000 м, в 2025 году в Тайбее – «бронзу» на 5000 м.

Река Кламач.США.

Обед с велопутешественником Матом с Тасмании.

американцы мне попались. Побольше бы таких связей, глядишь – и таможенники, и политики без работы останутся. Надо народную дипломатию двигать вперёд.

...Время ложиться спать. Мне выделили отдельную комнату. Разделся, лёг. И меня охватил испуг. Я провалился от неожиданности в какое-то болото! Это была кровать, заполненная водой. Только слышал и видел по телевизору, а тут в первый день путешествия такие сюрпризы. А на потолке звёздное небо – почти невесомость: красота и космос. Это надолго запомнится.

За день 94 км.

31.10.1999, воскресенье

Встал в 7.00. Это была моя третья ночь в Америке, но уже в путешествии, в пути. И мне повезло: меня приютила обыкновенная гостеприимная и неравнодушная американская семья. Местечко, где я остановился, относилось к маленькому населённому пункту Монтенсано.

...Быстро собрался. Оставил на память велосипедную отработанную покрышку. Поблагодарил Конрада, Джимми, пожал руки детям и в 10.05 выехал.

...Я в Орегоне. Теперь, как был наказ, на бензоколонку «Техасо» заехать и там ждать. Как я обрадовался, увидев её! Приехал раньше всего на пару минут, в 17.58. Обвёл глазами бензоколонку и близлежащую стоянку – никого. Зашёл вовнутрь и попросил позвонить по телефону. Никаких проблем, позвонил, но в ответ тишина.

Поблагодарил и только вышел на улицу, как подъехала машина. Это Брюс с женой, овцой и гусями.

...Загрузили в машину велосипед и поехали домой. По приезду сразу позвонил Юре в Сиэтл на автоответчик и сообщил, что я дома в надёжных руках. После принял ванну. Пришла сестра жены Брюса, мы стали ужинать, а я, как мог, рассказывал о своём путешествии, показывал карты и фотографии.

За день 128 км. Всего: 222 км по США.

01.11.1999, понедельник

...В 7.00 встали. Завтрак. На улице солнце, и у меня поднялось настроение.

У Брюса большое хозяйство во дворе. Услышав наши разговоры, к нам вышла молоденькая лошадка необыкновенной белизны. Попросил Брюса сфотографировать меня с ней. Даже не кусается, когда подносишь руку к её мягким губам. Нежное создание.

Поблагодарил семью Брюса за гостеприимство и отправился дальше на юг, по незнакомой, но очень интересной, заманчивой стране. По первым ощущениям, мне очень нравится путешествовать по этой земле.

...Дорога в очередной раз вывела меня к океану. Нашёл уютное место для обеда и остановился перекусить. Первый раз умылся в Тихом океане.

В 15.40 в путь.

...Темнеет. На окраине города заметил большие ангары. Это Музей авиации. Покрутился вокруг и ничего подходящего не нашёл.

Вернулся на перекрёсток и поехал по дороге, которая вела к нескольким сельскохозяйственным фермам. Снова ничего подходящего. Опять вернулся и свернул на ферму по правой стороне дороги. Там был коровник.

Подъехал к открытым воротам и заметил работника. Поздоровался и спросил, где бы здесь можно переночевать. Он отвлёкся от работы и махнул рукой, показывая идти за ним. Подошли к большому ангару, где было много тюков сена, спрессованных в большие квадраты. Он махнул рукой и тут же отправился обратно на ферму. Я только успел сказать: «Спасибо».

Уже стемнело. Очень прохладно, и я стал замерзать. 20.00. Я надел на себя всё, что было. Достал целлофан и завернулся в него, как советовал тольяттинский путешественник Василий Иванович Ложкин. Ночью просыпался несколько раз от холода. Замёрз.

За день 112 км. Всего 334 км.

ГЛАВА 4. ЗНАКОМСТВО С МАТТОМ

03.11.1999, среда

...Однажды вышел к океану и решил своими «колёсными» ногами проехать по водной глади. Крещение получил таким образом мой «конь».

Недалеко от меня по берегу гуляли пенсионеры и что-то подбирали. Пригляделся. Это они ракушки и рапаны собирали. Подключился и я. Нашёл пять штук и дал одной бабушке. Она была такая счастливая, что это передалось и мне. Я был не менее рад, глядя на её реакцию.

...Брызнул дождь, который превратился в ливень. Промог вмиг. Заехал в придорожный «Макдональдс». Взял гамбургер, кофе, колу, на что ушло 3.80 $.

За день 56 км. Всего 460 км.

04.11.1999, четверг

...Проехал городок Редспорт, слева и справа было несколько мотелей и гостиниц. Подъехал к одной и спросил стоимость ночёвки. Рауль, дежурный на ресепшене, ответил – 35 $, но можно за 30 $. Я отказался – дорого. Тогда Рауль направил в другую гостиницу. Поговорил с дежурным. Он назвал цену в 20 $. Я предложил 10 долларов, он – 15 долларов. На этом сошлись. Если я каждую ночь буду проводить в отеле и платить по 30 долларов, то на десять ночей мне хватит денег, а остальные 87 дней как прожить? И ещё мне надо перелететь в Европу на какие-то деньги.

За день 90 км. Всего 550 км.

05.11.1999, пятница

...Въехал в North Bend (Норд Бэнд) через длинный и высокий мост. И тут застал меня ливень. Забежал в велосипедный магазин, который был ближе всего. Отличный магазин, почти всё есть. Тепло здесь, отогреваюсь. Напротив – городской информационный центр, в который я и направился. Совсем рядом – музей, у входа которого стоит старый паровоз за № 104 В информационном центре было тоже тепло.

В дверях показался велосипедист-путешественник. Я сразу к нему. Познакомились. Его зовут Матт, он с Тасмании. Едет из Анкориджа до Буэнос-Айреса. Я познакомил его со своим маршрутом. По сути нам по пути. Веселее будет ехать. Но хочет ли он ехать вместе? Вопрос. Ему 28 лет, молодой и сильный. Мне уже за 44. Может, мне за ним и не угнаться. Но попробовать можно.

...Въехали в городишко Bandon (Бандон) в 15.45. Матт быстро нашёл хостел, там мы и разместились. Уплатили по 15 $ за ночь. Заняли свои места, багаж оставили и поехали в город за мороженым. Я купил за 2.50 доллара. Очень вкусное, но очень холодное. Вернулись и стали обустраиваться. Хостел маленький, на 10 человек. В основном останавливаются студенты и путешественники. Занялись просушкой.

...У Матта был телефон, и он постоянно с кем-то разговаривал. Вечером собрались на ужин обитатели хостела, Матт с ними уже познакомился. Представил меня. Одна девушка угостила меня хорошим виноградным вином. Я поблагодарил и залпом выпил целый бокал. Тепло пошло по телу. Разомлел. Приготовил на завтра кипячёной воды и разлил по пустым бутылкам.

За день 80 км. Всего 630 км.

6.11.1999, суббота

...Приехали в Порт-Орфорд и сразу в магазин. Я взял кока-колу и хлеба, на что ушло 4 доллара. Ели прямо у магазина, сев на асфальт и облокотившись на стеклянную витрину. Проходила мимо девочка, которую я попросил сфотографировать нас в таком виде.

...Проехали мост над речкой Рог возле селения Голд-Бич и свернули с дороги. Спустились к речке, и Матт стал ставить свою палатку на открытом незащищённом от ветра месте. Я стал уговаривать его поставить палатку под мост. Там сухо, нет ветра, мы скрыты от постороннего нехорошего взгляда, и нас не замочит дождь. Убедил. Солнце ещё не закатилось: ехать и ехать можно было. Но его же не бросишь, и у него палатка есть. У меня палатки нет. А главное, он знает язык. Как-никак с Тасмании, под оком королевы. Речка мелководная, но рыба есть. Через некоторое время к нам подошёл рыбак, с которым Матт говорил 35 минут.

Я был мокрый с дороги, переоделся в сухое и ждал Матта. Солнце закатилось, стало совсем прохладно. Сегодня видел по дороге много раздавленных скунсов, змей и косуль.

За день 103 км. Всего 733 км.

07.11.1999, воскресенье

...Проехали 70 км. Кресент-Сити. Слева видны горы Кламат с высшей точкой в 2259 метров над уровнем моря. Эти горы сменили Береговые хребты, которые тянулись от самого Сиэтла. Часовой обед, и в 14.00 мы в пути. Пошёл длинный подъём. Стали встречаться самые высокие деревья в мире – секвойи. Самые высокие — до 110 метров и в обхвате до 35 метров! Взяли горочку. Фото у секвойи – и в путь.

...Опять удивляюсь состоянию дорог. Просто мечта! Краской отмечена линия разграничения между велосипедом и машинами. При спуске на мокром шоссе есть большая опасность упасть. Поэтому спускаешься с большим напряжением, сводит и руки, и ноги. Постов ГАИ здесь нет. Полиция движется с патрульной скоростью в 45 миль в час и наблюдает за движением автотранспорта. Доезжает, допустим, до границы штата и поворачивает обратно. Мы едем по правилам, и поэтому нас не останавливают.

За день 103 км. Всего 836 км.

8.11.1999, понедельник

...При въезде в Тринидад Матт сфотографировал меня. Заехали в магазин и отоварились. Взял кока-колы, молока. Молоко почти всё выпил. Кока-колу разлил по бутылкам. Пиццу всю съел. Матт пошёл звонить, повстречал велосипедистов, и у них завязался разговор. Поговорить Матт мастак. Пришёл и говорит: «Велосипедисты говорят, что ты храбрый». А Матт добавил: «И выносливый». Набираю в свой адрес разных высоких эпитетов, а сам я такой же, как они, вот что я вам скажу.

За день 95 км. Всего 931 км.

ГЛАВА 5. ВДОЛЬ ТИХОГО ОКЕАНА

09.11.1999, среда

...В 12.10 снова в путь. Проехали дорожный щит, на котором было указано «Сан-Франциско – 205». Это столько миль до большого и красивого города, в бухте которого есть знаменитый остров со знаменитой тюрьмой Алькатрас.

...Дождь хлещет. Сижу под деревом и жду Матта. Достал хлеб, ем и запиваю колой. Через десять минут появился Матт. Что-то ему тяжело. Но он не остановился и молча пошёл на спуск. Мы все мокрые. Но Матт едет в шортах, а у меня двойное трико, и всё мокрое, тяжёлое.

...Поставили палатку, надул Матту надувной матрац. На своей горелке он приготовил похлёбку, мне дал остаток хлеба, хотя у меня был свой. Да, горячего чая бы сейчас. Я попросил воды у Матта, но он ответил, что это ему на утро. Я стал всё переворачивать у себя в поисках воды, но знаю, что нет. И всё же эврика! Нашёл колу и порошок «Изостара». Растворил и выпил. Стал мёрзнуть на ветру.

...Сводит пресс — много потерял сегодня солей. Сижу, переодеваюсь. Под себя свитер и всё мокрое подкладываю, чтобы спину не прихватило. Матт передал тряпичный мешок, в который я забрался, а на себя натянул свитер. Перчатки и рюкзак – под голову. Документы и фотоаппарат — в сухое место.

...Всё ещё дрожу. Укрываюсь плёнкой и активно начинаю дышать. Постепенно согреваюсь, и становится теплее. Усталость берёт своё, и я засыпаю. Но порыв ветра напоминает о себе и рвёт палатку. И так всю ночь вертелся, согревал себя. Поджимал под себя ноги, чтобы согреться. Всё сырое и липкое. А как завтра?

За день 108 км. Всего: 1128 км.

11.11.1999, четверг

...Выехали в 11.00. Через какое-то время и у меня прокол. Третий в США. Проволока попала. Устранил неполадку быстро, за 25 минут, а Матт подкачал свои колёса. Едем. Подъёмы и спуски изматывают. Особо после вчерашнего дождя и подъёма на

Секвоя в разрезе, ей более 1000 лет.Калифорния.

Такую тысячелетнюю секвою не объять.

У Тихого океана.

2000-метровый перевал. Доехали до Еука, это примерно 72 км. Не останавливаясь, добрались до кемпинга в Манчестер-Бич. Матт пошёл узнать о ночлеге. Порядок, остаёмся здесь. Ночь – 8 долларов всего. Есть душ, бассейн, кухня. Я принял горячий душ и так прогрел ноги, тело, что ещё долго ощущал этот приятный комфорт. Простирались за 2.25 доллара и просушились всего за 0.20 цента. Теперь как люди выглядим.

Делаю записи, потом идём кушать. Съели суп, на второе было овощное рагу, а после принялись чаёвничать. Матт говорит, что через два дня будем в Сан-Франциско. С ним мы можем до Лос-Анджелеса ехать вместе, а дальше ему предстоит проехать Мексику, Гондурас, Никарагуа, Панаму, Колумбию – до Буэнос-Айреса. А оттуда он хочет перелететь в Австралию, а там до родной Тасмании рукой подать. Путь нелёгкий.

За день 96 км. Всего 1224 км.

13.11.1999, суббота

...Проехали 11 миль (17,7 км) до перекрёстка. Матт не посмотрел хорошо на карту, и мы уехали не в ту сторону. В магазине мужик подсказал, куда ехать. Возвращаться или ехать вперёд? Только вперёд! Едем на Навато. Это 8 миль.

...В Навато мы с Маттом расстались до 16 ноября. Я дал телефон и адрес, где остановлюсь в Сан-Франциско. С 15.00 до 16.00 буду ждать от него звонка.

В 14.00 выезд на Сан-Франциско. Ехал и искал дорогу, блуждал и снова ехал.

Приехал в Сан-Рафаэль. Звонил в Сан-Франциско Володе, это второй адрес от Лойда, а его нет дома.

Попил воды. Опять кручусь, выехал в пригород Сан-Ансельмо. Подъехал к пожарной части. Темнеет. По городу покатался. Заехал в магазин и купил «Спрайт» два литра, хлеба, молока 1 литр, пирожное, сосиски 5 штук, бубликов 6 штук.

...Пошёл искать место в кустах, где лучше прилечь. Нашёл две доски, из которых смастерил себе нары. Вытащил из сумки всё необходимое для ночлега и уложил на доски. Надел на себя ещё куртку, свитер, штаны, дождевик. Укрылся плёнкой и стал засыпать. Ночью похолодало, и выделился конденсат на плёнке.

За день 96 км. Всего 1432 км.

14.11.1999, воскресенье

...Проехал не так много и пошёл в подъём. И что я вижу: вот он, «золотой мост», гордость Сан-Франциско, да и всей Америки – Голд Гейт Бридж.

Заехал на смотровую площадку, где было много людей, говорящих на разных языках. Отсюда хорошо виден остров Алькатрас, где была знаменитая тюрьма до 1966 года. Теперь там музей. Силуэт Сан-Франциско не спутаешь ни с каким другим городом. Сам мост очень величественный и широкий, по три полосы в каждую сторону. Скорость поддерживается на уровне 45 миль/час.

...На площадке я, естественно, привлёк внимание некоторых любознательных людей. Посыпались вопросы: откуда я, куда еду, как зовут. Мы фотографировались, обменялись адресами, электронной почтой. Одна женщина даже дала 3 доллара, чтобы я купил в дорогу чего-нибудь попить.

...Проехал мост и свернул на лужайку, где спокойно перекусил и отдохнул. За день землю хорошо прогрело. Поехал в город. Дорога завела меня в великолепный Линкольн-парк, где было много дорожек, горожан, которые катались на досках, роликах, велосипедах, а кто и просто бегал или ходил.

...Поехал обратно в город. Вышел на главную улицу Geri (Гери). Встречаю много русских магазинов с русскими вывесками. Захожу туда, где много интересных и любопытных вещей. Проехал то место, где мы с Володей должны встретиться в 17.00.

...Стал накрапывать дождь. Я на месте. Стою с велосипедом под балконом большого дома. Никуда не ухожу, чтобы заметили. Подошли двое – Володя и его друг Сергей. После знакомства пошли домой к Володе. Дождь не прекращался, но дом был совсем рядом, и я не успел промокнуть. В дверях нас встретила Лиза, жена Володи. Вот оно – долгожданное тепло и уют. Соскучился по цивилизации.

За день 58 км. Всего 1490 км.

ГЛАВА 6. ИЗ ФРИСКО В ЛА-ЛА-ЛЕНД

16.11.1999, вторник

...В 8.00 позвонил Матт. Сказал, что через 20 минут будет на месте. Собрался. Володя и Лиза помогли спуститься. В фойе дома сфотографировались на память. Вышли на улицу, а тут и Матт подъехал. Познакомил его с Володей и Лизой, а их – с моим напарником. На этом наша короткая встреча закончилась. Мы обнялись и пожали руки.

Держим с Маттом путь на юг, в Лос-Анджелес. Выехали в 8.30 и помчались по по улице Гери к океану. Матт заехал в магазин, поел, подкачал колёса. Ветер сильный, солнца нет. После полудня зарядил дождь.

...В 15.00 пробило у Матта колесо. Разобрал, клеим. Дождь всё идёт.

Поехали. Стали присматривать место для ночлега. Заехали в Pescadero State Beach (Пескадеро Стейт Бич). У Матта – новая палатка, он на грелке приготовил себе ужин. Потом я вскипятил воду, заварил чай, стал потихоньку пить и согреваться. Дождь хорошо поливает. Взял сухое бельё – и в палатку. Переоделся, забрался в мешковину и обмотался плёнкой. Стало теплее.

За день 99 км. Всего 1589 км.

17.11.1999, среда

...Попросил Матта сфотографировать меня на фоне большого прибоя. Он сфотографировал и заторопился – не видит красоты или не в духе, спешить ему надо. Я за ним. Он оторвался, и до Девенпорта я его не видел.

...Жму на все педали. Проехал 51 км. На часах 11.40. При въезде в городок остановился, свернул на полянку и стал ждать Матта. Сушу одежду, ем, пишу и отдыхаю, а его всё нет. Уже 13.30. Поеду, наверное.

...На часах 16.40. Перекусил и стал заполнять журнал. Недалеко от меня хороший кустарник, где можно заночевать. За мной стоят два велосипеда на приколе. Один старый и ржавый, а другой поновее. Думаю, что завтра тут же и будут стоять. Никто не возьмёт.

...Темнеет. Я подложил несколько веток и листьев под себя, чтобы не тянуло холодом от земли. Луна появилась. Наполовину была стареющей. Ещё хочется сказать о местных жителях. Они очень внимательные и приветливые. Я отвечаю взаимностью и киваю головой.

За день 82 км. Всего 1671 км.

18.11.1999, четверг.

...Еду по № 1 дороге, а сзади осторожно подъехал полицейский и просит вернуться. Я показываю карту: куда же тогда мне ехать? Он вежливо, спокойно и уважительно объяснил мне, куда ехать и на какую дорогу выходить. Молоток парень! На своём месте. Сказал ему, что мы – коллеги, только я уже на пенсии. Он уважительно поднял большой палец вверх.

...Въехал в городок Марину. Повстречал девушку-велосипедистку. Спросил её, далеко ли до Монтерея. Познакомились. Её зовут Карисса. Она с группой ездила по странам мира, обкатывала свой новый велосипед. Обменялись адресами. Сказала, что до Монтерея совсем немного осталось.

За день 73,5 км. Всего 1744 км.

24.11.1999, среда

...Пошла извилистая дорога с прекрасными мысами. Показалось Малибу. Городок большой по протяжённости и маленький по населению.

Пляж длинный и в прекрасном состоянии, много загорающих, но мало купающихся. Всё же зима.

Золотой мост, Сан-Франциско.

Русский храм в Сан -Франциско.

Сан-Франциско. Стелла, где написано, что Эстония и Россия вновь вступили в ООН под этими названиями.

Позвонил Галине Афанасьевне. Она сообщила, что встреча состоится в Малибу, около университета, на площадке вблизи Тихого океана на Malibu Canyon Rd. (Малибу каньон).

Доехал быстро, через 40 минут был на месте. Стал ждать, на часах 16.20. Через 10 минут подъехал Михаил Вольфович с сестрой Инной и её мужем Михаилом. Нашей радости не было предела. Обнимались и жали друг другу руки. Сфотографировались на память на фоне большого поля университета, гор, церкви. После разобрал велосипед, уложили в багаж и поехали через красивый извилистый каньон.

Завершился мой этап от Сиэтла до Лос-Анджелиса вдоль прекрасного тихоокеанского побережья в чудесный тёплый день.

Я оказался в объятиях друзей. О лучшем и мечтать не надо!

...После долгой дороги я принял душ, мы сели за праздничный стол. Подняли тост за долгожданную встречу, за всех, кто на всём протяжении поддерживал меня в пути, за наш клуб любителей бега «Старт» и его президента Михаила Вольфовича Фридмана.

Отвечал на многочисленные вопросы. Говорил о том, что видел, пережил, думал, встретил...

За день 103 км. Всего 2299 км.

ГЛАВА 7. ВСТРЕЧИ в ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ

27.11.1999, суббота

...Звонил пропавший австралиец Матт, вечером ещё позвонит. Позвонили Володе Бань. Его не было дома, разговаривал с женой Аней. Мне надо выслать ему километраж и места ночёвок по дням, а его сын Илья всё отобразит на сайте моего путешествия для информации.

...Перекусили и отправились к сыну Михаила Саше. С ним я поехал в другой спортивный магазин, где Саша купил мне надувной матрац за 49.9 $. Отличный матрац, надувается после пяти глубоких выдохов, можно на нём лежать, не касаясь сырой земли. Он очень лёгкий (300 г) и занимает мало места. Поблагодарил.

28.11.1999, воскресенье

Сегодня выходной. Вечером придут друзья и гости Михаила Вольфовича и Галины. Они приглашены для знакомства со мной и, как я понял, для поддержки меня в путешествии, которое ещё продлится долгих 5 месяцев.

...Обед. Стали приходить гости, с которыми меня знакомили, дарили подарки. Всех искренне благодарил и был так окрылён, что готов хоть сейчас отправиться в путь.

...Когда сели за стол, мне предоставили слово. Коротко сказал о том, как добирался до Лос-Анджелиса. Как мне помогали в пути доброжелатели, как Михаил Воль-

фович «смастерил» мне великолепный маршрут по США и постоянно был на связи. Отвечал на многочисленные вопросы, показал фотографии из путешествия и дал друзьям свой бортовой журнал, в котором они оставили тёплые пожелания и бодрые напутствия.

Приехал Матт, его привезли друзья из Санта-Моники, где он остановился. Я представил его, ведь больше недели я ехал с ним и ночевал в его палатке.

Так я и не понял, как мы с ним тогда разминулись. Он-то, конечно, знает, но толком не рассказал.

Теперь наши пути разойдутся. Ему на юг, до Буэнос-Айреса, а мне на восток. Туда, где восходит солнце. Но я был рад нашей встрече. Вместе попотели, потерпели, и я так думаю, что я не был слабаком в его глазах, а иначе бы он и не приехал. Молодец, что позвонил. Есть что вспомнить!

29.11.1999, понедельник

...Звонил вечером Андрей Бабин из Таллинна. Он тоже наш одноклубник «стартовец». Интересовался ходом моего велопутешествия. Сейчас он работает корреспондентом в газете «День за днём» и освещает интересные события моего путешествия.

30.11.1999, вторник

...В 8.00 мы с Михаилом Вольфовичем отправились на пробежку в дикий парк. Там он побежал трусцой, а я решил пройти пять километров спортивной ходьбой. После тренировки мы заехали в магазин за покупками и затем пошли домой на обед. После Михаил Вольфович предложил заехать к своей мама Анне. Я без раздумий согласился. При встрече с ней я решил, что передо мной женщина лет 75, бодрая и живая, а оказалось, что ей 96 лет, ухоженная причёска прекрасной белизны, ясная и понятная речь.

После знакомства немного поговорили, она предложила сыграть в карты. Между прочим, она нас с Михаилом Вольфовичем несколько раз оставила в дураках. Что можно сказать после этого? Только развести руками. Попили чаю, сфотографировались на память и поехали за внучкой Наташей в школу.

02.11.1999, четверг

...Закончился последний день у моих близких и дорогих друзей – Галины и Михаила. Сколько хлопот и беспокойства я создал своим присутствием, но, думаю, эти хлопоты того стоят. Мы, «стартовцы», бегуны-марафонцы, сколько совместных тренировок, пробегов, соревнований провели! Помогали и поддерживали друг друга. И во главе клуба стоял наш президент – Михаил Вольфович Фридман, для которого мы были верными пропагандистами здорового образа жизни. Спасибо!

ГЛАВА 8. РЫВОК В ГОРОД АЗАРТА

...Делаю поворот и вижу вдали телевизионную башню, высокие дома. Это и есть Лас-Вегас. Город казино и рулеток в пустыне среди гор. Слева заметил спускающиеся и поднимающиеся самолёты — это аэропорт. Город весь в дымке. Смог. Где-то надо найти место для ночлега, а завтра, согласно карте, мне направо.

...Доехал до улицы Fremont, спешился. Шёл медленно и, задрав голову, рассматривал жилые дома, магазины и другие интересные сооружения. Всё было необычно, интересно и любопытно. На тротуарах много людей, на слуху русская, немецкая речь. Русских из Бостона встретил.

Достал фотоаппарат и стал фотографировать. Лас-Вегас — это город-мир в миниатюре. Здесь и Египет с пирамидой Хеопса и сфинксом, Париж с Эйфелевой башней, римские колесницы, небоскрёбы Нью-Йорка, московский Кремль, храмы Камбоджи и Таиланда, скульптуры Греции. Много фонтанов и бассейнов на улицах.

На левой стороне улицы заметил жёлтую подводную лодку знаменитой ливерпульской четвёрки. Множество казино и рулеток, у которых стоят зазывалы и приглашают посетить заведение.

...На тротуарах стоит много скамеек и ящиков с иллюстрированными журналами обнажённых девиц с приглашением посетить злачные места. Здесь это всё разрешено официально.

Туристов очень много. Переходя очередную улицу, заметил мужчину, похожего на славянина. Это оказался словак. Назвался Сашей и сказал, что немного знает русский. Я представился и сказал, откуда еду, куда и в чём нуждаюсь. Он предложил переночевать в католической церкви, указал ее улицу с адресом и домом под № 1501.

...Я поехал в церковь. При подъеде заметил площадку, огороженную сеткой, там было очень много людей, стоящих в длинной очереди, больше всего темнокожих. Гостиницы в городе очень дорогие, не каждому по карману. Поэтому в очереди заметил очень приличных мужчин в костюмах и галстуках.

Встал в очередь и получил № 63. Пропускать на ночлег стали в 18.00. С собой – ничего лишнего, все вещи надо положить в багажный ящик, выдача рано утром. Приняли только 150 человек. После проверки документов вручили коврик, который надо положить строго по линии, чтобы не мешать проходящим. Пол был с подогревом, но меня выручил ещё и спальник, которым я укрылся. Туалет был недалеко, не закрывался, только перегородки по типу лабиринта. Это в целях безопасности, чтобы безобразий не совершалось.

...Помыл лицо, руки и улёгся на своё место. После того как потушили свет, остались гореть только ночники.

За день 117 км. Всего 2835 км.

ГЛАВА 9. СНОВА В СЕДЛЕ

09.12.1999, четверг

...Пересёк границу двух штатов. Покинул штат Невада и въезжаю в штат Аризона. Безлюдное место. Въезжаю в третий штат Юта. На границе штатов была стоянка для машин, на которой стояла маленькая продуктовая машинка. Когда проезжал мимо неё, меня остановил голос водителя. Он поинтересовался, откуда я и куда еду. Мы познакомились. Его зовут Стефаном. Он живёт в Сент-Джордже. Это совсем рядом – 8 км. Стефан предлагает заехать к нему в гости и переночевать у него. Я согласился, но в ответ предложил ему нарисовать схему подъезда к его дому. Мы обменялись электронными адресами, он записал свой телефон и адрес. Напоследок угостил меня пирожными и уехал. Я перекусил и отправился в гости к Стефану.

...Меня очень тепло встретили. Жена Стефана угостила сальвадорскими лепёшками и дала соку. Расспросили, в чём я нуждаюсь и какие проблемы есть. Я поделился тем, что проколы участились и неплохо бы купить дополнительно камеры. Они обзвонили магазины и сказали, что можно купить.

За день 74 км. Всего 3042 км.

10.12.1999, пятница

...Проехал 34 км и свернул с дороги на привал. Сфотографировал «останцы» – это горные островки, оставшиеся после выветривания горной местности. Иногда их называют «варежками». Быстро перекусил. Пошли резервации. Поселение Каньон-Сити. Здесь компактно проживают индейцы. Жилища у них похожи на наши цыганские посёлки. В загонах и огородах пасутся лошади, коровы, ламы, страусы.

...Заехал на заброшенную бензоколонку. Обошёл вокруг и нашёл хороший закуток, осмотрелся и решил поставить здесь палатку. Уже совсем темно и очень холодно. Начинаю дрожать.

...Нашёл фанеру и постелил под палатку, чтобы не лечь на острые предметы, которые не разглядеть уже сейчас. Быстро надел куртку, вещи сложил в палатку, а сам залез в спальный мешок греться и отогревать холодный чай. Для этого пластмассовые бутылочки зажал между ног и ждал, когда согреются. Через полчаса принялся ужинать. На ужин были орехи, сушёные фрукты, картошка фри, запивал всё холодным чаем.

За день 121 км. Всего 3163 км.

ГЛАВА 10. ЗДЕСЬ ЖИВУТ ИНДЕЙЦЫ

12.12.1999, воскресенье

...Вот и Каента! 32 км проехал за 1 час 17 минут. Просто отлично! Это край, который мы знаем по фильмам про индейцев с участием Гойко Митича, он также известен через знаменитый фильм «Золото Маккены». В 10 км расположена Долина монументов. Завтра я туда и покачу.

...Зашёл в «Макдональдс». Тепло. Сел за стол, положил на стул велосипедный шлем, разложил карты и стал заполнять свой журнал. Напротив меня за соседним столиком сидела плотная женщина, она сразу поняла, кто я. Перекусив, подошла ко мне и спросила, не нуждаюсь ли я в ночлеге и если «да», то я могу остановиться у неё. Я кивнул. Она ответила, что её «кар на улице», развернулась и пошла к выходу.

...Городок небольшой, и мы доехали быстро. Дома была её дочь, темнокожий мальчик и женщина с ребёнком. Познакомились: дочь зовут Нелли, а мальчика – Ноэлинн, он приёмный в семье, ходит в первый класс. Коротко, как мог, рассказал о себе и о своём путешествии. Затем принял душ и за ужином продолжил свой рассказ. Перед сном заполнил журнал и крепко уснул.

За день 163,88 км. Всего 3461 км.

13.12.1999, понедельник

...Наконец перед нами раскинулась Долина монументов. Они, словно гигантские столбы, предстали перед нами. Это мать-природа постаралась. Веками выветривание почвы превратило этот край в такую красоту! Вымывание породы на плато Колорадо превратило его в Большой каньон. И я сейчас в эту минуту здесь нахожусь. Сердце затрепетало!

...У Нелли было время, и она предложила посетить музей под открытым небом, где раньше жили индейцы навахо. В музее людей нет. На смотровой площадке сделал несколько снимков. Жили индейцы в отвесной скале, в которой были проделаны пещеры, и неприятелю трудно было добраться до них, а если самим необходимо было спуститься, то сбрасывали плетёные лестницы.

В музее Нелли рассказывала и показывала экспонаты, схемы, карты и старые фотографии тех мест, где жили индейцы.

Памятник павшим во Вьетнаме.

ГЛАВА 11. ГОРЫ САН-ХУАН

16.12.1999, четверг

...Поднялся на перевал. Впереди вижу горы, которые гораздо выше тех, что проехал. Они все в снегу. Скорее всего, моя дорожка туда меня ведёт. Влажность, и очень сыро. Промерзают ноги. Приходится спешиваться и метров 200-300 проходить пешком, чтобы можно было крутить педали.

...Вот теперь проблема: где ночевать? Мокрый – это плохо. Надо найти что-то потеплее и посуше.

...Поехал по дороге. Доехал до мотеля, а напротив – весовая и какое-то помещение. Стёкла разбиты. Осмотрелся. Остаюсь. Холодно. Надо делать всё быстро. Нашёл кучу газет. Постелил под палатку. Порядок. Надул матрац. Забрался в мешок и закутался. Снял сырые носки и подложил под себя на просушку, а сухие надел на ноги. Всё сделал быстро.

Теперь заснуть бы. Но не спится. Уснул в 23.40.

За день 145 км. Всего 3854 км.

18.12.1999, суббота

...Спустился в городишко Cimarron (Кимаррон) и, не останавливаясь, вышел на хорошую трассу. Вот и прерии пошли. Ветер сильнейший, правда, боковой, слева.

Очень тепло стало. Начал снимать одежду. Машин не видно. Еду один. Снял обувь и пошёл по асфальту в тёплых носках. Прошёл метров 400 и сел в седло, а сырые носки повесил на руль для просушки.

...Въехал в Ратон в 17.40. В кафе взял бутерброд и заварил свой супчик. Поел. Отдыхаю, отогреваюсь и заполняю журнал. Вспомнил, что когда сегодня проезжал долину, видел на берегу озера монумент в честь тех, кто воевал во Вьетнаме. Помнят.

Попиваю чаёк, смотрю карты, планирую маршрут на завтра. Подписал новогоднюю открытку и отослал друзьям в Eureka (Еурека), штат Калифорния. Пора выходить из тёплого помещения и искать местечко для ночлега. Возможно, придётся вернуться назад в кемпинг.

За день 167 км. Всего 4190 км.

ГЛАВА 12. РАВНИНЫ И ПРЕРИИ

19.12.1999, воскресенье

...Доехал до Де-Мойна. Обед с 11.00 до 11.40 – и в дорогу. Трасса великолепная, машин совсем мало. Встречаются стада коз, коров, табуны лошадей. Несусь, иногда скорость под 50-55 км/час. Правда, и ветерок, бывает, помогает. Когда дело спорится, почему и не поработать как следует. Сделаю запас времени. Ведь не знаю, как там дальше будет.

...Стемнело. Доехал до населённого пункта Felt (Фелт). Сразу заприметил по ходу движения небольшое нежилое здание. Обошёл его, но решил спать в сарайчике, который был совсем рядом. Нашёл подходящие доски, накрыл их ветошью. Палатку решил не ставить - относительно тепло сегодня. Да и широта подходящая -37 градусов. Ветер не утихает. Небо чистое. Звёздочки сверкают.

Перевёл часы на час вперёд. Попил колы и уснул в 20.00. Сегодня поработал хорошо.

За день 186,3 км. Всего 4376 км.

21.12.1999, вторник

...В 13.45 остановка в Elmwood (Элмвуд). Перед этим проехал речку с интересным названием Palo Duro (Пало Дуро).

14.15 – перекусил. Еду дальше. Маленький городишко, но пожарная часть, почта и церковь – это святое для них.

На 65-м км меня объехала легковая машина, но через несколько метров остановилась. Вышел молодой парень. Разговорились. Оказывается, он едет с семьёй, меня уже вчера обгонял. Достал 20 $ и вручает мне. Я поблагодарил его и поклонился в сторону машины его жене. Затем попросил её сфотографировать нас. Пожелав друг другу хорошей дороги, мы разъехались.

...Продолжаю движение. Темно. Дорога широкая, в четыре полосы: две встречные и две попутные. Вдруг машина чуть не задела меня! Что ей, тесно, что ли?

Через некоторое время с проблесковыми огнями мчится полиция. Ну, думаю, мне капец. А нет. Это она за той самой машиной понеслась. Полиция остановила её. Я остановился в 100 метрах до полиции и думаю: ехать или нет. Решил ехать. Видно, водитель нарушил правила.

Когда тот меня обходил и чуть не задел, то даже не посигналил, что делает обгон транспортного средства, то есть меня. Скорее всего он был пьян. Я погнал свой велосипед сколько было мочи, мало ли что водитель-нарушитель наговорит, может, я был ему помехой.

За день 224 км. Всего 4743 км.

ГЛАВА 13. РОЖДЕСТВО В АМЕРИКЕ

22.12.1999, среда

...Ориента, проехал 95 км за 4 часа 29 минут. На часах 13.30. Обедаю, рядом сидит сосед. Полюбопытствовал, откуда, куда и зачем еду. Коротенько рассказал о себе. После обеда он подошёл ко мне, вручил пакет с шоколадкой и горячим гамбургером, сказал: «Крисмас!» Я его поблагодарил и ответил: «Your Christmas too!» («Вас тоже с Рождеством»).

...23.54, спать хочу. Уснул. В 2.00 проснулся. Купил какао-порошок и попил с чаем. В кафе заехали два таксиста. У нас завязалась интересная беседа. Сказали, что я храбрый и смелый, если отправился в такое путешествие, но некоторые корыстные люди могут «прилипнуть» ко мне. После этих слов мы от души посмеялись. Проболтали до 4.30. А напоследок они написали свои пожелания в мой журнал и дали свои визитки с электронной почтой. Пожали руки, и каждый дал мне по 20 $. Бывают же чудеса на Новый год!

За день 162.11 км. Всего 4905 км.

ГЛАВА 14.ФЕЙЕРВЕРКИ НАД МЕМФИСОМ

26.12.1999, воскресенье

...День сегодня начался с ремонта. Заклеил три дырки в камерах – металлический волос попал. Опять задумался: а ведь чудо было! На Рождество! Ведь до этого думал о встрече с русской семьёй. И произошло! Они из Таллинна, четверо детей. И знакомство наше было через полицию, через коллег. Что-то есть в этом мире. Или везёт тому, кто везёт.

Завтра на пути новый штат – Арканзас. Родина президента Билла Клинтона. Есть и город с таким названием в этом штате. И в штате Оклахома есть городок с таким названием: Клинтон.

31.12.1999, пятница

...Выезд в 13.30 на Turrell (Терелл) и Jerico (Джерико). Пригород. Подъезжаю к Мемфису. Постепенно поднимаюсь на длинный мост через реку Миссисипи. Хорошо видно с моста большой небоскрёб в виде пирамиды. Это память о Египте и городе Мемфисе. Город Элвиса Пресли. Вода в реке очень грязная. Большой мегаполис – больше сбросов в реку. Два фото с моста – и дальше на спуск. Я въехал в штат Теннесси. Это двенадцатый штат на моём пути.

...Сфотографировал закат над Мемфисом. Проехал примерно 555 метров и свернул налево. Повёл велосипед по полю. Рядом церковь. Завёл велосипед в кусты, чтобы с дороги не было видно. А кусты колючие, это опасно. Темно, не видно.

Поставил палатку. Забрался. Тепло очень. Снял носки, а они сырые. Куртку тоже снял.

В 00.00 громыхать стало – фейерверки. Новый 2000-й год! Что-то слабо, и то, наверное, русские переселенцы стреляли, привезли с собой арсенал. Постреляли немного, успокоилось всё вокруг. Посмотрел на небо. Ещё раз всех с Новым годом!

Миллениум! с 2000-м! Живите в мире и согласии. Здоровья всем, а мне спать. С начала путешествия 15 936 км проехал.

За день: 165,8 км. Всего 5935 км.

ГЛАВА 15. ВЕЛОСИПЕДОМ НА ЧАТТАНУГУ

...В 13.00 въехал в Winchester. Еду по городу. Увидел велосипедный магазин. В магазине работник Марк спросил, какие у меня проблемы. Ответил, что проблем нет, но поменять камеру хотел бы. Показал камеру. Марк дал взамен две. Его шеф отвёл меня в кафе и накормил, предложил дать интервью репортёру одной газеты, а затем пригласил работников телевидения.

Репортёрам я рассказал, как ехал 200 дней, кто мне помогал в пути, как преодолевал трудности, что меня сподвигло на такое путешествие. Сказал, что человек многое может. Надо только верить в себя, в свои силы, не вешать носа, не пасовать перед трудностями и не поддаваться панике. Показал фотографии, которые были при мне. Их отсканировали и вернули.

05.01.2000, среда

...К Чаттануге подъехал, когда стемнело. Подниматься пришлось в темноте 8 км по серпантину. Вспотел. Добрался до самой верхотуры. Подъехал к университету. Спешился. Мимо шла женщина. Оказалось, это преподавательница. Расспросил её, и она направила меня в общежитие студентов. В фойе встретил студенческую пару. Сказал о проблеме. Они переговорили и решили мне помочь – просто взяли меня к себе в комнату.

Его зовут Даниэль, а жену Кэтлин. Определили угол. Затем отправили мыться, пригласили на ужин, за которым мы познакомились поближе. Эта молодая чета тоже любит путешествовать, но чаще – на своём великолепном Jeep Cherokee (ДжипЧероки).

...Закончился ещё один прекрасный день на американской земле. Завтра меня ждёт встреча с великолепными видами со смотровой площадки. Увижу семь штатов Америки! А сейчас спать.

За день 107 км. Всего 6569 км.

ГЛАВА 16. ВДОЛЬ ГОР И РЕК

07.01.2000, пятница

В 6.10 зашевелился. В 7.00 подъём. Холодно. На бороде мелкие сосульки. Смахнул рукой. И на палатке конденсат в виде изморози или инея. Стал вылезать из палатки, и за шиворот льдинки посыпались. Хороший контрастный душ. Ничего. День будет хороший и солнечный. Солнце встаёт, и душа радуется.

...Проехал 32 км. Зашёл в кафе, перекусил. Радио работает. Элвис Пресли поёт. Денёк разыгрывается. Здесь девочки работают, гамбургеры делают и подают подъезжающим водителям прямо в окно. По телефону работают. Быстро заказы выполняют.

...Заехал в маленький городишко в 18.00 и стал искать место для ночлега. Нашёл у речки за бензоколонкой. Заказал самый дешёвый гамбургер № 2 за 3.67 $. Взял ещё крем за 1.49 $.

За день 136 км. Всего 6783 км.

9.01.2000, воскресенье

Утро 6.00. Дождь идёт. Хорошо хлещет. Вода стала проникать в палатку. Пришлось тряпкой собирать воду. Когда дождь чуть притих, я перетащил вещи под домик, что рядом был. Там хорошо, но такой сквозняк, что я стал быстро мёрзнуть. Надел сухую одежду и накинул дождевик. Гораздо теплее стало.

...Приближаюсь к Бристолю, примерно 15 км осталось. Навстречу едет велосипедист, и тоже, как я, с бородкой. Увидел

Чаттануга — отсюда вы видите 7 штатов Америки.

меня, стал сопровождать. Подбодрил и предложил заехать к нему домой, и если есть проблемы, то согласен помочь. Ну, что ты скажешь: доброжелательные люди в Америке, и язык взаимопонимания и дружбы понятен всем! Вот некоторым политикам этого не хватает или не дано. Поблагодарил его и объяснил, что друзья ждут в Бристоле.

За день 85 км. Всего 7012 км.

11.01.2000, вторник

...Доехал до бензоколонки, купил мороженое и с остановками его потихоньку съел. Очень я полюбил американское мороженое в маленьких ведёрочках. Просто изумительное. Невкусное мне не попадалось, а его и не должно, наверное, быть.

...Когда добрался до городка Уитвилл, было уже темно.

Ехал быстро. Ветер помог. Заехал на бензоколонку Shell (Шелл). Купил, как всегда, мороженое, запарил вермишель, заварил чай. В 20.50 закончил трапезу.

Согрелся. Пора и на выход.

Теперь задача – найти хорошее место для ночлега. На поляночке стояли три пушистые ёлочки. Между двумя поставил велосипед, а между двумя другими – палатку. Рядом – мотель для дальнобойщиков. Здесь тихо. В 22.30 уснул

За день 134 км. Всего: 7146 км.

ГЛАВА 17. СТОЛИЦА США - ВАШИНГТОН Д.С.

...Моя дорога пошла по № 611. В горы! Это всё по Аппалачам продвигаюсь. Закончилось шоссе. Грунтовка.

Удивительно: ещё вроде грунта ни разу не было, а тут – под Вашингтоном. Речка, ручеёк, сухой лог. Листьев после урагана немерено. Еду, и всё шелестит и шуршит под колёсами.

...На часах 12.30. Зашёл в магазинчик на бензоколонке и там отогрелся. Следую дальше до очередной бензоколонки. Есть столики. Устроился. Запарил кашку и от любимого мороженого не отказался. Сделал записи в журнале. Купил восемь открыток штата Вирджиния на память. Проехал 54,6 км за 3 часа и 48 минут. Это неплохо по такой дороге.

За день 90 км. Всего: 7488 км.

16.01.2000, воскресенье

...Проехал немного и увидел на дороге сбитую птичку с красной грудкой. Очень красивую с толстеньким клювом. Вроде она является символом штата Вирджиния. Сфотографировал и на обочине у дерева положил.

...Продолжил движение и вновь остановился: что-то опять блеснуло под колесом. Вилка с загнутыми зубьями. Пригляделся и прочитал цифры 1847 год! Да она серебряная! Взял эту находку с собой.

...Далее по пути передо мной вырос большой крест из дерева с Иисусом Христом. Я не мог проехать мимо и не сфотографировать его. Впечатляет. Леонид Невзоров (писатель родом из Двинского Березника Архангельской области, мой друг) это фото включил в свою книгу «В избах».

За день 119 км. Всего 7734 км.

17.01.2000, понедельник

...Появился знак для велосипедистов: поворот налево на дорогу № 611. Это значит, что город рядом. Аэропорт рядом. А вот и мост, дальше – мемориалы в память корейской и вьетнамской войн. Имена погибших высечены на большой овальной стене. Видел и памятник семнадцатого президента США Авраама Линкольна, который восседал на большом троне.

Далее я отправился к монументу «Америка», добрался до Капитолия. Объехал его. Много исторических памятников, которые сменяются один за другим: «Симон Боливар», «Тодеуш Костюшко», «Седьмой легион».

Направление дорог по-американски, только цифры.

...По этой улице я уже проезжал, когда возвращался от Капитолия, и заметил хостел. Эдуард пошёл узнавать насчёт мест. Вернулся и посоветовал остановиться здесь до утра. Он помог мне подняться на четвёртый этаж вместе с велосипедом в 406-й номер, дал 20 $ со словами: «Я просто должен тебе помочь», хотя он уже заплатил за номер. Поблагодарил его. Дал ему свой бортовой журнал, где он пожелал мне хорошей дороги, мы обменялись адресами. На этом и расстались.

Я расположился. Спина болит. Это от того, что сегодня спал на голой земле. Надо заклеить дыру на матраце. Постирался, помылся, погрелся. Вода горячая, соскучился по ванне. Батареи тоже очень горячие, на них сушу бельё. По ТВ новости посмотрел. До Нью-Йорка 235 миль (397 км).

За день 68 км. Всего 7802 км.

ГЛАВА 18. БОЛЬШОЕ ЯБЛОКО

...Доехал до памятника Джорджу Вашингтону и там сфотографировался. Затем ещё раз поехал к мемориалу Авраама Линкольна и сделал несколько фото, в том числе и его маску. После поехал к Белому дому.

...Далее, передвигаясь по улице Вашингтона, наткнулся на интересный памятник, где военный моряк стоит с вещевым мешком и перед ногами его – весь наш земной шар.

...На часах 14.00. Темнеет. Въезжаю в Балтимор. Город не маленький, более 300 тысяч жителей. Красивый, расположенный близко от океана.

...Доехал до Perry Hall (Перри Холл). Пью чай, согреваюсь, надо найти место, где поставить палатку. В 21.11 у забора поставил палатку. Звёзды, луна, мороз. В 22.00 сон. Спал хорошо.

За день 100 км. Всего 7902 км.

22.01.1999, суббота

...В 10.45 выехал. Добрался до Филадельфии. Фото у моста. Заехал в кафе погреться, купил кофе и две булочки. На часах 13.30. Отогрелся и вперёд. Ветер, солнце и мороз!

...Темнеет. Подъехал к городу Трентон. Дальше уже не поеду, надо перекусить, прогреться. По пути заехал в «Макдональдс», взял гамбургер, заварил вермишель. Как всегда, заполнил свой журнал. Сегодня у меня последняя ночь в дороге, а завтра – последний день по Америке.

Это, если всё пойдёт по плану. До Бруклина примерно 100 км.

За день 83 км. Всего 8115 км.

23.01.2000, воскресенье

...Вот и закончился второй этап моего путешествия. Много пришлось увидеть нового, незнакомого и удивительного. Всё это остаётся в памяти на всю жизнь: люди, встречи, горы, реки, поля, леса,

Перед Капитолием.

Перед Белым домом.

Университет Джорджа Вашингтона.

озёра, животный мир. Богатая наша планета. Красивая и неповторимая. Беречь надо. Нашему миру нужен МИР!

Всю эту красоту пришлось увидеть через труд, терпение, преодоление себя. И вот награда. Ты дошёл до Атлантики. Две трети пути позади.

Таллинн – Магадан – 9993 км.

Сиэтл – Нью-Йорк – 8237 км.

Итого – 18 230 км.

220 дней в пути.

Но это не всё. Матушка Европа ждёт меня.

Ночь прошла хорошо.

За день 122 км. Всего 8237 км.

Глава 19. ЕВРОПА ЖДЁТ МЕНЯ

26.01.2000

Встали в 7.00. Сделали зрядку. Позавтракали, потом вместе пошли на рынок за продуктами. Рынок был недалеко. На нём все говорили исключительно на русском языке. Многие знали друг друга уже не первый год.

Зашли в один отдел, Евгения Марковна спросила у продавца, где сейчас Роман. Пришёл Роман, и Евгения Марковна спросила его, есть ли у него для меня какая-нибудь работа? Роман сказал, что нет. Тогда Евгения Марковна попросила, что если появится, то пусть позвонит. Роман хорошо знал эту пожилую семью и часто помогал им. Мы сфотографировались с Романом прямо у прилавка. Он дал нам мороженых овощей и фруктов, мы пошли домой.

День был солнечный и ветреный. Пришли домой, собирались уже обедать и тут звонок: Роман уже подъехал и ждёт меня. Я переоделся в рабочую одежду.

…Роман открыл задние дверцы машины, и мы стали перекладывать овощи и фрукты в его машину. Работали энергично и ритмично. После загрузки поехали развозить товар по магазинам и рынкам. К вечеру заехали на базу и там ещё поработали.

Домой меня Роман привёз в 21.10, заплатил за работу и напоследок сказал, чтобы я завтра пришёл на рынок к его прилавку.

29.01.2000, суббота

Встал в 7.00. Попил чаю и отправился к Роману на работу. Работал непосредственно в магазине на сортировке овощей и фруктов вместе с пуэрториканцами.

Картошку загружал в лотки. В обед Роман принёс большую тарелку риса с мясом. Осилить такую порцию сразу не смог, отложил.

После напряжённой работы сделал перерыв и пошёл доедать свою порцию. Но был удивлён, что уже её не было. Спросил пуэрториканцев, куда девалась? А они посмеялись и сказали, что выбросили. Если бы работали, как я, наверное, бы не выбросили. Работают без напряжения, без огонька. Так им и платят по работе.

30.01.2000, воскресенье

…Подъехал брат Романа Сергей на «лексусе». Дал мне визитку. Роман был доволен моей работой и рекомендовал меня ему. Сергей предложил работу на 2000 долларов и сказал, что снимет для меня жильё за 500 долларов. На этих условиях и сам Роман предлагал мне остаться и при этом сказал, что такие люди, как я, сделают себе карьеру и здесь никогда не пропадут. Но я вежливо отказался, мотивируя тем, что мне надо закончить кругосветку. Они меня не поняли, и Роман сказал, что мы больше никогда не увидимся.

31.01.2000, понедельник

…В 16.30 я был уже в аэропорту Кеннеди. Сфотографировались с Эриком. Поблагодарил его за выручку, и на этом мы расстались.

…Солнце закатывается, хороший вечер, ясно на горизонте. Мой рейс 900 – на Лиссабон в 19.59, 26-я стойка.

Сейчас 18.30, пошёл на регистрацию. Проблема: сказали, что нужна багажная коробка для велосипеда или чехол. Переводчица сказала, что без упаковки они не уверены в сохранности моего велосипеда и тогда не несут за это ответственность. Я сказал, что претензий предъявлять не буду. Согласились и приняли мой велосипед. Я расписался. Сдал багаж весом 30 футов и велосипед с ранцами. Рюкзак со «штанами» взял с собой. Хорошо дело пошло.

…В 20.15 вылет. Под крылом самолёта – ночной Нью-Йорк. Фото в салоне. У меня место 23а. Пересел назад и сел у окна, чтобы лучше осмотреть освещённый уличными фонарями необыкновенный город.

Приземлились в 2.30 по американскому времени. 6 часов 15 минут летели дл Лиссабона.

Я – в Европе!

Сергей Лыжин в центре. Слева от него Боб Вининг -автор книги «От Тихого океана до Вашингтона», справа - Михаил Вольфович Фридман, президент Клуба бега «СТАРТ»

Петров Михаил

ИСТОРИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ. БИОКОСМИСТ АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВСКИЙ И АНАРХИСТКА ЕВГЕНИЯ МАРКОН

Книжка Ольги Форш «Летошний снег» была куплена в московском Доме книги за рубль. Ничего подобного за рубль сегодня купить уже невозможно. Обложки нет, тираж в 10 тысяч экземпляров, на шмуцтитуле вписанная от руки дата: «5 апреля 1926 года». Есть владельческий штамп «Из книг Сергея Владимировича Румянцева» — протоиерея Русской Православной Церкви, настоятеля Преображенского Собора в Ленинграде, активного участника обновленческого церковного раскола. Моё внимание привлёк рассказ «Живцы» о диспуте сторонников «Живой церкви», то есть церковного обновления. В рассказе множество маргиналий Румянцева.

Когда из ткани художественного произведения ненароком возникают исторически действительные персонажи, то интерес к повествованию становится повышенным. Вот, например, Введенский Александр Иванович. Обновленец, фигура колоритная. С 10 октября 1941 года и по кончину в 1946 году Первоиерарх Православных церквей в СССР. Или Александр Иванович — Боярский, урождённый Сегенюк. «Рабочий батюшка», протоиерей, сторонник «христианского социализма», будущий архиепископ Ивановский и Кинешемский, отец актёра Сергея Боярского и дед заслуженного Д'Артаньяна СССР актёра Михаила Сергеевича Боярского.

Упомянут в рассказе Ольги Форш ещё один любопытный персонаж, хотя и без ремарки красным карандашом, но весьма интересный — Александр Борисович Ярославский, не путать с воинствующим безбожником Емельяном:

«И ещё поэтик. Френч-галифе, как юбка на приземистом теле. Лицо порочного послушника, волосы мягко кудрявы, плутоваты глаза. Может, он ничего себе, любит сладкое и спиртное, а уж почудилось... био-космист!

Он как-то пробовал говорить о мощи естественного человека, но за живое задел прихожан:

«Где я? В каком это веке? Интересуются святым духом? Не верю ушам. Товарищи, да это же семейные дела св. троицы...»

— Мальчишка! вон! — и кричали, и стучали, не дали говорить».

Не приняли живцы и обновленческая публика атеиста-биокосмиста поэта Александра Ярославского, последователя философа Николая Фёдорова и бывшего соратника анархиста-биокосмиста Святогора. Биокосмизм категорически не вписывался в «христианский социализм», однако в постреволюционном бульоне варилось и не такое.

В первую очередь, нас интересует Ярославский, но сначала о Святогоре. Его история поможет нам лучше понять анабазис Ярославского.

Святогор

Происхождение Святогора, в миру Александра Фёдоровича Агиéнко, из семьи православного священника. В семинарии он увлёкся анархизмом и уже по малолетке принимал участие в эксах — экспроприациях экспроприаторов, за что не раз сиживал в тюрьме. В начале 1900-х годов назвался Святогором и принялся сочинять стихи. Сборник «Стихеты о Вертикали» (М.1914) открывается программным сочинением «В дупло!»

Время сдать дряхлыя рифмы
И дикие размеры
В музей.
Время дать старое платье
И протёртую обувь
Нищему... <...>
Время выйти Богу вечному,
Мудрости тысячелетней —
На улицу.
Время сойти звёздам и солнцу
На землю поклониться
Человеку.
Время вам, обскуранты —
Сумеречныя совы —
В дупло!

Экзерсисы откровенно слабые, но уже изрядно нагруженные философией космизма. И восхитимся, как изящно уроженец Харьковской губернии надул цензора: «В дупло!» созвучно украинскому «в дупу», что в переводе означает традиционный посыл оппонента «в задницу».

В целом это ещё не биокосмизм, но уже есть соображение о том, что только ньютоновское яблоко падает вниз по вертикали, все остальное согласно космической законосообразности стремится вверх. Ещё никто в России не знает, что в космосе всё относительно и нет понятия верх и низ — можно «падать» в любом направлении и сколь угодно долго (синдром Алисы в кроличьей норе).

После отречения Императора Николая II Агиенко один из командиров боевой организации анархистов «Чёрная гвардия», организатор и вдохновитель эксов. В октябре 1917 года его торкнуло — неожиданно примкнул к большевикам. В 1919 году уезжает из Москвы на Украину в подполье бороться с австро-немецкими оккупантами. Там-то его и торкнуло вторично. Вернувшись в Москву в 1921 году Святогор на пару с Павлом Иваницким учреждает «Креаторий биокосмистов»:

«Меньше всего нам свойственно чувство почтительности, нам ничуть не импонирует величие натуральной необходимости. Наш первый и последний враг — равновесие натурального порядка. <...> Мы утверждаем, что теперь же в повестку дня необходимо во всей полноте поставить вопрос о реализации личного бессмертия. Пора устранить необходимость или равновесие натуральной смерти. <...> Если двинем силы, цель которых реализовать бессмертие — то эти силы, как бы другие им ни противодействовали, смогут нарушить равновесие смерти и явить равновесие бессмертия.

В повестку дня мы включаем и „победу над пространством». Мы говорим: не воздухоплавание— это слишком мало,— но космоплавание. И космическим кораблём, управляемым умудрённой волей биокосмиста, должна стать наша земля. Нас слишком шокирует то, что земля, точно коза на привязи у пастуха-солнца, извечно каруселит свою-орбиту. Пора иной путь предписать земле. <...>

И третья наша задача—воскрешение мёртвых. Наша забота —о безсмертии личности во всей полноте её духовных и физических сил. Воскрешение мёртвых — это восстановление в той же полноте ушедших в гроба. При этом мы отнюдь не впадаем в трясину религии или мистицизма. Мы слишком трезвы — и религии, и мистике об'являем войну.

Таков наш биокосмизм. Он, несомненно, величайшая дерзость. Но великое и дерзкое оскорбляет, и мы уже видим глухую и явную ненависть — ведь биокосмизм принижает все идеи, все идеологии. <...> Всякая идиллия: о „счастьи на земле» вне биокосмизма — вреднейшая иллюзия, начало чудовищной тирании».

В третий раз Святогора торкнуло в ноябре 1922 года, когда он вместе с Иоанникием Смирновым и Фёдором Жилкиным создаёт «Свободную трудовую церковь». Но тут его торкнуло ещё раз, и он вдруг стал «воинствующим безбожником» на платформе марксизма. Отрёкшись от биокосмизма Агиенко работал библиографом при Центральном антирелигиозном музее в Москве, пока в 1937 году не был осуждён к отсидке в лагерях, где и сгинул без следа. Ренегатство не зачлось.

Потому столь подробно про Святогора, что Александр Борисович Ярославский натуру имел авантюристическую, весьма схожую с натурой Святогора. Вероятно, причина ссоры двух биокосмистов — взаимно непереносимая схожесть. Так бывает.

Ярославский

О происхождении Ярославского известно, что он родился в 1896 году в Москве в семье врача. Гимназию окончил во Владивостоке в 1914 году и поступил в Петроградский университет на математический факультет, но был исключён за нерадивость. В начале Германской войны в Петрограде пытался поступить добровольцем в 1-ю авиационную роту с целью обучения на пилота. Увы, рота не занималась подготовкой лётного состава.

В начале 1916 года Ярославский был переведён на службу в 176 пехотный запасной батальон в Красном селе. Обстановка в полку была сложной — демократизация и тыловое разложение затронули его в малой степени. Но всё же, когда на фронт стали готовить маршевые роты, началось дезертирство. Ярославский дезертировал 4 марта 1916 года. Обстоятельства эти свободно гуляют по интернету.

Ярославский вернулся во Владивосток, где в 1917 году опубликовал первый сборник стихов «Плевок в бесконечность». Это ещё не биокосмизм, но уже присутствует влияние идей Николая Фёдорова. Возможно, поэта просто торкнуло как торкнуло до этого Святогора. В

Ярославский Александр Борисович

1918 году из печати выходит сборник «Звёздный манифест». При интервентах Ярославский немного посидел во Владивостоке в тюрьме за революционную деятельность. Посидел, а могли бы и расстрелять. После отсидки, поэт бежал в Иркутск. Там познакомился и подружился с героем Гражданской войны анархистом Нестором Каландаришвили, который предложил ему заведовать культурной частью партизанского объединения.

В издании походной типографии Культпросвета партизанских отрядов Каландаришвили выходит сборник стихов Ярославского 1919-1920 годов «Кровь и радость». Однако тут торкнуло анархиста Нестора Каландаришвили и он вступил в РКПб. Дружба оборвалась. Через год Каландаришвили погибнет под Якутском в повстанческой засаде. Ходили слухи, что сдали его свои — якутские большевики.

В 1921 году в издании Бюро печати Дальневосточной Республики вышли в свет «Окровавленные торттуары» Ярославского. В том же году в Чите в издательстве «Дракон» — сборник «Причёсанное Сердце». Годом позже уже в Москве — сборник «Сволочь-Москва». Поэт анонсирует без малого два десятка готовящихся к печати стихотворных сборников.

Ярославский одержим идеей личного бессмертия для себя и всего живого на планете. Помните культовую цитату из повести «Пикник на обочине» братьев Стругацких— «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженным!» Это точно про Ярославского. Он необычайно увлечён идеей холодного анабиоза как средства продлить жизнь: уснуть в Петрограде, а проснуться уже в новом мире, в котором нет болезней, старости и смерти. В 1922 году поэт примкнул к группе московских биокосмистов, и с этого момента он уже не просто биокосмист, а биокосмист-имморталист — бессмертник!

Помню, как весной 1983 года в Москве на Университетском проспекте в лавочке у чёрта на рогах впервые взял в руки книжицу Ярославского «Святая Бестиаль». Взял и вернуть на прилавок уже не смог, хотя 12.50 были для меня в то время приличными деньгами. Взгляд мой выхватил из текста:

Так пусть же они там про похоть не врут,
Что это де, мол, «очень грязная штучка».
Пойми, никакой добродетельный труд
Не сделал того, что простая случка.

Цинично? В контексте обстоятельств — да! Нас учили, что труд в СССР есть дело чести, а тут простая случка: — Семя поэтов в красивейших женщин \ Нужно разбрызгать сегодня! Или вот это пронзительное и нахальное:

У меня ль, бессмертья отца —
Мощный дух по весеннему бодр —
Между ног того жеребца,
На котором взнесённый Пётр.

Адюльтером вечность дразня,
В суете позлащённых зевот, —
Мне ль у медных яиц коня
Издавить поцелуем рот?!

Сладострастной дугой изогнуть
Девичьего тела крем —
Укусить побледневшую грудь,
В этой меди звенящих поэм.

Все равно, никогда не умрём,
Волоса не спадут с головы.
Так идите блудить под Петром
У застывшей, как похоть, Невы!

Никогда женским телом не сыт —
Дионис мне всегда родня!
Девушка, ляг на гранит —
Стань моей, между ног коня!

В ноябре 1922 года Петроградский губисполком закрыл журнал Ярославского «Бессмертие» по обвинению в порнографии, что довольно странно. Знаменитая большевичка Александра Михайловна Коллонтай и не такое себе позволяла публично и в прессе, а тут всего-то непривычная глазу физиология. Физиологию Ярославского с порнографией роднит только восторг. Впрочем, это совсем другая история.

Москва-Берлин и Париж

Осенью 1922 года в Петрограде на вечере биокосмистов поэт знакомится с Евгенией Маркон, дочерью филолога-гебраиста Исаака Маркон, выпускницей философского (!) факультета Петроградского университета, так называемых Бестужевских курсов.

Из воспоминаний Евгении Маркон:

«Совершенно случайно на вечере “биокосмистов” познакомилась я с Александром Ярославским, прибывшим из Москвы в Ленинград с вечерами и лекциями, имевшими в Ленинграде шумный, с небольшим пикантным привкусом скандала, — успех. <…> Когда я в первый раз увидела Александра Ярославского, он мне напомнил большого (по размеру), но ещё совсем маленького (по возрасту) котёнка, и захотелось мне в душе пригладить его необыкновенно пушистые, мягонькие-мягонькие, каштаново-бронзовые кудри; — захотелось непременно ещё раз увидеть его лукаво-печальные карие глаза... Но полюбила я его постепенно — с каждой встречей все больше, а по-настоящему мы оба полюбили друг <друга> уже после брака, с каждым годом, с каждым днём совместной жизни — все больше и крепче... <…> Гениальный, хотя и шибко шероховатый талант, — всеобъемлющая мудрость, полнейшее отсутствие внутреннего лицемерия, великолепнейшее презрение к так называемому “общественному” мнению — вот черты его души. Дороже всего ему — космос, стихия, ритм... Всегда прислушивающийся к своей творческой фантазии, к своей внутренней мозговой радиоантенне, чутко настроенной на радио-волны вселенной, — он досадливо морщился на каждый посторонний звук, не любил, чтобы сбивали настроения, — и потому казался многим заносчивым, неуживчивым, капризным... Но неприветливый к случайным гостям, он чутко отзывался на всякое несчастье и всякому нуждающемуся помогал. О нем можно сказать, что он принимал людей “по одёжке”: — чем хуже одет человек, тем — задушевнее; чем прилизаннее, богаче — тем отталкивающее».

Молодожёны с конца 1922-го до середины 1926 года путешествуют по СССР с лекциями Ярославского о биокосмизме. В конце сентября 1926 года супруги уже в Берлине, где поэт организует критическую лекцию-диспут «Правда о советской России». Основная идея доклада Ярославского: Советская Россия не «социалистический рай» и не «большевистский ад», а обыкновенная капиталистическая страна. Кстати, именно это обстоятельство роднит современную Россию с любой из стран Евросоюзе, но это совсем другая история

Поэта отговаривали от возвращения в СССР, но он настоял: «— Еду в Россию расстреливаться... А если большевики меня не расстреляют, — тем лучше! — И он поехал на советскую родину, которая его так отвратительно, так тупо не поняла!..» (Ibidem.)

Перед возвращением супруги прожили два месяца в Париже. О Париже Маркон вспоминала с лёгкой грустью:

«Вот бы связаться с Махно, который тоже находился в Париже, и можно было бы затеять весёлую игру на Украине, — отчаянную игру, левую игру, истинно-революционную и революционную “по-блатному”!.. Но Ярославского эти мои планы не прельщали, он упорно думал только о Советской России». (Ibid.)

В Берлине Ярославский публикует сборник «Москва-Берлин» (1927) с ядовитой критикой советской власти. Стержень сборника московское стихотворение 1926 года «Есенин на Тверском»:

Расторгнувши тела плен
Петлёй неудобней боли,
Ты соком кровавым вен
Последния строчки пролил!..

А потом, как обычно — смятенье...
Коридорный в испуге присел: —
На горячей трубе отопления
Ты, кружась удивлённо, висел...
...Похороны... Горох слов,
Отскакивающих от гроба.
— Изо всех столичных углов —
— Лицемерья последняя проба...

Точно нищие, пересчитывающий в кру́жке
То, что к ночи собрать смогли, —
Мёртвого Есенина к мёртвому Пушкину
На Тверской бульвар отнесли.
И не знала толпы громадная задница,
Обозначенная вместо лица,
Что Есенин из гроба ехидно дразнится,
Язык повязывая галстуком мертвеца...
И не знали тусклые, пошлость взвеевая,
Что Есенин Пушкину
Кинул сквозь гам:
— «Тебя пристрелили, мол, Александр Сергеевич,
А я —
Повесился сам!.. —

Это было очень не похоже ни на Андрея Вознесенского, ни на Евгения Евтушенко, ни на Роберта Рождественского. А особенно не похоже на то, что в том же 1983 году я прочёл в альманахе «День поэта» у советского орденоносца Владимира Кострова:

Как солнца яростное тело
В ночном окне,
Явилась Ленинская тема
Опять ко мне…
От потребительской кошёлки
и круглых фраз
вновь потянуло к мудрой щёлке
усталых глаз.

Возможно я несколько преувеличиваю, но вот значение слова «кошёлка» в словаре криминального языка — женщина, которая отдаётся в любой форме. Особенно великолепно звучит сдвиг — потянуло к мудрой щёлке, созвучный уличному мокрощёлки — вечные и бескорыстные уличные давалки. И не забудем, что это стихотворение на «ленинскую» тему. Читатели, прошедшие через сталинские репрессии, послевоенную безотцовщину, ловили такие сдвиги, что называется на лету.

Либо Костров понятия не имел о теории сдвигологии, рассматривающей в неряшливых текстах новые смыслы, возникающие при озвучивании рядом стоящих слов, либо сделал это намеренно из хулиганских и антисоветских побуждений.

Понятный пример, — знаменитое обращение Пушкина к приятелю «О, Пущин, мой», будучи озвученным получает новый и неприличный смысл «опущен мой». Или вот в «Пирующих студентах»: Придвинь же пенистый бокал» — двойной сдвиг: жепенистый и епенистый. Подробнее смотри у Алксея Кручёных в книжке «500 новых острот и каламбуров Пушкина» (М.1924).

Коллега Кострова поэт Валентин Берестов — какое изящное сочетание костра и бересты для его растопки! — однажды заметил: «Ну а подтекст, в отличье от подвоха,\ Стихам даёт не автор, а эпоха».

Ну и довольно об этом.

Арест и расстрел

В мае 1928 года в Ленинграде арестовали Ярославского. Руки до него дошли только к октябрю и уже в Москве: ему было определено пять лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях по статье 58 УК РСФСР со значком 4:

«Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капи[та]листической системе, стремится к её свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной про[т]ив Союза ССР деятельности». [Опечатки в казённом издании.]

Поэта отправили на Соловки в знаменитый Соловецкий Лагерь Особого Назначения — СЛОН. В лагере практиковались ежедневные расстрелы у Секирной горы. В столкновении с реальностью иммортализм потерпел сокрушительное фиаско. У Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ» находим:

«Это с Кемперпункта начиналось: к отделённому подошёл новоприбывший поэт Ал. Ярославский и зашептал ему на ухо. Отделённый, отчеканивая слова по-военному, рявкнул: „Был тайным — станешь явным!”»

Недвусмысленный намёк на то, что ещё в тюрьме ОГПУ Ярославского сделали секретным сотрудником, т.е. сексотом. Конечно, ломали и более стойких, но и Солженицыну верить не рекомендую: сплошь и рядом он пользовался весьма мутными источниками. Тем более не рекомендую, что известна отрицательная характеристика «Центральной арестантской комиссии» от 23 августа 1929 года, составленная по данным лагерной администрации: «От работы отлынивает, симулирует, требует постоянного наблюдения. Поведение плохое». Видимо кум — начальник оперчасти сразу невзлюбил поэта. Да и сидельцы тоже не жалуют симулянтов.

Жена Ярославского бежала из сибирской ссылки на Соловки, чтобы организовать мужу побег из лагеря. План побега раскрылся. Евгения Ярославская-Маркон была осуждена по совокупности, совершённых ею ранее преступлений (краж) и, в том числе, за подготовку побега по статье 81 УК РСФСР. Приговорена к трём годам лишения свободы с отбытием наказания на Соловках (командировка «Заячьи острова»). Срок детский, но не для инвалида:

«В 1923 г. (в марте), прожив с Ярославским ровно три месяца, — попала я под поезд и мне пришлось ампутировать ступни обоих ног, — событие настолько для меня ничтожное, что я чуть было не забыла о нем упомянуть в своей автобиографии; в самом деле, — что значит потеря нижних конечностей, по сравнению с такою большою любовью как наша, — перед таким всеослепляющим счастьем, как наше?!» (Ibid.)

Между тем судьба сыграла с иммортализмом злую шутку: Ярославский был приговорён к высшей мере наказания. Его расстреляли не позднее 10 декабря 1930 года. За что конкретно расстреляли осталось тайной. В биографической справке на Wikipedia причиной расстрела указана подготовка к побегу. Однако концы с концами не сходятся. Статья 82 УК РСФСР в редакции 1926 года гласит:

«Побег арестованного из-под стражи или места заключения, совершенный посредством подкопа, взлома или повреждения стен, затворов, а равно возвращение в запрещённые для проживания места, побег с места обязательного поселения или с пути следования к нему –

лишение свободы на срок до одного года».

Как минимум это означает, что причиной расстрела было что-то иное. Так, есть смутные сведения о том, что в отношении злостно уклоняющихся от работы было принято негласное решение о расстрелах по определениям Тройки ОГПУ, вне зависимости от основной статьи и срока отсидки. Сейчас до личного дела Ярославского в архиве российского ФСБ из Эстонии не дотянуться, однако я верю, что когда-нибудь будет названа истинная причина применённой к Ярославскому высшей меры наказания,

Евгения Маркон

Евгения Исааковна Маркон, по сути, последняя российская декабристка, родилась 14-го мая 1902 года в Замоскворечье, на Большой Полянке. От отца учёного медиевиста она унаследовала любовь к науке. По собственному признанию, на Бестужевских курсах, изучая философию, избегала туманов метафизики и облюбовала себе области точные, чёткие: логику и теорию познания. От революционно настроенных родственников матери восприняла дух бунтарства и стала мучительно стыдиться спокойной сытости родительского дома:

«То, что, выросши, стану я революционеркой-подпольщицей, было для меня делом заведомо решённым; но ещё слаще была другая мечта — сокровенная: отрешиться от всего интеллигентского, — даже от образования отрешиться, — бросить ученье, бросить родных и уйти навсегда на фабрику простой работницей и даже замуж выйти не за интеллигента, не за революционера-вождя, а не иначе как за простого рабочего...» (Ibid.)

Уже в детские и подростковые годы сформировались три главные идеи, причём с двумя последними Евгения Маркон не расставалась до смерти. Первая идея — вегетарьянство; вторая идея — абсолютный эгоизм, третья идея — идея всеобщей безгрешности. За исключени-

Ярославская-Маркон Евгения Исааковна.

ем вегетарианства — это в чистом виде ранний Игорь-Северянин: восхваление Ego при условии, что «все люди правы». К нему мы ещё вернёмся, а пока запомним это неожиданное пересечение.

Маркон имела поистине философский взгляд ума. Революцию она приняла как данность: мир диалектичен, отрицающее и утверждающее начала есть две части одной логической системы; точно так же революция и государство есть две половины одной системы бытия:

«Обе правы, обе неизбежны, обе необходимы. И всегда будут существовать люди государства: — жандармы, гепеушники, полицейские, прокуроры, наркомы и т.под. Они по самой профессии своей не могут стать людьми революции <…> Но кто же люди революции? — ясно, — лишь тот класс, который никогда не может встать у власти. Таким классом является лишь люмпен-пролетариат, действительно, участвующий во всех революциях и мятежах и сразу остающийся не у дел, как только поддерживаемое им движение побеждает... Преступный мир составляет основные кадры людей революции. Добавочные к ним — вечно "бузящая", озорующая — литературно-художественно-артистическая "богема" и ещё профессионалы революции: — подпольщики-террористы и подпольщики-экспроприаторы, а также вообще наиболее непримиримые группы подполья: — анархисты и максималисты...» (Ibid.)

Когда арестовали мужа, Евгения Маркон поклялась отомстить государству:

«После тех издевательств над заключёнными, которые я видела в Кеми, — я ещё непримиримее стала ненавидеть и презирать "советскую" власть, но, — боясь навредить Ярославскому, старалась не слишком проявлять эти свои чувства... Мысль служить в каком-либо советском учреждении представлялась мне отвратительной...» (Ibid.)

Имея институтский диплом, она могла бы устроится на службу, но предпочла жить и зарабатывать на улице — продавать газеты, воровать, ночевать с беспризорниками Воровство доставляло Маркон наслаждение:

Душевный подъем вызывало чувство риска даже в момент совершения мелкой кражи И Маркон потянуло на более серьёзное, на «ширму»:

«Если мне сразу же не повезло по "ширме", то зато моей любимой отраслью скоро стала "банковая" (вокзальная) кража... Становишься, бывало, в очередь у билетной кассы (а еще чаще — возле "Камеры хранения ручного багажа") и как кто отойдёт на минутку или просто отвернувшись, зазевается, — тащишь небольшие чемоданчики и другой, нетяжёлый на вес багаж — из-под самого носа владельца... Тут главный залог успеха заключается в том, чтобы действовать без нервной спешки, — со спокойным степенством, — для того, чтобы окружающие, которые почти всегда видят как ты "берешь", были уверены, что взяла свой собственный багаж... Ну, а спокойствия у меня, с моим характером, не занимать-стать!..» (Ibid.)

Напомню, простенькое воровство багажа «на бане» — от немецкого Bahnhof, т.е вокзал — осваивала молодая женщина, лишившаяся стоп на обеих ногах! Попробуйте ради понимания побегать с чемоданом или баулом на двух протезах по лестничным пролётам.

«Однажды на "Курском", рано-рано утром, когда поезд только что примчал с юга советский "бомонд", — замечаю гражданина, рассевшегося в вестибюле, в окружении своего багажа... У гражданина несомненно поэтическая душа: — глаза его мечтательно устремлены впереди себя, а вещи — по преимуществу расположены позади... Прельщает меня деревянный "баульчик" с висячим замком... <…>

В шалмане знакомый парень взламывает "серьгу" на "бауле"... Внутри — сложенный фотоаппарат заграничной (брюссельской) фирмы, новенький бумажник (к сожалению пустой), летний костюм, бритва, "чувяки", 2 простыни, нижнее белье, альбом, документы на имя "фининспектора Птицына", личная переписка владельца и альбом с его талантливейшими собственноручными рисунками. <…> Загоняю аппарат и простыню, заклеиваю в пакет переписку и альбом и отсылаю по адресу, указанному в документах: "Ленинград, Грибоедовский канал, дом № ..." Предварительно вкладываю записку следующего содержания:

"Сознавая, как дороги для каждого художника произведения его творчества, — возвращаю вам альбом с этими изящными, со вскусом сделанными, набросками, а также — вашу личную переписку, не имеющую ценности для похитителя. Вор".

О, господи! — сколько радости доставляет каждый украденный чемодан! Воры вообще всегда уважают женщину, которая самостоятельно ворует, а не идёт на проституцию. А тут, когда шла на риск инвалидка, да ещё — совсем одна, — ценили особенно». (Ibid.)

Если воспоминания Маркон когда-нибудь переложить на киносценарий, получится ошеломительный сериал.

Воровайка

В лагере на Соловках Евгения Маркон прославилась как злостная нарушительница режима — отказы от работ, грубила охране, подстрекала к неповиновению плюс антисоветская агитация и татуировка на груди «Смерть чекистам». Однажды облила мочой из параши утренний арестантский хлеб в бараке, а днём вскрыла вены и пыталась удушить себя полотенцем. Откачали.

В описательной части последнего обвинительного заключения находим:

«При чтении приказа и перечислении лиц, подвергнутых к высшей мере наказания, фамилия мужа ЯРОСЛАВСКОЙ, вызвала со стороны последней выкрики "палачи, изверги, кровопийцы, скоро Вам всем придёт такая же участь, но только не от пули, а от бомбы, цель моей жизни в дальнейшем только приносить вред Соввласти, жаль, что мой муж не дожил до момента свержения её, я уверена в её скором падении"». (Ibid.)

На выходе Маркон нанесла читавшему приказ заведующему IV отделением товарищу Никольскому удар по ноге «протезой». 11 ноября 1930 года начальник СЛОНА Успенский посетил командировку «Заячьи острова». Евгения Исааковна бросила ему в висок булыжник, но промахнулась. На выходе из барака она пыталась кинуть ему в голову кирпич, но была остановлена охраной. Выходка не осталась без последствий. З/к Ярославскую-Маркон Евгению Исааковну, 1902 года рождения, москвичку, еврейку, с высшим образованием, владеющую немецким и французским языками, фельетонистку по профессии, беспартийную инвалидку передали Коллегии ОГПУ.

Выездная сессия коллегии ОГПУ 10 апреля 1931 года приговорила Ярославскую Маркон по ст.58-8 (террористический акт) и 58-10 (призыв к свержению советской власти) УК РСФСР к расстрелу.

Финал истории

Сохранился рассказ бывшего лагерного охранника чекиста Аркадия Ивановича Мыслицына. Он был осуждён по одной или нескольким статьям 58 УК РСФСР. Мыслицын подробно описал обстоятельства расстрела Евгении Маркон 20 июня 1931 года. В тот день в расстреле мужиков-имяславцев у Секирной горы принимал личное участие начальник лагеря Успенский:

«У кого текут слезы по суровым лицам, у кого застыли они в глазах и застыл их недвижный взгляд. А женщина-то эта, вдруг, как рухнет

Ярославская-Маркон Евгения Исааковна в лагере.

Успенский Дмитрий Владимирович.

во весь рост на каменный пол. Не выдержали нервы. Это была вдова недавно расстрелянного за неудачный побег советского поэта Ярославского. Она в Кремлевском дворе бросила в Успенского, расстрелявшего ее мужа, камнем. И теперь за это погибала. <…>

Тем временем Ярославская пришла в себя. С трудом, опираясь на стенку, встала и — прямо к Успенскому. А тот словно обрадовался случаю выскочить из жути, обругал её самыми последними словами.

— Что? Теперь и тебе туда же дорога, как и твоему мужу. Вот из этого самого нагана я всадил пулю в дурацкую башку твоего Ярославского.

Женщина как закричит, как задёргают руками. А Успенский смотрит и смеётся судорожным, наигранным смехом. Врёт: совсем ему не весело.

— Развяжи мне руки, развяжи, падаль паршивая! — в истерике орала Ярославская, пятясь к Успенскому задом, словно ожидая, будто он и впрямь развяжет ей связанные сзади руки. Потом вдруг круто повернулась, истерически завизжала и плюнула ему прямо в лицо.

Успенский сделался страшен. Выплёвывая ругательства, он оглушил женщину рукоятью нагана и, упавшую без чувств, стал топтать ногами».

И ведь не смог биокосмист-имморталист — безсмертник! — собственную судьбу обмануть. Зачем-то вернулся из Берлина в Советскую Россию, был арестован, сидел на Соловках и там же был расстрелян. Расстреляли и его верную жену, такую верную, какими умеют быть только жены из сектантов, анархисток или бандиток. Евгения Исааковна была верной любящей женой:

«<..> меня восхищала циничная пикантность моего положения: — бывшая докладчица-антирелигиозница в роли гадалки! — в этом заключались весь мой всепронизывающий философский скептицизм, все моё огромное уважение к древним философам — софистам, открыто нанимавшимся за деньги доказать какую угодно истину, — и — такое очаровательное презрение и к материалистам, и к идеалистам, — дальше которого уже и идти некуда!.. <…>

Вот вам моя жизнь, — жизнь гимназистки-революционерки, студентки-мечтательницы, подруги огромнейшего человека и поэта — Александра Ярославского, — вечной путешественницы — странствующей антирелигиозницы, фельетонистки "Руля", уличной газетчицы, рецедивистки-воровки, и бродячей гадалки!..

Записано собственноручно
Евгения Ярославская
3/II 31 г. Штраф-изолятор "Зайчики"»

Подполковник внутренней службы Дмитрий Владимирович Успенский задержался в этой жизни до июля 1989 года. В описываемое время он начальник 4-го отдела УСЛОН, заместитель начальника Соловецкого лагеря, начальник Соловецкого и Кемского отделений Соловецкого лагеря, ровесник Евгении Исааковны Маркон. Успенский всего на шесть лет младше расстрелянного им Александра Ярославского.

Пикантная деталь: происхождение Успенский имел из семьи дьякона, о чём свидетельствует его церковная фамилия. Несмотря на происхождение в 1920 году он уже на службе в ЧеКа — ОГПУ. В семье что-то не заладилось, и он убил родного отца, как говорил потом на почве классовой ненависти. Официально отец умер ещё в 1905 году. Отсюда вопрос: за что судили Успенского в начале 20-х годов?

Система всегда была милостива к своим монстрам: получив десять лет лишения свободы Успенский назначен начальником клуба 4-го Особого Соловецкого полка. В принципе он такой же зэк, но только в форме. Потому и лютует, что дорожка из кабинета в барак весьма коротка.

И да, судимость не помешала его карьерному росту: кавалер ордена Красной звезды и ордена Ленина с 1952 года Успенский персональный пенсионер союзного значения, но связь с МВД не утратил. В июне 1953 года формально уволен из МВД и лишь в 1969 году окончательно вышел на пенсию.

Не биография — фантастика!

Все равно, никогда не умрём, волоса не спадут с головы

Умирать вообще скверная привычка. Вот и сам Ярославский о том же:

Мы умираем
Только потому,
Что кто-то нам внушил,
Что нужно умирать;—
И издревле
Прапрадеды и деды,—
Потом отцы
Передавали нам,
Что в этом мире
Смерть необходима;
Усвоив глупую привычку
Умирать.—
Мы и животных ею заразили:
Какой-нибудь прекрасный
Серый
Кис,
Которому бы жить
И жить
Беспутно
На радость кошкам
И на страх мышам,—
Вдруг умирал внезапно и нежданно…

Александр Борисович ничтоже сумняшеся вознамерился поправить Книгу Бытия в той её части, в которой Творец за пустяковое ослушание лишает биоробота Адама бессмертия и он, будучи изгнанным из рая лишает бессмертия всё безвинное ветхозаветное человечество. Поправочка не прошла, но попытка зачётная, сполна оплаченная кровью.

Удивительное время, удивительные люди, удивительные стихи, удивительные истории.

Post Scriptum

В 1986 году в Тарту я обнаружил в личной библиотеке Игоря-Северянина сразу два сборника стихов Александра Ярославского: советское издание 1926 года «Корень квадратный из Я» и «Москва-Берлин», а ещё фантастический роман «Аргонавты Вселенной».

Сборник «Берлин-Москва» Игорь-Северянин, скорее всего, привёз из Парижа в 1931 году. Возможно, это подарок писателя Алексея Ремизова. Советские издания «Корень квадратный из Я» и «Аргонавты вселенной» могли быть куплены в Риге. Как бы там ни было, никто из советских поэтов не удостоился быть представленным в таком количестве в личной библиотеке Игоря-Северянина.

Возможно, он счёл Александра Ярославского своим эпигоном, потому что не обнаружил у него ни пошлости, ни порнографии, а лишь непривычную глазу физиологию, кстати, отлично вписывающуюся в феномен Ego.

Это потом я понял, что книжицы Ярославского пришли ко мне не случайно, можно сказать промыслительно. И Ольга Форш напомнила мне об этом, послав аномальную погодную диковину — летошний снег.

Сборник стихов «Квадратный корень из Я»

Риманас Олег

ЗАПИСКИ ВИЛЬНЮССКОГО ДЕТЕКТИВА № 1

Отрывки из книги

В КОНЦЕ 2025 ГОДА В ЛИТВЕ НА ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ ВЫШЛА КНИГА «ЗАПИСКИ ВИЛЬНЮССКОГО ДЕТЕКТИВА № 1». АВТОР — ЛИТОВСКИЙ ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ ОЛЕГ РИМАНАС. ЗА ПЛЕЧАМИ О. РИМАНАСА — СЛУЖБА В УГОЛОВНОМ РОЗЫСКЕ И КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ; ОН ТАКЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ И ЧЛЕНОМ ПРАВЛЕНИЯ АССОЦИАЦИИ ВЕТЕРАНОВ КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ ЛИТВЫ. ЭТО НЕ КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ, А РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛЬНОЙ РАБОТЫ ЦЕЛОЙ КОМАНДЫ — КАК В КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ, ТАК И В СФЕРЕ ЧАСТНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ.

В 2016 ГОДУ ВСТУПИЛ В СИЛУ ЗАКОН ЛИТВЫ О ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, И О. РИМАНАС СТАЛ ОБЛАДАТЕЛЕМ УДОСТОВЕРЕНИЯ № 1. ЗА ДОЛГИЕ ГОДЫ РАБОТЫ НАКОПИЛОСЬ МНОЖЕСТВО ПОУЧИТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЙ. ПАРТНЁР О. РИМАНАСА ГИНТАРАС ИГНАТАВИЧЮС РАЗРАБОТАЛ ТАК НАЗЫВАЕМУЮ МЕТОДОЛОГИЮ STORYSELLING, СУТЬ КОТОРОЙ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ПРОДВИЖЕНИИ УСЛУГ ЧЕРЕЗ КОРОТКИЕ ИСТОРИИ. ТАК И ПОЯВИЛАСЬ ИДЕЯ КНИГИ. ОДНАКО НАС ИНТЕРЕСОВАЛА НЕ ТОЛЬКО КОММЕРЧЕСКАЯ СТОРОНА ВОПРОСА. ВЕДЬ И ЛЮДИ, И БИЗНЕС ЧАСТО НАСТУПАЮТ НА ОДНИ И ТЕ ЖЕ «ГРАБЛИ», В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО НЕСУТ РАЗЛИЧНЫЕ УБЫТКИ. ПРЕДУПРЕДИТЬ О ВОЗМОЖНЫХ РИСКАХ И ПРОИНФОРМИРОВАТЬ КЛИЕНТОВ — БЫЛО НЕ МЕНЕЕ ВАЖНОЙ ЗАДАЧЕЙ.

КНИГА ВКЛЮЧАЕТ 30 РАССКАЗОВ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ РИСУНКАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖНИЦЫ, И КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ НАЙДЁТ В НЕЙ ИСТОРИЮ, КОТОРАЯ ОКАЖЕТСЯ ЕМУ АКТУАЛЬНОЙ. НЕКОТОРЫЕ РАССКАЗЫ МОГУТ СЛУЖИТЬ НАГЛЯДНЫМ И ПОУЧИТЕЛЬНЫМ ПРИМЕРОМ ТОГО, КАК НЕ СЛЕДУЕТ СЕБЯ ВЕСТИ И ЧЕГО СТОИТ ОПАСАТЬСЯ. ЕСТЬ И СОВЕРШЕННО СПОКОЙНЫЕ ИСТОРИИ, КОГДА НАША КОМАНДА ЗАНИМАЛАСЬ ИСТОРИЧЕСКИМИ ПОИСКАМИ. ПЕРВАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ СОСТОЯЛАСЬ В НАЧАЛЕ ГОДА В ЛИТОВСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ МАРТИНАСА МАЖВИДАСА В ВИЛЬНЮСЕ. ПОСЛЕДУЮЩИЕ — НА ПРОХОДИВШЕЙ ВЕСНОЙ ЛИТОВСКОЙ КНИЖНОЙ ЯРМАРКЕ.

ИНТЕРЕСНО ОТМЕТИТЬ, ЧТО НА ОБЛОЖКЕ КНИГИ РАЗМЕЩЁН ОТЗЫВ ПЕРВОГО ПОСЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ЛИТВЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОМИССАРА ПОЛИЦИИ ЛИТВЫ ПЯТРАСА ЛЮБЕРТАСА, А НА КНИЖНОЙ ЯРМАРКЕ МОДЕРАТОРОМ ПРЕЗЕНТАЦИИ БЫЛ ДРУГОЙ БЫВШИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ПОЛИЦИИ ЛИТВЫ ВИСВАЛЬДАС РАЧКАУСКАС. НА СУД ЭСТОНСКИХ КОЛЛЕГ-ВЕТЕРАНОВ МЫ ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТРИ ИСТОРИИ ИЗ ЭТОЙ КНИГИ.

ФИАСКО КЛАДБИЩЕНСКИХ ГРАБИТЕЛЕЙ

Частным детективом я работаю уже почти 15 лет. До этого четверть века служил в уголовной полиции. Поэтому с различными ситуациями и человеческими судьбами я связан всю свою сознательную жизнь. Вот первая история — из давних времён.

Начавшись осенью 1989 года, она продолжалась более полугода. Вильнюсские ежедневные газеты тогда не раз писали о дерзких действиях, к которым время от времени прибегали какие-то негодяи, разоряя историческое православное кладбище в Вильнюсе на улице Лепкальнё. Они оскверняли старинные захоронения, взламывали часовни виленской знати царских времён, разоряли саркофаги. Делали это без какой-либо системы, поэтому предугадать, когда произойдёт очередное нападение, было невозможно. Кладбище немалое — у каждой могилы сторожа не поставишь, а число подчинённых мне криминалистов было недостаточным, чтобы круглосуточно дежурить на большой территории. К тому же нужно было расследовать и другие преступления.

Но безвыходных ситуаций не бывает. Мы нашли исторические сведения о захоронениях, выяснили, где и какие известные люди здесь похоронены, общались с администрацией кладбища, служителями церкви. Начали целенаправленно устраивать засады, привлекли даже наших водителей и хозяйственных работников, хотя на одну засаду могли выделить не более двух сотрудников.

Удача улыбнулась в одну холодную весеннюю ночь. Дежурившие сотрудники неподалёку, в полной темноте, услышали подозрительные звуки. Словно кто-то несколько раз ударил молотком по памятнику. Затем — короткая тишина и снова те же звуки. Пришлось полагаться только на слух и осторожно, через могилы, мимо деревьев, пробираться туда, откуда доносились звуки.

Чутьё не подвело — совсем рядом действовали трое. Сотрудники произвели несколько выстрелов в воздух, преступники бросились бежать, не подчинившись приказу остановиться и поднять руки. Правда, скрыться удалось только двоим, а третий так испугался, что упал на месте и был задержан.

Дальнейшее расследование привело в Беларусь, где на двух беглецов были надеты наручники. Во время обысков изъятые предметы были разложены на столе в моём кабинете — их хотели увидеть журналисты. Это были украшения, например золотые цепочки с вросшими длинными женскими волосами, сорванные с древних прогнивших мундиров позолоченные знаки различия и тому подобное.

В ходе следствия было установлено, что указанные лица не раз по ночам совершали свои чёрные дела и на кладбище Расу в Вильнюсе. Злодеи оказались за решёткой, и после их задержания на вильнюсских кладбищах наконец воцарилась привычная, ничем не нарушаемая жизнь.

Когда-то приобретённый опыт укрепляет и закаляет нас.

«Пока мы молчим, говорят дела».

Луций Анней Сенека (Lucius Annaeus Seneca), философ и политик.

ЦИТРЫ ИЗ 1941 ГОДА

Хочу рассказать историю, произошедшую в 2020 году, которая привела к трагическим событиям почти восьмидесятилетней давности.

Весной в Вильнюсе на антикварном рынке возле «Акрополиса» я увидел два старинных струнных музыкальных инструмента, ранее мне совершенно незнакомых. Их вместе с другими вещами продавал знакомый мужчина. Инструменты оказались цитрами — так их назвал продавец.

Надписи на цитрах свидетельствовали, что они были изготовлены в 1914 году Эдуардом Хайдеггером — австрийским мастером музыкальных инструментов, жившим в начале XX века в Линце (Австрия). Продавец приобрёл цитры годом ранее. Ему рассказали связанную с ними трагическую историю: когда-то цитры принадлежали еврейским музыкантам, которые в 1941 году, с приходом немцев в городок, попросили соседей-литовцев сохранить их. Евреи были убиты. Цитры долгое время пролежали на чердаке, пока их не решили продать как ненужные.

Чтобы инструменты не были проданы кому-то другому, я купил их сам и начал исследовать их историю. Поиски осложнялись тем, что не сохранились ни номер телефона человека, продавшего цитры, ни объявление в интернете. Около месяца продолжались мои попытки что-либо выяснить. И вот наконец неожиданная удача — я нашёл продавца, некоего Римантаса из Укмерге. Но его первые слова прозвучали как холодный душ: он не хотел ввязываться в эту историю…

С трудом, но всё же мне удалось уговорить его рассказать, откуда он получил цитры. Их передал ему другой житель Укмерге по имени Вольдемарас, которому после смерти родителей достался дом с чердаком. Именно там и находились инструменты — такова была история семьи. Я попросил контакт Вольдемараса, но мне отказали, сказав, что и он не хочет участвовать в этой истории. Снова неудача…

Тем не менее мне удалось разыскать Вольдемараса и поговорить с ним. Я узнал, что его мать была уроженкой Укмерге, родилась здесь в 1931 году. Её родители до войны и во время войны жили в доме в центре города. Отец матери хорошо ладил с еврейскими соседями. С началом войны и во время немецкой оккупации он не мог спокойно смотреть, как соседей уводят на смерть. Всё это глубоко его потрясло, его мучил вопрос — где же тогда Бог? Дед Вольдемараса отрёкся от веры. Долгие годы это было семейной трагедией. Перед смертью он попросил, чтобы на его памятнике не было креста. Однако теперь его внук всё же хотел поставить деду памятник с крестом.

После смерти родителей Вольдемарас передал цитры тому самому Римантасу, у которого в Укмерге много знакомых, попросив передать их в музей Укмерге, еврейский музей или другое место, где эти реликвии были бы сохранены. Но Римантас поступил иначе — решил продать их. Правда, поначалу он и мне говорил, что, вероятно, и мой интерес связан лишь с желанием перепродать цитры дороже — уже с их историей.

Но не всё в этом мире имеет ценность, измеряемую деньгами. Есть и нравственные ценности.

В первое воскресенье сентября 2020 года в Пивонском бору в Укмерге почтили память жертв Холокоста. Тогда я передал цитры с раскрытой историей еврейской общине Укмергского района, и они были переданы на хранение в Городской центр толерантности Укмерге. Часто нам удаётся проследить даже очень давние события.

«Расследование часто зависит не от того, сколько ты знаешь, а от того, насколько хорошо умеешь задавать правильные вопросы».

Артур Конан Дойл (Arthur Conan Doyle), писатель.

666 000 — ЧИСЛО ДЬЯВОЛА В КАРМАНЕ МОШЕННИКОВ

Хочу рассказать одну довольно необычную историю. В 2018 году к нам обратился пожилой мужчина, бывший предприниматель, с вопросом, можем ли мы помочь ему вернуть деньги, которые из него выманила иностранка-ясновидящая — более полумиллиона евро. Его рассказ показался нам невероятным, вероятно, так же, как и вам сейчас.

Мужчина поведал, что, подавленный проблемами со здоровьем и в семье, отчаянно искал выход. В газете он увидел объявление некой Роксандры, называвшей себя ясновидящей и «унаследовавшей силы белой магии». Он позвонил ей, затем приехал на приём. Первый магический сеанс стоил 50 евро. Стоимость последующих сеансов постепенно росла. По словам потерпевшего, он находился под воздействием своеобразного гипноза — снова и снова приходил к гадалке и приносил деньги.

Кульминация наступила, когда виленчанин снял в банке оставшиеся сбережения, сложил деньги в пакет и передал их для проведения магического ритуала. Общая сумма «вложенных» в сеансы средств должна была составить 666 000 евро. Это число дьявола, приносящее несчастье, — так объяснила гадалка. После ритуала мужчина обнаружил в возвращённом пакете лишь нарезанную бумагу. Тогда он и пришёл в себя. Но к тому времени ясновидящая и её объявления уже исчезли. Мужчина боялся признаться семье, во что оказался втянут, поэтому не обращался в полицию и пребывал в состоянии шока.

Спустя полгода объявления этой ясновидящей вновь появились в прессе. Тогда мужчина пришёл к нам. Сначала мы попросили его принести банковские выписки и получили их.

Затем я сам отправился к этой гадалке, представившись бизнесменом с проблемами, и убедился, что мужчина говорил правду.

После второго «магического» сеанса мне было названо число дьявола — 6 666. Такую сумму в евро вместе с другими предметами для ритуала я должен был принести на третью встречу.

Всю собранную информацию, заявление потерпевшего и сделанную скрытую аудиозапись мы передали полиции. Роксандра — гражданка Румынии М. Ф. — была задержана. Установлено, что она вместе с сообщниками-переводчиками из Молдовы, манипулируя психикой клиентов и запугивая их надвигающимися несчастьями, выманивала значительные суммы денег. Некоторые пострадавшие, желая «улучшить жизнь», брали кредиты в банках, другие даже намеревались продать недвижимость. Правоохранители выявили множество случаев реального мошенничества, однако были и такие клиенты, которые продолжали верить её пророчествам и отказывались писать заявления, опасаясь, что в противном случае её «чары» перестанут действовать.

В 2019 году Вильнюсский суд приговорил гражданку Румынии к 8 годам лишения свободы.

Если вы или ваши близкие сталкиваетесь с мошенничеством, помните: частные детективы могут помочь.

«Детективы похожи на актёров: они должны уметь вживаться в роли других людей и видеть мир их глазами».

Том Хэнкс (Tom Hanks), актёр, продюсер, режиссёр.

Олег Риманас на презентации книги в Литовской национальной библиотеке им. Мартинаса Мажвидаса.

Смирнов Евгений

РАССКАЗЫ

ТОЛИК

Антонина Семёновна наклонилась к кипящей на плите кастрюле, чтобы снять накипь, и в этот момент почувствовала лёгкое прикосновение ладони к своей правой ягодице. Она чуть не остолбенела от такого контакта. Тут же в её сознании высветилось воспоминание далёкой юности, когда до того же места с лёгкой «неосторожностью» «случайно» прикоснулся робкий ухажёр. Но здесь была не рощица у деревни, где они тогда гуляли, а её квартира, и она – не девушка-недотрога, а давным-давно бабушка…

Антонина Семёновна испуганно развернулась и увидела перед собой почти прижавшегося к ней 16-летнего внука Толика – отрока, урождённого с явно выраженным синдромом Дауна и отставшего в развитии от сверстников, наверное, на целую вечность.

– Баба, я хоссюю, – пролепетал он на своём «диалекте» самому дорогому ему человеку – бабушке, глядя на неё ласковыми, широко открытыми большими глазами. Женщина была ошарашена. Она даже в самой ужасной фантазии не могла предположить такого поведения внука. Воспитанный ею с рождения и приученный только к хорошим поступкам, он был добрым и послушным, а тут… Его намерения были однозначно понятны и, как-бы добавил психолог, прочувствованы, но не осознанны.

Бабушка резко взмахнула рукой и хлестнула Толика полотенцем по голове. Тот схватился за затылок, а по пальцам потекла кровь. Дело в том, что в руке бабуля кроме полотенца держала и большую деревянную ложку. И тут же её озлобленность преобразилась в жалость и в чувство вины перед внуком. Она обняла его и чистым концом полотенца протерла поцарапанное место, а он непонятливо, с обиженным укором взирал на неё, словно вопрошая «За что же ты меня, бабуля?»

Антонина Семёновна словно очнулась после мимолётного гипноза, и в голове вспыхнул вопрос: что это было и как это понимать?

Толик был её вторым внуком из двух имеющихся. Первая – внучка, уже взрослая 20-летняя умница, родилась от первого брака дочери Анны. После развода Анна подружилась с другим мужчинкой. Но семьи не получилось, и они, не дожидаясь свадьбы, разбежались в разные стороны. Однако на память о дружбе несостоявшийся муж, но состоявшийся биологический отец, оставил подруге беременность с будущим Толиком. После родов, узнав об особенностях ребёнка, Анна хотела отказаться от него ещё в роддоме, но почему- то не решилась.

Антонина Семёновна недолюбливала второго «друга» дочери из-за его «непутёвости», как она говаривала, и тем более не хотела появления у них ребёнка. Хотя внучку обожала и с удовольствием привозила её на лето к себе в деревню. Поэтому, когда дочь попросила её помощи в уходе и воспитании второго ребёнка, та ей категорично и по-деревенски доходчиво ответила: «Как на…ла, так и воспитывай».

И всё же после того, как Анна прожила у матери почти весь свой декретный отпуск, бабушка привыкла к этому доброму и улыбчивому чаду и оттаяла. Когда ребёнок немного подрос, а Антонина Семёновна вышла на пенсию, то забрала его к себе, к превеликому удовольствию дочери, поскольку у той на горизонте появился новый спутник жизни, который не знал о существовании ещё одного, к тому же «дефективного» ребёнка.

Бабушка прививала внуку элементарные жизненные навыки – как одеваться, как следить за собой, приучала к посильной повседневной работе по дому и на огороде. Брала его с собой по гостям, в кино. Толик беззаботно играл с ребятишками на улице, не боясь быть обиженным ими. Длинными ненастными вечерами бабушка и внук подолгу распивали чаи, смотрели телевизор. Она разговаривала с ним, как с равным, и даже с серьёзным видом советовалась, хваля его за согласие, когда тот в ответ с пониманием кивал головкой. При этом она всегда ласково похлопывала его по плечу, приговаривая: «Эх Толик, что бы я без тебя делала»?

Антонина Семёновна на самом деле настолько привыкла к своему, для других «неполноценному», внуку, его покорному послушанию, доброму и доверчивому взгляду, ласковости, что не могла представить без него своего полноценного существования. Она даже не ощущала в отношении его никакого повседневного чувства жалости или сочувственности, потому что Толику было хорошо. Хотя к ней периодически цеплялась «гнусная», (как она её назвала), мысль: а что же будет с Толиком когда меня не станет? Она понимала, что отношение Анны к сыну вряд ли будет столь же благосклонным, как у неё. Но она старалась тут же отогнать эту мысль: «Ну, чего раскудахталась, рановато помирать-то, не старуха же ты». И, вспомнив про какую нибудь насущную заботу, бежала делать дела.

Два года назад Анна уговорила мать переехать в город. У нее намечалось в ближайшие два-три года расширение жилищной площади за счет предприятия, где та работала, и поэтому она прописала мать и сына у себя, чтобы получить более просторную квартиру. Сама же с дочерью жила у своего мужчины.

Женщина вскоре очнулась от взбудораживших ее внезапных эмоций, непонимания поведения внука и жалости к нему и, сильно сжав ладонь, сдавила его плечо:

– Кто тебя такому научил?

Она надеялась услышать про мальчишек, которые так подшутили над внуком, но тот со слезами на глазах пролепетал:

– Тетя Тася.

48-летняя Таисья Ветрова жила в том же пятиэтажном доме, что и Антонина Семёновна с внуком. Она была на четыре года старше Анны. Две её замужние дочери жили отдельно, поскольку характер у мамочки был, мягко говоря, непростой.

Антонина Семеновна понимала не только неразборчивый лепет внука, но и то, что он не досказал, и, наверное, могла прочитать даже его мысли. Она выяснила, как энергичная вздорная баба заманила мороженым и лимонадом доверчивого Толика к себе, провела первичный «сеанс обучения» и разбудила в нём доселе дремавший «основной инстинкт», если выражаться голливудским определением. Сколько раз такие сеансы проводились, парнишка точно пояснить не смог. Вскоре, по-видимому, соблазнительница поняла, что долго такие рандеву незамеченными не останутся, и если это вдруг прознается, то сраму не оберёшься» Поэтому просто прогнала его, отвесив крепкий подзатыльник, и постаралась внушить недалёкому пареньку, что если он кому-либо об их встречах расскажет, то она прибьёт его.

Бабушка сначала попыталась объяснить внуку, что так делать нельзя, что это плохо. И если он не послушается её наставлений, то она сама его сильно накажет. Толик кивал головой, соглашался, но затем с доброй улыбкой и ласковым взглядом пролепетал: «А я хоосюю».

Она замолчала в растерянности, не зная, как дальше действовать. Конечно, Антонина Семёновна сознавала, что внук не агрессивный и не будет таким, но и игнорировать эти неосознанные, но сильные порывы также нельзя. Наконец, не решив ещё, как дальше поступать, она с силой схватила его за запястье и грозно то ли прорычала, то ли прошипела:

– Ещё раз услышу такое, отправлю в детский дом. Будешь жить там без бабушки.

Толик слыхал от матери угрозы про детский дом, а тут ещё злобный голос самого близкого ему человека испугал его.

– Не хоосюю дом, не хоосюю, – со страхом глядя в глаза бабушке, прошептал он.

Антонина Семёновна вторично за последние несколько минут оттаяла от озлобления, но ласкать внука не стала, чтобы не ослаблять воздействие. Однако она так и не решила, что делать дальше. «Промолчать, может, само рассосётся? Но рассосётся ли? Позвонить Анне после работы, но от неё кроме угроз и крика, трудно чего-либо ожидать». Наконец она решила сходить вечером к Таисье и выплеснуть на неё всю свою обиду. Хотя и понимала, а что это даст? Ведь вопрос не в этой вульгарной бабе, а в судьбе Толика.

Антонина Семёновна уже год работала дворником в доме, где проживала. Её все знали, и поэтому визит к Ветровой выглядел вполне обычным.

– Каким сквозняком тебя ко мне занесло, Семёновна? – саркастически встретила хозяйка дворничиху.

– А ты и не догадываешься?

– Да вроде мусор из окна не выбрасывала, половики на балконе не выбивала.

– Ах ты, паскудница, ах, морда твоя бесстыжая, ты что же с парнишкой-то моим сделала! Он и так Богом обиженный, а ты ещё и развратила его!

Таисья даже не приняла обиженный вид после такого обвинения и с явной издёвкой прошептала:

– Ты что несёшь, дура старая? Совсем из ума выжила? Сейчас вот шваброй отоварю, вмиг очухаешься.

Таисья Семёновна едва сдерживалась.

– Да как же тебе не стыдно! Позорище-то какое. Инвалида соблазнила. Я же у него всё выведала. Я на тебя управу найду. Пусть все узнают!

До Таисьи стало доходить, что дело пахнет скандалом и посмешищем, но наглость не допускала к отступлению.

– Он что, Семёновна, тебя трахнул, что ли? Твой дебил и ко мне вломился. Так я его как следует огрела, выгнала, даже хотела милицию вызвать. Он тогда лепетал, что его бабка этому научила. Вот я-то всем и расскажу про это. А сейчас проваливай отсюда, пока с лестницы не спустила. Без метлы улетишь, ведьма старая.

– А ты меня не пугай, я пуганая. Я всё равно с тобой по-настоящему разберусь.

Антонина Семёновна вышла как оплёванная. На лестничной площадке у неё перехватило дыхание, боялась потерять сознание. Внук, увидев расстроенную бабушку, стал жалеть её и гладить руки:

– Не плась, не плась баба.

Семёновна посмотрела в его испуганные глаза и по-настоящему почти беззвучно расплакалась. Ну куда же я его брошу, думала она. Дочери сообщать не стала, отложила разговор на завтра, поскольку следующий день будет выходным.

Антонина Семёновна пришла к дочери одна. Анна восприняла известие о «любовных связях» сына без эмоций и даже иронично пошутила:

– Вот и мой Толик становится настоящим мужчиной.

Ни о каких разборках по этому поводу даже не подумала. Но рассказ матери о приставаниях к ней внука и особенно об оскорблениях, которым она подверглась от Таисьи, вывели её из себя.

– Зачем ты вообще туда попёрлась, мама? Чего добиться хотела? А Тольку с понедельника буду оформлять в специнтернат для даунов, спокойнее будет. Но с этой дохлой крысой я потолкую как следует. Я ей покажу «бабка научила»!

– Ты погоди, Анька, с оформлением-то. Ведь парнишка никогда без меня не жил. Пропадёт совсем, – перебила дочь Антонина Семёновна. – Я ещё поговорю с ним, не испорченный же он.

Анна замолчала и задумалась: а ведь и правда, зачем спешить-то? Если Тольку отдать в интернат, то, возможно, и выписывать его придётся. А тут трёхкомнатная квартира на носу…

– Хорошо, мама, смотри за парнем. Ну а с Таськой, сучкой, я всё равно разберусь.

Откладывать в долгий ящик свои намерения Анна не стала, в тот же день явилась к Ветровой и буквально ворвалась в прихожую, едва не сбив Ветрову с ног.

– Привет Таисьюшка, – без предисловий начала она. – Слыхала, ты в родственницы ко мне набиваешься, а чего сватов-то не присылала?

– Что ты несёшь? Вали отсюда, а то получишь, и поварёшки не пожалею! – Ветрова стояла судорожно сжимала металлический половник.

– Что, дохлятина, мужики-то, наверное, за километр тебя оббегают. Кто захочет общаться с такой уродиной? А хочется ведь, да? Так зачесалось, что инвалида соблазнила…

Таисья не могла оставаться в долгу после таких приветствий.

– Это ты за мужиками таскаешься, а мне они не нужны. У меня был один, мой, родной. И дети только от него, умницы, а не пальцем деланные по пьяни, как у некоторых. Ты, наверное, и сама не знаешь, от кого нагуляла дурака. А скорее и мужики-то тут ни при чём, сама такая…

Дамы могли бы ещё долго раздавать друг другу комплементы, но нервы Анны не выдержали. Резко, почти без замаха, она ударила щуплую соперницу ладонью по уху. Таисья, не выпуская из рук половника, как подкошенная свалилась на пол. Её недоумённо вытаращенные глаза словно вопрошали: а что же мне делать дальше – закричать или притвориться мёртвой? Но она выбрала другой путь. Нет, в драку она не полезла, явно учтя разницу в весовых категориях, а вскочила на ноги и злобно зашипела:

– Убирайся! Я тебя посажу, сволочь. У меня зять в милиции работает.

Анна вышла, громко хлопнув дверью. Только на улице до неё дошло, что она, по сути, совершила наказуемое правонарушение – ворвалась в чужую квартиру, устроила скандал, ударила хозяйку. Если Ветрова напишет заявление в милицию, это обязательно будет известно и на работе. Значит, может повлиять и на квартирную очередь, а там и Толика придётся отправлять в интернат. А, с другой стороны, она что, дура, что ли, писать заявление? Ведь при разборках всплывёт вся изначальная муть, стыдобища же; но она же – недалёкая баба, ей плюй в глаза, всё божья роса, может и написать, рассуждала Анна. Поэтому она решила сначала посоветоваться с компетентным человеком и вспомнила про Ирину Петровну, которая была главным юристом на их заводе, а до выхода на милицейскую пенсию работала следователем и в таких тонкостях должна была разбираться. К тому же она была землячкой, родом из соседней деревни, где родилась сама Анна, хорошо знала Антонину Семёновну. Поэтому ей можно было довериться.

– Ну, что тебя привело ко мне, землячка, как здоровье у Антонины Семёновны? – разливая по чашкам чай, дружелюбно спросила Ирина Петровна.

– Да у мамы-то здоровье, дай бог нам всем. Понимаешь, Ира у нас ситуация такая, что и смех и грех. Даже не знаю, как и начать.

– Да говори, как есть, раз пришла.

Анна изложила суть произошедшего и, закончив, заметила на лице Ирины едва заметную ироничную улыбку.

– Аня, а есть ли какие-то телесные повреждения у этой дамы?

– Откуда я знаю, я же сразу ушла. Но завалилась-то она красиво.

– Ладно, это уже вторично. А теперь скажи, чего ты хочешь получить в сложившейся ситуации? Действительно, есть уголовно наказуемая статья за изнасилование и развратные действия в отношении лица, которое по своему физическому и психическому состоянию не может адекватно оценивать и руководить своими действиями. И в поступках этой Ветровой вполне усматриваются признаки этого преступления. Дело, как ты сама понимаешь, деликатное и острое. А в нашем законодательном мешке такого шила точно не утаишь. Огласки трудно избежать. И как будут во дворе смотреть на твоего, и без того не похожего на других ребёнка? Заявление-то я помогу составить. Да, наказать такую бабу было бы неплохо.

– Ох, Ира, у меня самой мысли в раскорячку. Но если Таська сама напишет заявление в милицию, а потом всё это будет известно на заводе… У меня же получение квартиры на носу. Столько лет ждала. Да и как она нас с мамой поносила.

– Хорошо, Аня, я составлю для вас заявление. Но советую пока не давать ему ход. Посмотрим, как себя поведет Ветрова. Если сама напишет жалобу на тебя, то иного выхода не будет. Надо же как-то оправдываться за свой поступок. А насчёт квартиры не беспокойся, в случае чего вмешаюсь.

Ветрова всё-таки настрочила жалобу в милицию, где ей предложили пройти ме-

дицинское освидетельствование. У неё на щеке был небольшой синяк, но в поликлинику пока не ходила. Зять Таисьи Николай, помощник дежурного в райотделе милиции, куда поступило заявление, более года жил у тёщи и хорошо знал Антонину Семёновну, её дочь Анну, и внучку Алёнку. Поэтому решил предварительно выяснить, что случилось. А узнав все обстоятельства этой истории, он даже не мог сообразить, что ему делать – смеяться или возмущаться, а если и возмущаться, то каким моментом этой трагикомедии. Он попытался образумить тёщу, а когда та заупрямилась, то он, в силу их «недружественных» отношений, пожелал ей родить сиамских близнецов.

Заявление Анны Щукиной по поводу развратных действий в отношении её сына Анатолия поступило в тот же райотдел милиции. Дознаватель Светлана Сизова, которой адресовали материал по этому заявлению, лишь недавно перешла к следственной деятельности, а до этого работала в инспекции по делам несовершеннолетних. Поэтому этот не совсем обычный материал вызвал у неё затруднения с квалификацией. Когда начальник отделения растолковала ей суть уголовной статьи, то дознаватель поняла, что хлопот здесь выше крыши: и назначение экспертиз, и проблемы с допросом мальчика в присутствии специалиста, и неприятный фигурант. Она полагала, что было бы неплохо не возбуждать уголовное дело, а вынести отказ в возбуждении, поскольку судебная перспектива у этого дела весьма неоднозначна. Но для этого надо если и не примирить стороны, то хотя бы сгладить фабулу заявления.

Антонина Семёновна была уже удручена, что затеяла эту бучу. Её более всего беспокоила судьба внука. Ведь если случится огласка, то над ним будут смеяться не только подростки, но и смотреть как на прокажённого или маньяка взрослые. Особенно мамаши маленьких девочек. Она была уверена, что Толик не будет агрессивным, никому не причинит зла, но как это объяснишь?

Её разговор с дочерью перерос в серьёзную ссору. Анна была решительно настроена против Таисьи. Ей очень хотелось унизить эту грязную бабу, пусть все узнают, что это за дерьмо. Доводы матери о последствиях огласки в отношении ребёнка её мало беспокоили. А когда бабушка напомнила об опасности переноса очереди на квартиру из-за её рукоприкладства, та заявила, что всё будет нормально, она уже с кем надо договорилась. Антонина Семёновна вспылила и ответила, что в таком случае уедет обратно в деревню.

– Скатертью дорога, держать не могу! – почти прокричала в ответ Анна.

Толик, который незаметно вошёл в комнату и со страхом слушал перепалку женщин, а после слов о деревне тихо подошёл к бабушке и умоляюще промолвил:

– Баба, хосюю деревню, поедем деревню.

Анна вскочила со стула, схватила его за руку и грубо вытолкала из комнаты:

– Я тебя не в деревню, а в дурдом отправлю, пошёл вон!

Антонина Семёновна, едва сдерживая слёзы, вышла вслед за внуком. Она уже решила уехать в родную Бредневку, несмотря на то, что дочь извинилась.

На следующий день к 9.00 дознаватель Сизова вызвала для дачи показаний Антонину Семёновну с внуком. Через час Сизова планировала разговор с заявителем Анной Щукиной, но Анна попросила из-за загруженности на работе перенести встречу на послеобеденное время. А в 11.30 должен был состояться опрос Ветровой.

Сизова предложила бабушке начать опрос пока без Толика. Антонина Семёновна честно изложила своё видение ситуации, озабоченность за судьбу внука в случае огласки этой истории, уверяла, что он не может быть агрессивным ни в каком виде. И она сожалеет, что «заварила эту кашу», хотя наказать мерзкую бабу было бы справедливо: «Ну да ладно, Бог всё равно накажет», – закончила она свой ответ.

Сизова согласилась с Антониной Семёновной и предложила компромисс, исключающий в показаниях упоминание о половом контакте. Бабушка махнула рукой:

– Делайте, как хотите. Не во вред же!

Веторва, войдя в кабинет и поздоровавшись с дознавателем, первым делом известила, что у неё зять также работает в этом отделе милиции.

– Это не имеет отношения к вашему вызову, – пояснила Сизова.

Таисья решительно отвергла все «домыслы и поклёпы», что навешала на неё лживая семейка. Уверяла, что она исключительно порядочная женщина, мать двоих детей от одного мужа, а не меняет мужиков, как гигиенические прокладки. Подтвердила, что «Анькин дурачок» действительно был у неё. Она подкармливала его из жалости, поскольку болтается по двору вечно голодный. И он «мяукал» ей как бабка учит его похабщине.

– Вы подтверждаете, что всё сказанное вами – истинная правда, и готовы подписаться под этим в протоколе? – едва сдерживая возмущение, спросила Сизова.

– А как же. Вот те крест, – перекрестилась Ветрова.

– И в кого же вы веруете? Ну ладно, это не имеет юридического значения. Вы понимаете, что всё то, что вы сейчас наплели, очень легко опровергнуть. И тогда будет видно, где поклёпы. А ведь это не просто слова, это юридическая ответственность – и уголовная и материальная. Штрафы немаленькие за такие оскорбления и клевету.

– Так ведь Анька-то ещё и побила меня, вот посмотрите! – Ветрова показала едва заметное тёмное пятнышко на щеке.

– И кто-то сможет подтвердить это?

– Нет. И что же мне делать?

– Да ничего особенного – не оскорблять и не клеветать на других людей. Я сейчас изложу вашу версию всего произошедшего, а вы прочитаете и подпишите, если сочтёте, что записано верно.

Сизова понимала, что в какой-то мере фальсифицирует показания фигурантов, а с другой стороны – кому от этого будет хуже? Они же вправе менять показания.

Анна, будучи спокойной за квартирный вопрос, первоначально настаивала на полноценном рассмотрении заявления. Однако ознакомившись с показаниями матери, нехотя согласилась с такой трактовкой.

– А знаете, товарищ следователь, так хочется похлеще наказать эту су... стерву!

– Что ж, я с вас понимаю, – согласилась Сизова. – А заявление о скандале Ветрова заберёт.

Однако история на этом не закончилась. Вернувшись из милиции, Анна узнала от дочери, что бабушка собирается уезжать в деревню. Она ринулась в свою квартиру, где жили Антонина Семёновна с внуком. Там вспыхнул новый скандал. Бабушка собралась к отъезду не только сама, но и собрала внука. Такой оборот не входил в расчёты Анны. Она всем говорила, что вынуждена жить у гражданского мужа из-за стеснённых условий в своей квартире, к тому же и сын – инвалид, а тут оказывается, что квартира-то свободна. Вдруг это станет известно на заводе, и начнётся проверка.

– Знаешь что, мама, Тольку я не отпущу. Сама можешь ехать хоть на край земли, раз тебе наплевать на нас.

– Да нужен ли он тебе? Ведь ты его только из-за квартиры и держишь...

Толик прижался к бабушке, словно испуганный щенок, и со страхом взирал на женщин ещё более испуганными глазами. Антонина Семёновна молча взяла сумку, пакет с вещами и тихо вышла из квартиры. Сидя на скамейке у автовокзала, она вдруг почувствовала себя тургеневским Герасимом, распрощавшимся со своим Муму и с обидой уходящим в деревню. Но если Герасим принял окончательное решение об уходе, то здесь женщина оставалась с раздвоенными чувствами.

С одной стороны, она на самом деле скучала по деревне, а с другой – понимала, что оставляет внука без поддержки и присмотра и почти предаёт его в этой непростой ситуации. До отправления автобуса оставалось около получаса, когда на привокзальной площади она увидела спешащих к ней внучку Алёнку со своим парнем Сергеем и Толика.

– Бабуля, хватит обижаться, пошли домой, – обняла бабушку внучка. А Толик добавил: – Идём, баба, идём.

Антонина Семёновна тяжело вздохнула, посмотрела влажными от слёз глазами на внуков и едва слышно проговорила:

– Алёнушка, сбегайте, сдайте билет в кассу, денег же стоит.

НАСИЛЬНИК КУЗЯ

Начальник отдела милиции привычно просматривал поступившие за сутки материалы о происшествиях и другую корреспонденцию и расписывал их для исполнения. Его внимание привлекло длинное заявление об изнасиловании. Написала его одинокая пожилая женщина. К подобным заявлениям у начальника было если не предубеждение, то, во всяком случае, осторожность. Старческие недуги таких авторов провоцировали преувеличенность негативных оценок, что порой приводило к курьезам. Однако беззащитность пожилых людей взывала к придирчивому рассмотрению жалоб.

«Уважаемый товарищ начальник милиции, нет сил терпеть более эти безобразия. Я – пожилой человек и защитить меня некому». Далее следовал рассказ о личной жизни и трудовых достижениях автора, который начальник пропустил. Существо же письма было изложено довольно кратко. «...так вот, Норочка моя умерла. Умерши она стала от сотворённого над ней насилия. И даже родить не было силы. Норы, радости моей нет, а насильник и убийца Кузя гуляет и продолжает безобразничать. Ворует, что попадает на глаза. Такое же насилие он совершил над Лерой из 48-й квартиры, фамилию, простите, не знаю. А живёт Кузя у Нинки Малышкиной. А она то выгонит его, то опять примет. Баба взбалмошная, ей слово не скажи – сразу изматерит».

Исходя из сути заявления, можно было предположить изнасилование. Только вот почему гражданка (как её там... Чулкова), сразу не сообщила в милицию? Может, этот Кузя жил с её Норой, рассуждал начальник. Тогда и криминала, возможно, нет. Ладно, пусть участковый разберётся, что к чему.

Участковый инспектор Каплин, мрачный неразговорчивый младший лейтенант, прочитал адресованное ему для исполнения заявление.

– Сергей Петрович, – обратился он к начальнику отделения на совещании с участковыми, – но здесь же уголовное дело надо возбуждать, а вы мне подсовываете. Не буду я эту бумагу исполнять. Я ж не следователь и не уголовка.

– Что значит «не буду»? Можешь дома жене говорить – буду-не буду. У тебя заявление, а есть там, в описанных действиях, преступление или нет, выяснишь ты. Дошло? Короче опросишь заявителя и вторую женщину, которая упоминается как изнасилованная. Материал сырой, не для следствия, а розыскники и так завалены. Не забудь, срок рассмотрения здесь три дня, а не тридцать и даже не десять.

Каплин положил заявление в папку и, обременённый заботами о ремонте квартиры, не думая ни о чём другом, отправился домой красить окна и двери.

– Ну что там сделано по заявлению Чулковой? – поинтересовался через день на утренней оперативке начальник отделения. Младший лейтенант молча и обиженно отвёл глаза. Он просто забыл про это заявление и, застигнутый врасплох вопросом, засопел, как бульдог. Его мозг включил аварийный режим, судорожно подбирая, как бы поправдивее наврать.

– Ты что, оглухел, Каплин? Я тебя про изнасилование спрашиваю.

– А я... это... его это... дома не было, – замямлил он путано.

– Кого дома не было? Изнасилования? Значит, оно было на улице или в подвале? Так, что ли, тебя понимать?

– Нет, заявителя дома не было.

– Заявитель-то она – бабка, да будет тебе известно.

Мрачное лицо участкового побагровело и покрылось испаринами, а заявление по изнасилованию продолжало целомудренно лежать в папке между другими посланиями о семейных скандалистах, выбитых стёклах, кусачих собаках...

– Слушай, Каплин! Если завтра к утру не будет исполнен этот материал, то о тебе здесь будут напоминать только заволокиченные тобой документы, да и то, надеюсь, недолго.

Через полчаса Каплин уже звонил в квартиру гражданки Чулковой. Но её на самом деле дома не оказалось. Недолго думая, он заполнил повестку и засунул её в щель у замка. Такая же процедура была проделана и у дверей квартиры Малышкиной. К его великому сожалению, не было дома и жильцов квартиры № 48, где проживала ещё одна жертва насильника Кузи. Однако здесь «микромайору» повезло чуть больше. От соседки он узнал, что хозяин квартиры Юрий Колосовский находится на излечении в инфекционной больнице.

В приёмном покое больницы Каплину сначала не разрешили производить опрос пациента Колосовского: «Не положено! Инфекция!» Дело в том, что больной подхватил в командировке несвойственную для разъездных работников заразу – дезентирийную, а не венерическую, как все приличные путешественники, и за столь постыдное приобретение примерно на месяц был надёжно изолирован от общества.

Но отступать участковому было некуда, время подпёрло. А с другой стороны – кому это «не положено»? Ему, представителю власти при исполнении расследования тягчайшего преступления? Ну, уж нет. Он этот инкубатор заразы поставит на место, а свой долг выполнит. Напористость Каплина принесла результат. Медики разрешили ему побеседовать с пациентом, но только через... «телевизор», то есть застеклённый проём двери. Неизвестно, как бактерии, но звук через двойные стёкла просочиться не мог. Это обстоятельство не оставляло инспектору иного выхода, как выяснять подробности изнасилования языком жестов, мимики и движений тела. Наверное, младший лейтенант мог найти призвание в пантомиме, ибо по его выразительным па и мимике можно было уяснить, что речь идёт об изнасиловании или, во всяком случае, о половом акте. Вероятно, понял это и собеседник Каплина за стеклом, так как иногда он кивал головой. Но лицо больного почему-то оставалось бесстрастным. Возможно, он не мог понять, почему тип в милицейской форме домогается именно его и именно в период жидкого стула.

Однако такого общения было явно недостаточно для составления полноценного объяснения. И находчивый инспектор пошёл другим путём. Он достал листок бумаги и, приложив его к стенке, стал писать. Шариковая ручка в горизонтальном положении писала плохо, но всё же корявым, неразборчивым почерком он нацарапал основной вопрос «Жива ли Лера после изнасилования?» и приложил листок к стеклу. Безусловно, такая форма общения способствует более полному взаимопониманию, нежели пантомима. Неслучайно больной Колосовский заинтересованно упёрся носом в стекло и, шевеля губами, стал отождествлять нацарапанные каракули с буквами. Вскоре его лицо недоумённо вытянулось и замерло с полуоткрытым ртом. Следующим этапом уяснения и оценки написанного было то, что мужчина схватился за сердце и стал медленно оседать на пол. Тут же дверь отворилась, и появившаяся медсестра решительно погнала Каплина от палаты.

Когда младший лейтенант пришёл в отдел, в коридоре его уже ждала заявительница Чулкова. Он зашёл в кабинет и, устало плюхнувшись в обшарпанное кресло, подпёр руками голову. Бабка вкатилась вслед за ним без стука.

– Вызывали сынок? Вы Каплин будете?

– Садитесь – буркнул в ответ инспектор.

– Спасибо.

Маленькая старушка с довольным видом примостилась на краешке стула.

– Фамилия?

– Моя-то? А Чулкова я, Чулкова Шура, значит. Шурой-то меня все зовут, а вообще-то я Хуршет, по-татарски-то. Раньше я Гараевой была.

– Отчество?

– Николаевна я, Николаевна. Вообще-то папа по паспорту Наим был, по-татарски-то, но можешь как хочешь писать, – разрешила она.

– Расскажите, как дело было с вашей Норой.

– Да что, сынок, говорить-то? Нет её уже, и не вернёшь, – всплакнула старушка и поднесла к глазам платок.

– Когда это произошло, где и вообще как всё получилось?

– Ну, как это получается, поди и вам известно. А было это в аккурат в вашу Пасху. Норочка-то гуляла и зашла к скверику за нашими сараями. Вы там бывали, навер-

ное, место-то поганое. Кузя там прямо так и ошивается. Там же алкаши постоянно. Ну кто чего подаст ему. Вот Кузя прямо и налетел на неё. Савичев толсторожий и Чума Лёшка там же были и не прекратили злодейства, а мне ещё не отдали за три бутылки...

– За что, за что? – навострил уши участковый.

– Да так, деньги, говорю, занимали, а Норе не помогли.

Бабка расплакалась и стала сквозь слёзы причитать о том, как за своё добро, что она делает людям, в ответ получает лишь боли и обиды.

В это время зазвонил телефон. Звонила подруга жены Каплина, работавшая кладовщицей на складе строительных материалов. Она сообщила, что к ним привезли красивые, недорогие обои, и если он хочет посмотреть и приобрести их, то пусть немедленно приезжает. После такого известия у инспектора, естественно, пропало всякое желание продолжать опрос. Он засуетился и сунул Чулковой бланк объяснения с заполненными её паспортными данными.

– Вот на этом бланке изложите дома всё подробненько, а вечером или завтра утром я к вам зайду и заберу его, чтобы вам опять сюда не тащиться. И не беспокойтесь, и Кузю, и Малышкину обязательно накажем.

– Дай-то бог, дай-то бог сынок.

Вызванная на пять часов вечера Малышкина не пришла. Прождав её почти до шести, участковый решил покончить с ролью неудачливого влюблённого. Он убедил начальника, что Малышкина – циничная и опасная преступница и что её необходимо доставить утром в отдел силами дежурного наряда.

Утром у дверей кабинета сидела статная женщина неопределённого возраста. Причёска её была, мягко говоря, «неубрана», и волосы торчали на голове, как на болотной кочке. Зато губы выделялись алой яркостью. Женщина была явно не в духе.

– Фамилия? – достаточно вежливо, но официально начал разговор инспектор, пригласив её в кабинет.

– Вчера на бумажке писал, а сегодня память отшибло?

–Послушай, Малышкина...

– Смотрите-ка, вспомнил!

Каплин не был готов к такому началу разговора и поэтому ляпнул то, что пришло на ум первым:

– Я вот сейчас брошу тебя в камеру, так там ты быстро научишься хорошему тону.

– Ой, да сделай милость. Там хоть твоей постной рожи видеть не буду, а то с похмелья и без тебя тошно.

Участковый, захлёбываясь гневом, вскочил со стула, а женщина, сдавив виски ладонями, безразлично пробормотала:

– Да спрашивай быстрее, чего хотел.

– Документы есть с собой?

Она сунула руку в декольте, достала тюбик помады и с шумом шлёпнула его на стол.

– Что это?

– Вот возьми. Это единственное, что дали мне взять с собой ваши мордовороты.

– Хорошо, хорошо, – смягчился инспектор, надеясь таким образом найти контакт с опрашиваемой. – Ты лучше расскажи мне про Кузю.

– А что Кузя вам всем соли на хвост насыпал, что ли? Ну, живёт он у меня временами. Прописан в другом месте, так сейчас можно. Работу имеем, пьём на свои. Баба я ничего, одинокая, всё при мне, как видишь, – она хлопнула себя по полноватым бёдрам и подбросила ладонями выпирающие из-под кофты груди. – Кому какое дело? – Вдруг она на мгновение застыла с открытым ртом, а потом, качая головой, словно прозрев, продолжила: – Ах, вот оно что, теперь то мне понятно. Наверняка эта сушёная кикимора что-то накатала. Вот ведь сучье вымя! Ей давно на кладбище прогулы ставят, а она... Ну я из этой Чулковой портянку вонючую сделаю...

– Отвечай по существу! – хлопнул ладошкой по столу Каплин.

В это время в кабинет вошла женщина в форме майора милиции. Это была старший следователь. Именно ей предстояло забрать материал по изнасилованию для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Несколько смущаясь из-за вошедшей, младший лейтенант продолжил опрос сдержанней, но твёрже.

– Во-первых, твой Кузя преступник...

– Во-первых, – парировала Малышкина, – он «Кузя» только для меня, а для всех остальных он – Кузьминский Анатолий Сергеевич. Ясно? Я же не называю инспектора Каплина Каплей. Капля с носа. А во-вторых, он – работяга и классный сварщик, а не пристроился придурком, как некоторые...

Майоршу возмутил развязный тон опрашиваемой. Она хотела одёрнуть её, но инспектор решил удержать нить разговора в своих руках и показать себя выше оскорбительных намёков вздорной бабы. Хотя, по правде говоря, кроме куцего заявления ему и крыть-то было нечем. У него не было никаких документов, подтверждающих виновность этого Кузи, или Кузьминского, если называть всё своими именами. Даже объяснение он не удосужился забрать у старухи. Оставалось только попробовать взять клиента на испуг.

– Знаете, Малышкина, я вчера был в больнице у гражданина Колосовского. Знакомы с таким? – перейдя на «вы», сухо и загадочно начал Каплин.

–Ах, так это ты вчера туда припёрся? – перебила его женщина. – У меня там подруга работает. Значит, это ты наплёл дристуну, что его Лорка отбросила копыта после изнасилования. Он, бедняга, от удивления даже в обморок свалился. Еле откачали. Да его кобыле хоть всех вкладчиков МММ приводи и Лёню Голубкова с братом в придачу, и то будет, что слону дробина. Её же ломом не убьёшь, а не то что... Во люди, во работнички. Делать им нечего. Шляются везде.

– Перестаньте хамить и не вводите в заблуждение. Я имею в виду не Лору. Ваш друг или как его там...

– Ну хахаль, так и говори – хахаль...

– Кузьминский Анатолий подозревается в изнасиловании Чулковой Норы и Колосовской Леры. Леры, а не Лоры».

– Чулкову Нору... Колосовскую Леру...

Выразительные чёрные глаза Малышкиной расширились, как у Чебурашки. Она уставилась удивлённым взглядом сначала на участкового инспектора (отчего тот аж приподнялся в кресле, полагая, что попал в точку), потом перевела взор на строгую майоршу, а после этого судорожно обхватила лицо растопыренными пальцами и истерически то ли завыла, то ли захохотала:

– О... о... оох, ох, бабы, ой держите меня, ой, бабоньки усс... ой... держите меня. Ну Кузя, ну террорист, ну Чикатило... Наберут орёликов в родные органы. Ой, бабы, зато хоть насмеёшься вволю... Да Кузя-то, Кузя-то – пёс мой, дворняга. Когда внук у меня жил, так играл с ним. Эта скряга Чулкова всё денег жалела, чтобы сводить свою Нору к кобельку той же нации. Ну Кузя и удовлетворил её. А собачонка-то, видно, как монахиня так навоздерживалась, что, получив удовольствие, не смогла пережить такой радости. А мужики у дома и надоумили старую дуру написать письмо в милицию. Жаль, что не прямо к Боре Ельцину. Тому, наверное, и консилиум не потребовался бы. Ооох, наберут же орёликов... А с Колосовским-то, с Колосовским-то ещё большая хохма вышла. Тот звонил в телефонной будке и поводком прижал собачонку к закрытой двери. Та без манёвра. А Кузя, Кузя-то мой, не будь дурак, и оприходовал её. Ой, бабоньки, ой, террорист, ну Чикатило. А Юра так уж берёг свою Леру, с поводка не спускал. Так и ходит эта семейка с поводками – Лора Юру водит, а Юра Леру.

Строгая майорша забилась в нишу между шкафом и стенкой и хохотала навзрыд.

– Ну, времена, ну, дела... – продолжала донимать Малышкина. – Во демократию сотворили, на дворняг дела стряпают. Где вы таких Холмсов откопали? Ты, парень, вот что – у меня ещё кот Ерофей есть, так он и Кузю переплюнет. Ты уж, если что, ему повестку не присылай, бесполезно, сразу ОМОН направляй.

Встав и без разрешения выйдя из кабинета, женщина, шатаясь от смеха, поплелась по длинному милицейскому коридору к выходу. Инспектор же бессмысленно уставился на оконную раму, где не то сидела муха, не то чернела шляпка от гвоздя.